

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Блохина Яна Алексеевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ»
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Дубровская Татьяна Викторовна

Пенза – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ	
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	15
1.1. Дискурс как инструмент власти	15
1.2. Основные направления исследования внешнеполитического дискурса..	18
1.2.1. Функции и коммуниканты внешнеполитического дискурса	22
1.2.2. Концепты внешнеполитического дискурса	25
1.2.3. Прагмалингвистические средства внешнеполитического дискурса: жанры, стратегии и языковые средства	28
1.2.4. Репрезентации социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе	34
1.3. Оппозиции в дискурсе	36
1.3.1. Оппозиция и подходы к ее изучению	37
1.3.2. Оппозиции в политическом дискурсе	45
1.4. Методология исследования семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе	50
1.5. Выводы по главе 1	54
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА ЧЛЕНОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ	
«СИЛА VS СЛАБОСТЬ» В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ	
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	57
2.1. Семантика лексических единиц «сила/strength» и «слабость/weakness» в русском и английском языках	57
2.2. Семантические компоненты «силы» и языковые средства их выражения	67
2.2.1. «Сила» в саморепрезентациях России	67
2.2.2. «Сила» в саморепрезентациях США	82
2.2.3. «Сила» в репрезентациях США в российском внешнеполитическом дискурсе	92

2.2.4. «Сила» в репрезентациях России в американском внешнеполитическом дискурсе	100
2.3. Семантические компоненты «слабости» и языковые средства их выражения	107
2.3.1. «Слабость» в саморепрезентациях внешнеполитических акторов	107
2.3.2. «Слабость» в репрезентациях США и других акторов в российском внешнеполитическом дискурсе	109
2.3.3. «Слабость» в репрезентациях России и других акторов в американском внешнеполитическом дискурсе	116
2.4. Выводы по главе 2	120
ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	124
3.1. Функция ориентации во внешнеполитической реальности	124
3.2. Функция интеграции и дифференциации политических акторов	132
3.3. Функция легитимизации применения силы	140
3.4. Выводы по главе 3	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	156
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	175
СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ МАТЕРИАЛОВ	175
ПРИЛОЖЕНИЕ А	187

ВВЕДЕНИЕ

Отношения оппозиции в языке изучались на разных этапах развития лингвистической мысли. Интерес лингвистов к отношениям оппозиции объясняется тем, что ее изучение позволяет выявить системные отношения в языке, определить принципы взаимосвязи между единицами плана содержания и плана выражения. В последние десятилетия оппозиции исследуются не только как отношения, характеризующие языковую систему, но и как явление, присущее речи, дискурсивным практикам. В настоящей диссертации оппозиция рассматривается в контексте внешнеполитического дискурса.

Внешнеполитический дискурс представляется феноменом, достаточно хорошо изученным в рамках лингвистических исследований [Терентий 2010; Кожегова 2012; Шаповалова 2013; Иохим 2014; Дубровская 2016]. Данный тип дискурса изучается с точки зрения состава коммуникантов, типичных жанровых форм, концептов и конкретных языковых средств. Однако внешнеполитические дискурсивные практики остаются неисследованными на предмет конструирования в них семантических оппозиций, в частности, семантической оппозиции «сила vs слабость». До настоящего момента особенности функционирования данной оппозиции во внешнеполитическом дискурсе не рассматривались и подобного исследования не проводилось.

Актуальность работы обусловлена как социальными, так и собственно лингвистическими факторами. В политических практиках, как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических, государственные деятели часто указывают на силу государства, в связи с чем важным представляется понимание сущности феномена «сила». Актуальность исследования с точки зрения социальных факторов определяется и тем, что дискурс-анализ, по мнению исследователей внешнеполитического дискурса, позволяет вскрыть семиотические возможности языка в конструировании внешнеполитической реальности [Иохим 2014, с. 1140]. В связи с этим исследование внешнеполитического дискурса дает ключ к пониманию политических процессов,

происходящих в международном сообществе. С другой стороны, актуальность настоящего исследования определяется лингвистическими факторами, поскольку оно вписывается в современную – функциональную – парадигму изучения языка, в рамках которой язык рассматривается как инструмент, предназначенный для выполнения различных социальных функций. Исследование оппозиции сильного и слабого во внешнеполитическом дискурсе, ориентированном на борьбу за власть на международной арене и защиту национальных интересов, способствует решению такой задачи, как выявление языковых и речевых особенностей дискурсивного конструирования отношений между социальными акторами.

Степень разработанности проблемы. Вопрос лингвистических оппозиций издавна находится в поле внимания многих языковедов [Трубецкой 1960; Бондарко 1981; Новиков 1982; Mettinger 1994; Боева 2001; Рублёва 2004; Fong 2004]. Подходы, представленные в данных работах, являются устоявшимися в науке о языке, однако в настоящее время ученые предпринимают попытки по-новому взглянуть на категорию оппозиции и раскрыть ее роль в функциональном аспекте. В современной политической лингвистике существуют многочисленные исследования, в рамках которых ученые выделяют и рассматривают ключевые оппозиции, конструируемые в политическом или внешнеполитическом контексте. Основной и наиболее изученной оппозицией является оппозиция «мы vs они» [Алиева 2010; Кишина 2011; Приходько 2011; Brokensha 2011; Sowińska, Dubrovskaya 2012; Банман 2013; Wirth-Coliba 2016 и др.]. Другая изученная оппозиция в политическом дискурсе – оппозиция «народ vs власть» [Невинская 2006; Дубровская, Данкова 2014; Сурикова 2017]. Наряду с названными оппозициями Т.В. Дубровская отмечает существование еще одной значимой оппозиции – оппозиции «сила vs слабость» – и предлагает семантико-прагматический подход к ее изучению [Дубровская 2016; Dubrovskaya, Sowińska 2018], направленный на выявление смысловых компонентов в рамках актуализации членов оппозиции «сила» и «слабость» на основании различных признаков субъекта внешнеполитических отношений.

Будучи недостаточно исследованным феноменом, оппозиция «сила vs слабость» изучается в лингвокультурологии и фразеологии. Так, О.В. Назина [Назина 2010] и М.А. Шаманская [Шаманская 2012] рассматривают данную оппозицию в немецкой лингвокультуре в гендерном аспекте. В работе А.А. Савельевой семантическая оппозиция «сила – слабость» исследуется с точки зрения ее актуализации фразеологическими единицами в российских печатных СМИ [Савельева 2011]. В рамках настоящего исследования мы берем за основу существующие достижения и далее разрабатываем структуру членов оппозиции «сила» и «слабость», а также определяем функциональную роль семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Цель исследования – определить, каким образом конструируются семантические отношения оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе, в частности, установить функциональный потенциал семантической оппозиции «сила vs слабость» и способы её языковой реализации. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1) теоретически обобщить выводы отечественных и зарубежных исследований, посвященных характеристикам внешнеполитического дискурса и основным направлениям его исследования, а также аналитически систематизировать существующие работы по оппозициям в языке и дискурсе, в том числе в дискурсе политическом и внешнеполитическом;

2) составить корпус текстов российского и американского внешнеполитического дискурса;

3) выявить семантическую структуру члена оппозиции «сила» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе и определить языковые средства, реализующие его компоненты;

4) выявить семантическую структуру члена оппозиции «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе и определить языковые средства, реализующие его компоненты;

5) установить соотношение между семантической оппозицией «сила vs слабость», с одной стороны, и оппозицией между социальными акторами, с другой стороны;

б) установить функции семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Объектом диссертационного исследования является семантическая оппозиция «сила vs слабость», конструируемая во внешнеполитическом дискурсе.

Предмет настоящего исследования – языковые и прагматические характеристики членов данной оппозиции, а также ее функциональная роль во внешнеполитическом дискурсе.

Материал исследования включает тексты выступлений официальных представителей внешнеполитических ведомств России и США: Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, заместителя Министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова и официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой, а также бывшего государственного секретаря США Дж.Ф. Керри, первого заместителя госсекретаря США Дж. Салливана и официального представителя государственного департамента США Х. Нойерт. Для изучения отобраны устные публичные жанры: выступления, ответы на вопросы СМИ, пресс-конференции, интервью, заявления для прессы и комментарии. Корпус текстов охватывает период с 2014 года по 2017 год включительно. В качестве источника материалов были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и государственного департамента США (www.state.gov). Из всего представленного на сайтах МИД РФ и госдепартамента США материала методом сплошной выборки по ключевым словам «Россия/Russia» и «США/USA» были отобраны выступления, в которых предметом обсуждения являются российско-американские отношения. В сумме были проанализированы 45 российских выступлений и 45 американских выступлений. Общий объем материала составил около 250 тысяч словоупотреблений.

Гипотеза исследования состоит в том, что «сила» и «слабость» образуют базовую оппозицию внешнеполитического дискурса, которая актуализируется посредством специфических языковых средств и имеет функциональную ценность, поскольку конструирует отношения между субъектами внешнеполитических отношений. Предполагаем также, что члены семантической оппозиции «сила» и «слабость» неравноценны с точки зрения смыслового содержания и прагматической ценности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие таких разделов лингвистики, как теория дискурса, семантика, политическая лингвистика, прагмалингвистика и социолингвистика. В ходе проведенного исследования были достигнуты следующие результаты:

- разработана авторская методика для выявления конституирующих компонентов членов оппозиции «сила» и «слабость»;

- выявлены три группы компонентов в структуре «силы» и «слабости» (семантические компоненты, выводимые из словарных значений, семантические компоненты, подлежащие процессу инференции, и оценочные семантические компоненты), а также определены языковые средства актуализации выделенных компонентов;

- установлена взаимосвязь между членами оппозиции «сила», «слабость» и конфигурацией внешнеполитических акторов.

В диссертации предложено определение внешнеполитического дискурса как вербально-знакового выражения процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью разработки методических рекомендаций по коммуникации в сфере внешней политики для государственных деятелей, специализирующихся на международных отношениях, а также для студентов, обучающихся на факультете международных отношений, студентов-филологов и студентов-журналистов в

академических целях. Собранный корпус текстов внешнеполитических выступлений на русском и английском языках может быть использован при обучении профессиональному переводу в сфере международных коммуникаций. Настоящее исследование может оказаться полезным с прикладной точки зрения для спичрайтеров – составителей текстов выступлений для высокопоставленных лиц государства, политиков, общественных деятелей или бизнесменов.

Теоретической базой для проведения настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные дискурсу и критическому дискурс-анализу (Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, В.Е. Чернявская, В.Г. Борботько, Т.В. Дубровская, П. Шародо, Т.А. ван Дейк, П. Серио, Н. Фэрклоф, Р. Водак, Т. ван Лёвен и др.), политическому дискурсу (Е.И. Шейгал, В.З. Демьянков, А.П. Чудинов), внешнеполитическому дискурсу (Л.М. Терентий, А.С. Кожетева, В.Н. Яппарова, Т.А. Волкова, М.В. Беляков, Т.В. Шаповалова, А.Н. Иохим, Т.В. Дубровская, Н.С. Рядовая, Е.С. Белов, Е.Б. Матыгина, О.А. Вдовина, Е.В. Терехова и др.), языковым оппозициям (Н.С. Трубецкой, А.В. Бондарко, Н.Б. Боева, Ж.П. Кантино, О.Л. Рублева, Л.А. Новиков, А. Mettinger, E.S. Gjergo, S. Delija и др.), речевым оппозициям (К.В. Гудкова, А.В. Кулешова, M. Davies, L. Jeffries), оппозициям в политическом дискурсе, в частности оппозиции «свой vs чужой» (Е.В. Кишина, С.А. Приходько, Т.В. Алиева, Е.А. Баженова, И.В. Мальцева, Т.В. Дубровская и др.), оппозиции «народ vs власть» (М.Д. Невинская, Т.В. Дубровская, Н.С. Данкова), а также оппозиции «сила vs слабость» в языке и дискурсе (А.А. Савельева, О.В. Назина, М.А. Шаманская, Т.В. Дубровская).

Научная новизна представленного исследования состоит в том, оппозиция «сила vs слабость» рассмотрена как одна из базовых оппозиций внешнеполитического дискурса. Впервые в отечественных и зарубежных исследованиях предложена многоаспектная концепция оппозиции «сила vs слабость», в которой выявлена структура членов оппозиции «сила» и «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе, определены языковые средства, выражающие компоненты рассматриваемых членов

оппозиции, а также выделены функции оппозиции во внешнеполитических дискурсивных практиках. Такая концепция интегрирует лингвистические и прагматические аспекты внешнеполитического дискурса на основе изучения семантических отношений оппозиции в языке и речи. Построение многоаспектной концепции семантической оппозиции «сила vs слабость» стало возможным благодаря разработке и применению авторской методики анализа семантической структуры членов оппозиции «сила» и «слабость». Никогда ранее не применялся методологический подход с рассмотрением семантической структуры членов, образующих оппозицию. Новизна исследования состоит также в доказанном утверждении, что отношения оппозиции актуализируются в дискурсе. Кроме того, при выполнении диссертационного исследования был собран обширный материал российского и американского внешнеполитического дискурса, часть которого в объеме 154 тысяч словоупотреблений зарегистрирована как результат интеллектуальной деятельности (РИД) (регистрационный номер АААА-Г17-617111540005-5, приложение А). Таким образом, в научный оборот введен новый языковой материал, который может быть использован для дальнейших исследований внешнеполитического дискурса.

Методология исследования основана на критическом анализе дискурса, направленном на изучение языковых явлений в совокупности с социально-историческими условиями производства дискурса. В ходе исследования были применены общенаучные методы, такие как наблюдение, описание, интерпретация и обобщение. В диссертации используются также методики семантического исследования: контекстуальный анализ, дефиниционный анализ.

Семантическая оппозиция «сила vs слабость» рассматривается путем обращения к дискурсу двух принципиально важных внешнеполитических акторов: России и США. Суть данного обращения заключается в том, что оппозиция изучается в прагматическом контексте, во внешнеполитических дискурсивных практиках, которые вовлекают более чем одно государство. Только с привлечением дискурса по меньшей мере двух политических акторов становится возможным исследование данной оппозиции. Этим фактором

обусловлено привлечение материала двух языков (русского и английского), посредством которых осуществляется конструирование изученной оппозиции.

В исследовании мы реализуем семантико-прагматический подход к оппозиции «сила vs слабость» и выявляем конституирующие семантические компоненты членов оппозиции. Методика анализа включает следующие шаги. Были рассмотрены словарные дефиниции лексических единиц «сила/strength» и «слабость/weakness» в русском и английском языках. Далее был изучен собранный корпус текстов российского и американского внешнеполитического дискурса, посредством наблюдения, интерпретации и обобщения в нём были выделены семантические компоненты члена оппозиции «сила», конструирующие саморепрезентации России и США и репрезентации актора-оппонента. Актором-оппонентом для России является США, и наоборот, актором-оппонентом для США выступает Россия. Выявленные компоненты были соотнесены со словарными значениями лексем «сила/strength» и исследованы на предмет содержания оценочных коннотаций. Далее они были расклассифицированы на три группы в зависимости от выводимости или невыводимости семантического компонента из словарных дефиниций и с точки зрения отсутствия или наличия оценочного смысла: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты. Параллельно осуществлялся анализ языковых средств выражения этих компонентов. Далее были выявлены семантические компоненты члена оппозиции «слабость», конструирующие саморепрезентации политического актора, а также репрезентации актора-оппонента и других политических акторов. Выделенные компоненты были расклассифицированы на группы по вышеописанному алгоритму и также рассмотрены с точки зрения их языкового воплощения. Наконец, установлены особенности конструирования отношений между членами исследуемой оппозиции и отношений между социальными акторами. Интерпретация материала с точки зрения коммуникативных целей говорящих позволила определить

основные функции семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Поскольку в настоящем исследовании мы имеем дело не с лексическими единицами, закрепленными в системе языка, а обращаемся к единицам, формируемым в дискурсе, мы считаем оправданным использование русскоязычных наименований «сила» и «слабость» для обозначения членов оппозиции «сила vs слабость» при проведении анализа внешнеполитического дискурса как на русском, так и на английском языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» является базовой оппозицией внешнеполитического дискурса.

2. Семантическая оппозиция в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического, так и прагматического. Смыслы, конструируемые в рамках оппозиции, не выводятся исключительно из словарных значений лексических единиц, имеющих семантику силы и слабости, а создаются всей совокупностью языковых единиц в лингвистическом и прагматическом контекстах.

3. Структура членов оппозиции «сила» и «слабость» включает в себя: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений соответствующих лексических единиц в русском и английском языках; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты, придающие членам оппозиции аксиологическую нагрузку. При этом все семантические компоненты актуализируются лексическими и грамматическими средствами языка, посредством стилистических фигур речи, а также на уровне логической организации текста.

4. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» характеризуется асимметричностью, поскольку «сила» отличается более сложным компонентным составом и более широким набором языковых средств выражения, чем «слабость». Сила оказывается более востребованной во внешнеполитическом

дискурсе, тогда как слабость играет вспомогательную роль. Слабость чаще всего отмечается как качество третьего актора и способствует конструированию России и США как сильных политических акторов на фоне слабых.

5. Семантические компоненты, выделяемые в составе членов оппозиции «сила» и «слабость» в репрезентациях России и США в российском и американском материале, и языковые средства, реализующие эти компоненты, обнаруживают значительный параллелизм, что свидетельствует о существовании универсальных принципов построения внешнеполитического дискурса и доминировании в нем институциональных принципов и целей, а не лингвокультурной специфики.

6. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» выполняет во внешнеполитическом дискурсе следующие функции: функцию ориентации во внешнеполитической реальности, функцию интеграции и дифференциации политических акторов, функцию легитимизации применения силы.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на всероссийских конференциях и семинарах: на научной конференции «Педагогический институт им В.Г. Белинского: традиции и инновации» (Пенза, ПГУ, 16-17 декабря 2014 года), на III Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 13-14 мая 2015 года), на межкафедральном научном семинаре (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 20 июня 2015 года), на III Международной молодежной научно-практической конференции (г. Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 22-23 апреля 2016 года), на IV Международной молодежной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 11-13 октября 2016 года), на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки» (г. Екатеринбург, 15 декабря 2016 года), на Международной научной конференции XV Виноградовские Чтения «Текст, контекст, интертекст» (г. Москва,

Московский городской педагогический университет, 5-7 марта 2018 года). Часть работы проводилась в рамках научного проекта «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации», поддержанного грантом РГНФ (проект №15-34-14001), под руководством д.ф.н. Т.В. Дубровской.

Содержание диссертации отражено в 12 публикациях, в том числе в 4 статьях в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК, а также в одной главе коллективной монографии.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта научных специальностей. Исследование выполнено по специальности 10.02.19 – Теория языка. Тема диссертации соответствует п. 6 Семантика (Широкая концепция семантики как науки, изучающей смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления. Смысл высказывания, как вся та информация, которую вкладывает в него говорящий и которую должен извлечь из него адресат. Буквальный смысл высказывания и его актуальный смысл в данной ситуации общения), п. 7 Дискурс (Понятие дискурса. Дискурсивный анализ как раздел лингвистики. Дискурс как объект междисциплинарного изучения. Роль дискурсивных факторов на всех уровнях языка. Порождение vs. понимание) и п. 12 Социолингвистика (Язык и идеология).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы, списка материалов исследования и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Дискурс как инструмент власти

В современной лингвистике существует большое количество работ, посвященных теоретическим и практическим исследованиям в области дискурса. Ученые предлагают различные дефиниции понятия «дискурс», определяют содержание и границы данного феномена, выделяют его основные признаки и функции, описывают взаимоотношения дискурса и других лингвистических категорий. Мы не будем останавливаться на перечисленных проблемах исследования дискурса, поскольку эти вопросы детально изучены в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов [Кубрякова 2000; Карасик 2002; Демьянков 2005; Чернявская 2009; Борботько 2011; Шародо 1983; ван Дейк 1989; Серио 2002; Gee 1999; Titscher et al. 2000 и др.]. Считаем необходимым дать определение дискурса и представить свойства дискурса, значимые при рассмотрении теоретических основ изучения внешнеполитического дискурса.

Классическим определением дискурса является определение дискурса, данное Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие; как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990, с. 136 – 137]. Из этого определения видим, что природу данного языкового явления определяет обширный спектр факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Данное определение отражает ряд важных характеристик (свойств) дискурса, выделенных отечественными и зарубежными дискурс-аналитиками и обобщенных Т.В. Дубровской [Дубровская 2010]. Исследовательница считает «возможным отметить следующие свойства дискурса, определяющие его природу:

- процессуальный характер;
- связь с мыслительными процессами;
- интерактивный характер;
- связь с экстралингвистической ситуацией, контекстом;
- социальная значимость;
- отсутствие четких границ» [Дубровская 2010, с. 9].

Одним из важнейших свойств дискурса является его социальная значимость. Особое внимание данному свойству уделяется в научной школе критического анализа дискурса (Critical Discourse Analysis – CDA), где акцент ставится на взаимообусловленности социальных и языковых практик, понимания языка «как неотъемлемой части социальной жизни, диалектически связанной с другими элементами социальной жизни» [Fairclough 2003, с. 2] (*Здесь и далее перевод мой. – Я.Б.*).

Направление критического дискурс-анализа базируется на положениях социального конструкционизма, согласно которому реальность – это не совокупность объективно существующих фактов, а продукт, создаваемый путем их вербальной интерпретации [Бергер, Лукман 1995]. Н. Фэрклоф [Fairclough 1989], Р. Водак [Wodak 1994], Т. ван Дейк [ван Дейк 1994] и другие представители критического дискурс-анализа (КДА) утверждают, что дискурс – это форма социальной практики. По Н. Фэрклоф и Р. Водак, «описание дискурса как социальной практики предполагает диалектическое взаимодействие между отдельным дискурсивным событием и ситуациями, институтами и социальными структурами, которые его определяют ... Дискурс отличается не только своей социальной обусловленностью, но и способностью создавать ситуации, объекты знания, социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей» [Fairclough and Wodak 1997, с. 258]. Суммируя мнения дискурс-аналитиков, Т.В. Дубровская отмечает, что анализ дискурса не сводим к анализу текстов, «в фокус внимания попадают социальные практики (social practices) и социальные последствия дискурса (socially 'constructive' effects of discourse)» [Дубровская 2010, с. 11]. При таком подходе дискурсивный анализ ориентирован

на изучение общественных процессов, и, прежде всего, процесса воспроизводства и распределения власти, а также злоупотребления ею в обществе.

Представители КДА считают, что дискурсивные практики могут привести к идеологическим эффектам и установлению неравных властных отношений между людьми [Fairclough and Wodak 1997, с. 258]. Т. ван Дейк пишет, что «многие формы социального неравенства, основанного, например, на гендерных, классовых и расовых различиях, конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого символическими элитами – политиками, журналистами, учеными, писателями и чиновниками» [ван Дейк 2013, с. 13]. Таким образом, феномен власти становится важнейшим объектом критических дискурсивных исследований, а критический дискурс-анализ рассматривается «как эпистемология, объясняющая способы познания социального мира» [Филлипс, Харди 2009].

Социальную обусловленность и социальную значимость дискурса отмечают и отечественные ученые. Применительно к юридическим практикам, Т.В. Дубровская даёт следующее определение: «Судебный дискурс – это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Дубровская 2010, с. 14]. По мнению Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2001], при осуществлении дискурсивного анализа акцент ставится на рассмотрение ряда экстралингвистических факторов, включающих исторические и культурологические данные, а также сведения о действующих лицах, об их целях, мотивах, идеологических установках, обстоятельствах событий и т.п. В этом смысле критический дискурс-анализ становится инструментом «“вскрытия” внутридискурсивных властных и идеологических импликаций» [Переверзев, Кожемякин 2013, с. 6].

Особенно важно понимание социально значимого характера дискурса при изучении политических практик, в том числе в условиях внешнеполитической коммуникации.

1.2. Основные направления исследования внешнеполитического дискурса

В силу того, что в фокусе нашего внимания находятся дискурсивные практики в сфере внешней политики, мы считаем необходимым кратко рассмотреть понятие политического дискурса, понятие внешнеполитического дискурса, а также их соотношение.

Политический дискурс традиционно рассматривается в духе Е.И. Шейгал и определяется как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2000, с. 9]. Исследовательница исходит из широкого понимания политического дискурса и делает вывод, что он включает в себя «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2000, с. 34].

Думается, что, основываясь на данных представлениях о политическом дискурсе, исследователи описывают дискурс внешнеполитический. Изучая функционирование языка во внешнеполитической сфере, дискурс-аналитики оперируют такими терминами, как «дипломатический дискурс», «дискурс в сфере международной политики», «дискурс дипломатии», «внешнеполитический дискурс», представляющими собой, по нашему мнению, лишь разные обозначения одного и того же явления – дискурса в сфере внешней политики государств. Сразу отметим, что в своем исследовании мы будем использовать термин «внешнеполитический дискурс», поскольку, на наш взгляд, он наиболее

точно отражает суть дискурсивных практик в сфере внешней политики. Итак, исследователи дают следующие определения внешнеполитического дискурса:

- «особый статусно-ориентированный институциональный дискурс, специфика которого состоит в области его использования – сфера дипломатического общения и международных отношений» [Кожетева 2012б, с. 7];

- «устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившихся в коммуникативном пространстве социального института дипломатии» [Бостанджян 2013].

В.Н. Яппарова рассматривает внешнеполитический дискурс как самостоятельное образование среди других разновидностей дискурса и отмечает, что его важнейшими отличительными признаками являются «наличие специфических участников и свойственных только этому типу дискурса языковых клише и протокольных формул, обеспечивающих успешное проведение внешней политики государства, защиту прав и интересов государства, его учреждений и граждан как в пределах страны, так и за границей» [Яппарова 2016, с. 169]. Однако существуют различные подходы к вопросу о возможности/невозможности выделения внешнеполитического дискурса в самостоятельный тип дискурса.

В одном из своих исследований В.И. Карасик выделяет внешнеполитический дискурс как отдельный вид институционального дискурса, наряду с такими его типами, как политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный и т.д. [Карасик 2000]. А.С. Кожетева [Кожетева 2012а] рассматривает структурную и коммуникативную специфику внешнеполитического дискурса как особого вида институционального дискурса. Исследовательница выявляет и описывает основные конститутивные признаки внешнеполитического дискурса (цели, участники, стратегии и тактики, ценности, хронотоп, характеристики текстов), позволяющие, по ее мнению, выделить его в качестве самостоятельного образования среди прочих типов дискурса. Конститутивные признаки внешнеполитического дискурса выявляются в вышеупомянутой работе В.Н. Яппаровой, по мнению которой, самыми яркими из

них являются «наличие специфических участников общения, особые цели коммуникации и использование устойчивых языковых средств, свойственных только языку дипломатии» [Яппарова 2016, с. 165]. Согласно исследовательнице, именно представленные признаки позволяют рассматривать внешнеполитический дискурс как самостоятельное образование среди других разновидностей дискурса и установить точки пересечения языка дипломатии с политическим дискурсом.

Точки пересечения внешнеполитического дискурса с дискурсом политическим подробно описываются в работе Л.М. Терентия [Терентий 2010, с. 49 – 52]. Во-первых, в обоих типах дискурса язык используется не только как средство отражения политической реальности, но и как средство создания необходимого видения политической действительности. Во-вторых, внешнеполитический и политический дискурсы имеют общую цель. Если целью политического дискурса является борьба за власть, то внешнеполитический дискурс имплицитно направлен на установление контроля над другими политическими акторами, государствами, а также на достижение лидирующей позиции в мире. В-третьих, данные типы дискурса ориентированы на выполнение таких языковых функций, как регулятивная функция, акциональная функция, а также функций интеграции и социальной дифференциации. В-четвертых, и политический, и внешнеполитический дискурсы взаимодействуют с другими видами коммуникации, что создает определенную «размытость» и «прозрачность» их границ. Наконец, в числе других факторов, объединяющих данные типы дискурсивных практик, находятся театральность и использование одних и тех же жанров речи.

Представленные выше принципиальные сходства политического и внешнеполитического дискурсов, как в части функционирования, так и в части языковой реализации, позволяют рассматривать внешнеполитический дискурс как разновидность политического дискурса. Такое мнение разделяют многие исследователи внешнеполитической коммуникации. Так, при описании структуры политического дискурса внешнеполитический дискурс определяется как тематический тип политического дискурса, имеющий своим предметом сферу

внешнеполитической деятельности [Карамова 2014]. И.Р. Подзолкова утверждает также, что внешнеполитический дискурс решает задачи как внутренней, так и внешней политики государства, в связи с чем «носит на себе отпечаток политического дискурса» [Подзолкова 2010, с. 229]. Внешнеполитический дискурс рассматривается как институциональный тип дискурса, представляющий собой разновидность политического дискурса, Т.А. Шаповаловой: «Ориентация дипломатического дискурса на внешнюю политику государства, а также стилистические и институционально-ролевые различия характеристик политического и дипломатического дискурсов не выводят дипломатический дискурс за рамки политической коммуникации, так как внешняя и внутренняя политика являются разными аспектами понятия “государственная политика”» [Шаповалова 2013а, с. 40].

Взгляды на взаимоотношения политического и внешнеполитического дискурса представлены и в работе Н.В. Ардаевой. Воспринимая политический и внешнеполитический дискурс как единое целое, исследовательница описывает национальные особенности латиноамериканского дискурса, а также дискурсионную специфику выступлений Фиделя Кастро и отмечает, что в публичном формате «политический и дипломатический дискурс имеет массу совпадений, общих задач и методов их реализации» [Ардаева 2018, с. 114].

Помимо институциональности исследователи обращают внимание на следующие типичные свойства внешнеполитической коммуникации: информативность, конвенциональность, персуазивность [Кожетева 2012б], ритуальность, эзотеричность, полнота информации, стандартность и экспрессивность, диалогичность и монологичность, явная и скрытая оценочность [Волкова 2007], интердискурсивность [Голованова 2014; Прохорова, Ардасова 2014], лиминальность [Пономаренко 2014], толерантность [Шаповалова 2013а; Шаповалова 2013б], эмотивность [Беляков 2015]. Большая часть данных свойств описывается также исследователями политического дискурса, что свидетельствует о существенной близости политического и внешнеполитического дискурсов.

В своем исследовании мы придерживаемся понимания внешнеполитического дискурса как разновидности дискурса политического и предлагаем определение, основанное на определении другого институционального типа дискурса, судебного, в работе Т.В. Дубровской [Дубровская 2010, с. 14]. Итак, **внешнеполитический дискурс** – это вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов.

Внешнеполитический дискурс не является неизученным феноменом и его исследование осуществляется через рассмотрение ряда аспектов. Различные подходы к изучению внешнеполитических дискурсивных практик мы и представим в данном разделе.

1.2.1. Функции и коммуниканты внешнеполитического дискурса

Внешнеполитический дискурс образует аспект дипломатических практик, которые определяют положение государства на мировой политической арене и его межнациональные отношения с другими акторами. Под дипломатией подразумевается «официальная деятельность глав государств, правительств, специальных органов внешних сношений и их зарубежных представительств по осуществлению переговоров, переписки, невоенных практических мероприятий с учетом конкретных условий и характера решаемых задач ради отстаивания внешнеполитических целей, защиты прав и интересов государства, его учреждений и граждан за границей» [Егоров 2013, с. 11 – 12]. Из приведенного определения видно, что внешнеполитические практики направлены прежде всего на защиту интересов государства и его граждан, а их неотъемлемой частью являются практики дискурсивные, предполагающие стратегическое использование языка (переговоры, переписка, публичные выступления и др.).

При определении функциональной ценности внешнеполитического дискурса мы считаем целесообразным опираться на список функций

политического дискурса, предложенный ранее в работе Е.И. Шейгал [Шейгал 2000]. Основной функцией политического дискурса исследовательница называет его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение) [Шейгал 2000, с. 48]. Автор считает борьбу за власть базовой инструментальной функцией политического дискурса, в рамках которой выделяются аспекты ее проявления. Они включают: а) интеграцию и дифференциацию групповых агентов политики; б) развитие конфликта и установление консенсуса; в) осуществление вербальных политических действий и информирование о них; г) создание «языковой реальности» поля политики и ее интерпретацию; д) манипуляцию сознанием и контроль за действиями политиков и электората [Шейгал 2000, с. 9]. Перечисленные функции, в целом, осуществляются и во внешнеполитическом дискурсе. Исключение составляет функция контроля за действиями электората, выполняемая в рамках дискурсивных практик внутри государства, а не за его пределами. Стоит отметить, что представленные функции реализуются во внешнеполитическом контексте, который предполагает участие социальных акторов, представляющих различные национальные государства. Ключевой функцией внешнеполитического дискурса, как и политического дискурса, является функция борьбы за власть, но эта борьба разворачивается на мировой арене между государствами.

Борьба за власть на мировой арене легитимируется другой функцией внешнеполитического дискурса – функцией защиты национальных интересов. Так, по итогам анализа международных документов Л.М. Терентий приходит к выводу, что «на практике понятие “защиты интересов” часто подменяется задачей установления контроля над своими партнерами, стремление занять лидирующую позицию в мире помощи различных форм давления на международную общественность и различные международные организации ...» [Терентий 2010, с. 49]. Эта функция внешнеполитического дискурса также сближает его с политическим дискурсом, и это еще раз подкрепляет наше убеждение в том, что внешнеполитический дискурс – это разновидность политического дискурса.

Таким образом, основными функциями внешнеполитического дискурса являются борьба социального актора (государства) за власть и защита национальных интересов в условиях межгосударственного взаимодействия. Данные функции неразрывно связаны между собой: борьба за власть на международной арене представляется необходимым условием для защиты национальных интересов. Отмеченные функциональные особенности внешнеполитического дискурса являются принципиально важными для нашего исследования, поскольку, на наш взгляд, их актуализация происходит в том числе благодаря конструированию в дискурсе семантической оппозиции «сила vs слабость».

В основе любого институционального дискурса лежит «устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившаяся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института...» [Русакова, Русаков 2008, с. 193]. В нашем случае этим институтом является институт внешней политики. Как отмечают исследователи-политологи, «внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, которые реализуются различными способами и методами» [Жуков, Краснов 1997]. Будучи средством реализации целей и задач внешней политики государств, внешнеполитический дискурс представляет собой совокупность речевых практик, осуществляемых официальными представителями внешнеполитических ведомств.

Исследуя основные характеристики внешнеполитической коммуникации, А.С. Кожетева утверждает, что адресантом внешнеполитического дискурса выступает представитель института дипломатии (профессиональные дипломаты – должностные лица внешнеполитического ведомства), либо представитель политического круга государства, вовлеченный в процесс реализации внешней политики, защиты его прав и интересов за границей (главы государств и правительств, специальных органов) [Кожетева 2012а]. Адресатом, по мнению исследовательницы, может являться «представитель того же института дипломатии, либо другого института (например, при контакте дипломатов с

бизнесменами, СМИ, научно-технической интеллигенцией, деятелями высшей школы, культуры и искусства, адресатом являются представители соответствующих институтов) или представитель общества в целом по отношению к представителям института (примером может служить работа консульской службы, призванная защищать за границей права и интересы граждан своего государства, содействовать развитию дружественных отношений родной страны со страной пребывания)» [Кожетева 2012а, с. 60]. Кроме того, исследователи внешнеполитического дискурса отмечают, что адресатом может быть как широкая массовая аудитория (в том случае, когда приглашаются СМИ для освещения внешнеполитических мероприятий), так и достаточно узкий круг официальных лиц – дипломаты, которые принимают участие в таких мероприятиях [Терентий 2010; Кожетева 2012а].

Мы полагаем, что функциональные особенности внешнеполитического дискурса обусловлены характером адресанта и адресата. Представляется, что основная цель коммуникантов во внешнеполитическом дискурсе заключается в позиционировании государства как полноправного актора межнациональных отношений, способного влиять на положение дел в мире и защищать собственные интересы в условиях международного взаимодействия. Реализация данных целей связана с необходимостью для актора демонстрировать собственную силу и указывать на слабость другого актора. Такие репрезентации дискурсивно конструируются уполномоченными лицами государств. Именно с точки зрения дискурсивного конструирования членов семантической оппозиции «сила vs слабость» и был изучен материал российского и американского внешнеполитического дискурса.

1.2.2. Концепты внешнеполитического дискурса

В настоящее время популярным становится изучение политического и внешнеполитического дискурсов в рамках когнитивного подхода. Действительно, одной из особенностей данных типов дискурса является возможность выделить в них ряд типичных концептов. Концепт является основной единицей когнитивной

лингвистики, исследующей «сознание на материале языка» [Попова, Стернин 2007, с. 9]. Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1997, с. 90 – 92]. Языковую картину политического мира образуют политические концепты: «Наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Совокупность таких концептов образует политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации» [Чудинов 2006, с. 43]. А.П. Чудинов отмечает, что в структуру любого политического концепта входят понятийные, эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты.

Внешнеполитический дискурс является пространством для реализации ряда концептов, среди которых наиболее важным для осуществления функции борьбы за власть, на наш взгляд, является концепт «власть». Мы изучили ряд работ, в которых данный концепт рассматривается в политическом дискурсе. Наиболее подробно концепт «власть» представлен в исследовании Е.И. Шейгал [Шейгал 2000]. Рассматривая, каким образом власть осмысляется и концептуализируется языком, исследовательница анализирует лексикографические толкования имени концепта «власть» (содержательный минимум концепта), его синонимические связи, образные переосмысления, ассоциативные реакции, сочетаемость, паремиологию и неклишированные тексты и высказывания.

М.Д. Невинская исследует данный концепт путем свободного ассоциативного эксперимента с целью выявления различных лексико-семантических вариантов слова, установления механизмов ассоциирования, анализа структуры значения лексической единицы, определения степени оценочности слова и т.д. [Невинская 2006]. М.В. Гаврилова [Гаврилова 2005], А.А. Шабанова [Шабанова 2011], Е.Л. Гладкова [Гладкова 2013] изучают концепт «власть» с точки зрения его репрезентации в политическом дискурсе и отмечают, что представленный концепт обладает разнообразными семантическими признаками, реализуемыми средствами языка в прагмалингвистическом

контексте. Думается, что результаты этих исследований представляют важность и при изучении внешнеполитического дискурса, который мы считаем разновидностью дискурса политического, поскольку власть имеет огромное значение и в сфере внешней политики.

Среди концептов, реализуемых во внешнеполитическом дискурсе, можно отметить концепты «мы» и «они» («свой» и «чужой»), обозначаемые как “us” и “them” соответственно в англоязычной интерпретации [Васильева 2010; Балашова 2014; Brokensha 2011; Sowińska, Dubrovskaya 2012a; Wirth-Coliba 2016]. Данные концепты формируют базовую оппозицию в политическом дискурсе и не рассматриваются лингвистами в отрыве друг от друга: «... только при сравнении со “своим” можно назвать тот или иной объект “чужим”, а при оценке “чужого” всегда активизируется образ “своего”. Соотнесение себя с другими позволяет идентифицировать свою группу, очертить ее границы, описать “своих”, понять, как “свои” воспринимают себя» [Алиева 2008, с. 217].

Некоторые популярные концепты рассматриваются в оппозициях, которые они образуют. Так, в одной из своих работ А.С. Кожетева отмечает существование во внешнеполитическом дискурсе таких концептов, как «мир» и «война», «согласие» и «несогласие» [Кожетева 2012a]. Данные концепты образуют антиномии, в которых один элемент обязательно преобладает над другим. Исследовательница указывает и на присутствие во внешнеполитическом дискурсе концепта «политика», который, по ее мнению, «служит как бы базой дипломатических отношений, заключающихся в ведении переговоров по достижению согласия» [Кожетева 2012a, с. 58]. И.А. Бубнова и Л.М. Терентий утверждают, что внешнеполитические дискурсивные практики также характеризуются наличием в них концептов «истина» и «ложь» [Бубнова, Терентий 2012]. Отметим, что представленные концепты, выявленные исследователями внешнеполитического дискурса, пока еще не изучены в полной мере.

Лингвистические концепты, выявляемые на материале внешнеполитического дискурса, рассмотрены в работе Н.В. Таратыновой

[Таратынова 2012]. Исследовательница обнаруживает в речах бывшего государственного секретаря США Х. Клинтон такие концепты, как «вызов» (“challenge”), нарушение (“violation”), потрясение (“upheaval”), крушение (“disruption”), давление (“pressure”), побуждать (“urge”), усиливать (“strengthen”), интенсивный (“intensive”), благополучие (“prosperity”), успехи (“progress”) и т.д. По мнению автора, все они связаны с силой, уверенностью и правильностью внешнеполитического курса США, а их употребление является эффективным средством воздействия на личность и общество.

А.Н. Иохим утверждает, что во внешнеполитическом дискурсивном пространстве обязательно присутствуют такие концепты, как «многополярность», «борьба с терроризмом», «национальная безопасность», «модернизация», «перезагрузка» и некоторые другие [Иохим 2014]. По утверждению исследователя, посредством интерпретации ключевых концептов «внешнеполитический дискурс конструирует коллективную идентичность и оказывает влияние на формирование глобальной повестки дня», а их повторное проговаривание и озвучивание способствует осуществлению преемственности внешнеполитического курса [Иохим 2014, с. 1140].

Таким образом, внешнеполитический дискурс характеризуется наличием разнообразных концептов, которые формируют языковую картину внешнеполитического мира. Некоторые из них исследованы в полной мере, ряд других требует более глубокого анализа. Когнитивный подход к изучению дискурса широко применяется в современном языкознании, однако в нашем исследовании мы осуществляем иной подход, полное обоснование которого мы представим в разделе 1.4.

1.2.3. Прагмалингвистические средства внешнеполитического дискурса: жанры, стратегии и языковые средства

Осуществление внешнеполитической коммуникации всегда происходит в рамках определенного жанра, диктующего ход и содержание взаимодействия. Классическим определением речевого жанра в современной лингвистике по-

прежнему считают определение М.М. Бахтина: «Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1986, с. 250]. Внешнеполитический дискурс предполагает применение целого ряда жанров, монологических и диалогических, устных и письменных. По Л.М. Терентию, наиболее традиционными устными жанрами внешнеполитической коммуникации являются выступление, заявление, интервью, пресс-конференция, беседа с представителями СМИ, которые, как утверждает автор, совпадают с соответствующими жанрами политического дискурса [Терентий 2010]. К письменным жанрам внешнеполитического дискурса исследователь относит ноту, меморандум, заявление [Терентий 2011]. Отметим, что представленные жанры не рассматриваются Л.М. Терентием с точки зрения их языковых и функциональных особенностей, а лишь отмечаются как типичные для внешнеполитического дискурса.

А.С. Кожетева разделяет жанры внешнеполитической коммуникации по принципу её фиксации в письменной форме: на дотекстовые и текстовые [Кожетева 2012б]. В первую группу входят такие жанры, как переговоры, встречи, визиты, приемы, беседы, пресс-конференции, пресс-брифинги и т.д. Ко второй группе относятся жанры дипломатической переписки: меморандум, памятная записка, личная нота, вербальная нота. Именно вербальная нота как самый распространенный жанр дипломатической переписки становится объектом исследования в работе А.С. Кожетевой. Исследовательница рассматривает ключевые коммуникативно-прагматические категории данного жанра: информативность, конвенциональность и персуазивность.

Внешнеполитический дискурс характеризуется наличием в нем жанра комментария, который был обнаружен нами на сайте МИД РФ. Его особенности не рассматривались применительно к внешнеполитическому дискурсу, однако изучались в рамках политического дискурса. Ю.В. Жукова описывает структурные и композиционные элементы политического комментария [Жукова 2015]. Автор дает классификацию комментариев (подтверждающий, уточняющий,

критический) и обсуждает их использование в политической коммуникации. Так, исследовательница делает вывод, что « ... комментарий – это реакция на речь оппонента, являющаяся не только своеобразным ответом на определённое выступление политика, но и дополнительным средством воздействия на массовую аудиторию, имеющим целью описать ситуацию в идеологически выгодном для комментатора свете» [Жукова 2015, с. 29].

Жанрам внешнеполитического дискурса посвящена одна из наших работ [Ярославцева, Дубровская 2015]. Общая для всех жанров цель состоит в представлении официальной позиции государства по внешнеполитическим вопросам и позиционировании государства как полноправного актора международных отношений, способного влиять на положение дел в мире. Полагаем, можно говорить о том, что жанры внешнеполитической коммуникации имеют перформативную функцию: в них конструируются специфические репрезентации международных отношений между политическими акторами, государствами. В основе репрезентаций лежат задачи продвижения своих интересов на международной арене, идеологические установки акторов, а также ситуативные факторы. В результате их применения политические акторы дискурсивно конструируют сильных и слабых политических акторов и такую картину внешнеполитической реальности, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте.

Анализируя внешнеполитический дискурс, исследователи не ограничиваются только изучением его жанровых особенностей. Другие методики предполагают обращение к таким явлениям в составе внешнеполитического дискурса, как стратегии и тактики, метафорика, прецедентные имена, рекуррентные конструкции. Особую популярность имеет подход к точки зрения выделения во внешнеполитическом дискурсе доминирующих стратегий и тактик. Так, в одной из работ представлен ряд стратегий, выявленных при исследовании российских и польских медийных текстов об установке американской системы ПРО (противоракетной обороны) на территории Польши [Sowińska, Dubrovskaya 2012b]. Выделенные исследователями стратегии, использованные для

конструирования России, Польши и США как внешнеполитических акторов, включают в себя следующие: 1) эмоционализация; 2) осуждение; 3) обвинение; 4) инфериоризация (принижение); 5) положительная самопрезентация; 6) негативный прогноз.

Обширный спектр аргументативных стратегий (стратегии легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности) описан в работе Н.С. Рядовой [Рядовая 2013]. Автор описывает представленные стратегии, актуализируемые в кризисных текстах политических и внешнеполитических дискурсов России и США, а также проводит сопоставительный анализ использования выделенных стратегий в данных типах дискурса. В исследованиях внешнеполитического дискурса анализируются стратегии и тактики уклонения от ответа, к которым прибегают дипломаты для эффективного достижения коммуникативных целей [Друцэ 2015]. Выделены митигативные стратегии и тактики, активно используемые политиками во внешнеполитической коммуникации [Трабелси 2010; Волкова 2010]. Стратегии позитивной и негативной вежливости обсуждены в работе И.В. Рогожкиной [Рогожкина 2012], которая рассматривает реализацию данных стратегий с помощью формул речевого дипломатического этикета с полярными значениями: согласия и несогласия.

В современном российском внешнеполитическом дискурсе на материале интервью дипломатов РФ выявлены тактики речевой стратегии оппозиционирования [Кукатова 2017]. Данная стратегия направлена на «возможность представлять себя как лицо отстраненное, отчужденное, лично не заинтересованное в чем-либо, стремящееся к объективизации происходящего, к выполнению роли переговорщика, часто роли третьей стороны в переговорном процессе, а также лицо, целью которого является снижение конфликтности в переговорном процессе» [Кукатова 2017, с. 76]. В отдельных работах, посвященных внешнеполитическому дискурсу, исследуются тактики речевого воздействия американских политиков, направленные на проявление силы,

демонстрацию уверенности и правильности внешнеполитического курса США [Таратынова 2012].

На материале дипломатических документов рассмотрены стратегии, формирующие основу внешнеполитической коммуникации: дискредитации, самопрезентации и неискренности [Волкова 2007]. Как следует из содержания последней работы, написанной в рамках переводоведения, коммуникативные стратегии не только определяют особенности внешнеполитического дискурса, но и детерминируют выбор специфических стратегий перевода дипломатических текстов.

Изучение концептуальной метафоры во внешнеполитической коммуникации является одним из активно развивающихся направлений в современной политической лингвистике. А.П. Чудинов объясняет это тем, что «метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействие на политическое сознание общества» [Чудинов 2006, с. 122]. Исследователи внешнеполитической коммуникации описывают ведущие типы и модели концептуальной метафоры, объединяя их в метафорические системы, и характеризуют закономерности развертывания метафорического образа в текстах внешнеполитической направленности [Шаова 2005; Белов 2010; Матыгина 2014]. По мнению авторов, толкование полученных метафорических систем, систематически конструируемых для выражения идей внешней политики государств, дает ключ к пониманию внешнеполитических процессов, репрезентируемых в дискурсе.

Внежнополитический дискурс характеризуется особой ролью существующих в нём прецедентных феноменов [Полякова 2010; Садуов 2012]. Исследователи утверждают и наглядно иллюстрируют, что прецедентные имена, включающие в себя топонимы, антропонимы, хрононимы, названия организаций и событий, выступают в качестве средств моделирования образов индивидуальных и коллективных акторов в сознании адресата при их воспроизведении в речи.

Предметом рассмотрения в современных дискурсивных исследованиях становятся рекуррентные конструкции как инструмент убеждения адресата в правильности излагаемых адресантом намерений и побуждения его к заданным действиям [Терехова 2011]. В числе частных языковых средств, реализующих задачи внешнеполитического дискурса, – клише, штампы, аксиологическая лексика, термины со сложной дефинитивностью [Бушев 2004]. Автор исходит из позиций социального конструкционизма и указывает на важность данных языковых феноменов в конструировании смыслов в политическом дискурсе. Кроме того, исследователь отмечает, что политический язык часто имеет «автоматизированную форму, поскольку внимание направлено на содержание, передающее внеязыковую реальность» [Бушев 2009, с. 72]. В работе О.А. Вдовиной объект исследования – терминология внешнеполитической сферы, которая, по мнению автора, является зеркальным отражением полиполярного мира и в связи с этим также становится полиполярной: «Терминология дипломатической сферы общения представлена терминами различных профессиональных сфер, она эклектична, изобретательна, разнообразна по выполняемым функциям, она международна, она строга и умна, опирающаяся на чисто интеллектуальные стороны слова, она проста, ясна, консервативна, но также зачастую не лишена экспрессии, что может быть объединено одним термином – она полиполярна» [Вдовина 2009, с. 47].

Внешнеполитический дискурс исследуется с точки зрения реализуемых в нём коммуникативных категорий. Так, категория толерантности в российских и американских внешнеполитических дискурсивных практиках становится объектом исследования в работе Т.А. Шаповаловой [Шаповалова 2013б]. Исследовательница определяет толерантность как «желаемый атрибут власти», отмечая, что «современному политику необходимо владеть стратегиями и тактиками бесконфликтного общения, позволяющими гармонизировать общение и демонстрировать толерантность» [Шаповалова 2013б, с. 9].

В качестве неотъемлемой составляющей внешнеполитического дискурса отмечена коммуникативная категория манипуляции [Бостанджян 2013]. Другой

важнейшей категорией во внешнеполитическом дискурсе является, по мнению Л. Бостанджян, категория вежливости, не позволяющая «обидеть» адресата при передаче информации. Именно с этой категорией связана категория коммуникативного смягчения, которая исследуется в работе С.С. Тахтаровой в различных типах дискурса, в том числе во внешнеполитическом дискурсе. Согласно С.С. Тахтаровой, «смягчение – это коммуникативная категория, основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции, реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, отмеченными этнокультурной спецификой» [Тахтарова 2010, с. 16]. Автор утверждает, что данная коммуникативная категория является одной из важнейших ценностей внешнеполитического дискурса, поскольку применение в нем митигативных стратегий и тактик направлено на предотвращение и урегулирование всевозможных конфликтов.

Подытоживая содержание данного раздела, отметим, что внешнеполитический дискурс выполняет функцию борьбы за власть на международной арене и функцию защиты национальных интересов социального актора. Такая функциональная специфика определяет его ведущую роль в конструировании оппозиций, в частности оппозиции «сила vs слабость», которая является объектом нашего исследования. Обзор существующих работ показывает широту подходов к внешнеполитическому дискурсу, который изучается с точки зрения различных прагмалингвистических категорий, таких как коммуниканты, концепты, жанры, стратегии, тактики и конкретные языковые средства.

1.2.4. Репрезентации социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе

Внешнеполитический дискурс также рассматривается исследователями в аспекте конструирования в нем репрезентаций социальных акторов. Как утверждают дискурс-аналитики, социальная реальность конструируется в дискурсе посредством различных языковых средств, и результатом этого

конструирования выступает репрезентация, которая обладает следующими особенностями: а) «передает информацию о внешней реальности как существующей до высказывания; б) не сводима к предмету высказывания и в) является конвенциональной, т. е. является следствием “общественного договора” или социокультурного кода» [Дубровская, Кожемякин 2015, с. 114]. Исследователи отмечают, что любая репрезентация основывается «на избирательном подходе к фактам, селекция которых регулируется коммуникативным кодом, разделяемом определенным сообществом» [Дубровская, Кожемякин 2015, с. 114] – в нашем случае, политическим.

Поскольку категория социального (или политического) актора используется нами как одна из ключевых, необходимо пояснить её использование. Под социальными акторами Т. ван Левен подразумевает «участников социальных практик» [van Leeuwen 2008, с. 23]. Исследователь выделяет несколько способов репрезентации социальных акторов в медиатекстах, которые делают возможным понимание политики средств массовой информации и отражаемых в них событий [van Leeuwen 2008]. По утверждению автора, «репрезентации могут менять роли, переустанавливать социальные отношения между участниками» [van Leeuwen 2008, с. 43].

Репрезентации социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе исследуются с точки зрения дискурсивного конструирования образов государств. Основываясь на положениях социального конструкционизма и критического дискурс-анализа, И.В. Фомин предлагает исследовать репрезентации государственных образований на основе методики, предполагающей изучение их семантического, синтаксического и прагматического аспектов [Фомин 2014]. Кроме того, исследователи рассматривают репрезентации политических акторов посредством моделирования категорий дискурсивного анализа. Так, например, исследование государств в рамках категории группы «мы» и «они» в контексте обсуждения проекта о размещении американской системы противоракетной обороны (ПРО) в центральной и восточной Европе представлено в [Sowińska, Dubrovskaya 2012a].

В фокусе внимания представителей и зарубежного, и отечественного дискурсивного анализа оказывается коллективный актор – Европейский Союз (ЕС). Механизмы формирования внешнеполитической идентичности Европейского Союза в контексте обсуждения о возможном присоединении Турции к ЕС рассматривает О.А. Лисий [Лисий 2012]. В качестве характеристик, способствующих формированию европейской идентичности, отмечаются географические, культурные и исторические особенности. В работе Т.В. Дубровской рассматривается коллективный актор Запад [Дубровская 2017а]. Автор изучает дискурсивные механизмы конструирования Запада и отношений между Россией и Западом. Зарубежные исследователи также посвящают свои исследования репрезентации ЕС, в частности, его коллективной идентичности, публичной дипломатии и роли, а также взаимоотношениям с другими политическими акторами [Rasmussen 2009; Caliendo, Magistro 2009; Zielonka 2011; Bindi 2010; Mix 2013; Wodak, Boukala 2015].

Есть и такие работы, которые ориентированы на анализ репрезентаций России как политического актора. Так, в работах российских ученых предпринимаются попытки построить фреймы-сценарии и модели действительности, репрезентирующие образ России в зарубежном политическом дискурсе, а также характер внешнеполитических отношений между Россией и другими акторами [Докучаева 2010; Карасик 2010; Кошкарова 2010; Дубровская 2017б].

Существующие методологические подходы в целом способствуют выявлению разных аспектов репрезентаций социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе.

1.3. Оппозиции в дискурсе

Категория оппозиции широко применяется в дискурсивных исследованиях, однако, как полагает Т.В. Дубровская, «с ее использованием связан ряд нерешенных методологических вопросов, в результате чего возможности изучения дискурса с точки зрения оппозиций неоправданно ограничены»

[Дубровская 2016, с. 24]. В данном разделе мы пытаемся разрешить данные вопросы и предлагаем алгоритм моделирования семантической оппозиции «сила vs слабость». Для начала рассмотрим понятие оппозиции в языке и осветим существующие подходы к её изучению.

1.3.1. Оппозиция и подходы к ее изучению

Вопрос лингвистических оппозиций издавна находится в поле внимания многих языковедов. В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение языковой оппозиции: «Языковая оппозиция – это лингвистически существенное различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания» [Лингвистический энциклопедический словарь, электронный ресурс]. Данную категорию отечественные исследователи называют универсальной, так как она представлена на различных уровнях языковой системы: «Противоположные стороны предметов и явлений фиксируются средствами языка на фонологическом, семантическом, синтаксическом уровнях» [Соловьева 2015, с. 179]. Рассмотрим традиционные подходы к лингвистической оппозиции.

Фонологические оппозиции были подробно описаны в учении выдающегося русского филолога Н.С. Трубецкого, деятеля Пражской лингвистической школы. Исследователь пишет: «Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или фонологически дистинктивными, или смыслоразличительными) оппозициями» [Трубецкой 1960, с. 38]. По мнению Н.С. Трубецкого, фонема вступает в совокупность оппозиций, в свои парадигматические связи. Определяются ее дифференциальные признаки, то есть устанавливаются отличия одной фонетической единицы от другой [Трубецкой 1960, с. 38 – 41]. Иными словами, оппозиция в фонологии представляет собой противопоставление языковых единиц по их формальным и содержательным признакам. Н.С. Трубецкой предлагает несколько классификаций фонологических оппозиций и раскрывает значение каждой из них [Трубецкой 1960, с. 82 – 86].

Были определены пути применения категории оппозиции и в области грамматики. Грамматической бинарной оппозиции посвящены работы А.В. Бондарко [Бондарко 1981], В.А. Плунгяна [Плунгян 2003], М.В. Карапетян [Карапетян 2008]. А.В. Бондарко, освещая вопрос структуры грамматических категорий, пишет о грамматической оппозиции: «Элементом структуры грамматической категории может быть не всякое различие, а лишь различие в рамках определенного семантического единства. Таким единством служит то родовое понятие, по отношению к которому различающиеся значения компонентов категориальной структуры являются понятиями видовыми. Оппозитивные отношения связаны с более полным единством, т.к. в этом случае налицо единое основание членения “семантического пространства” данной категории (такова, например, оппозиция значений совершенного и несовершенного видов в славянских языках)» [Бондарко 1981]. Возможность возникновения отношений противоположности между единицами грамматического строя языка признает и Н.Б. Боева [Боева 2001]. В своем исследовании автор указывает на обладание грамматическими единицами противоположных значений в силу присутствия у них взаимоисключающих морфологических и синтаксических сем. Н.Б. Боева подробно рассматривает типологию оппозиций в современной английской грамматике, анализируя семантическую ценность противоположных морфологических единиц и прагматическую функцию противоположных синтаксических единиц.

Необходимость исследования оппозиции не только в области фонологии и грамматики, но и лексики, была отмечена французским лингвистом Ж.П. Кантино. Подробный анализ его концепции представлен в работе Н.С. Ушевой [Ушева 2013], которая утверждает, что центральное место в исследованиях французского языковеда занимает понятие сигнификативной оппозиции, которая представляет собой оппозицию двух знаков языка с различным означаемым. Этими языковыми единицами могут быть любые формальные элементы с грамматическим значением (комбинаторные и факультативные морфемы) и любые формальные элементы с лексическим значением (лексемы). Ж.П. Кантино

отмечает обилие сигнификативных оппозиций в языке и предпринимает попытку применить метод оппозиций в исследованиях морфологического уровня языка.

Основные исследования оппозиции традиционно осуществляются в области лексикологии и семантики. Исследователи сходятся во мнении, что оппозиция является основой парадигматических отношений в лексике. В частности, О.Л. Рублева утверждает, что «понятие лексической парадигмы основано на оппозиции элементов парадигмы, то есть слов, вернее лексико-семантических вариантов. Единицей (элементом, членом) такой парадигмы является ЛСВ слова (семема), структурной семантической единицей (элементарной), позволяющей установить тождество или противоположность ЛСВ, являются семы (интегральные — отождествляющие и дифференциальные — различающие, противопоставляющие)» [Рублева 2004, с. 71]. О.Л. Рублёва приводит следующий пример: «В лексическом значении слова *дом* архисема «строение» (она общая для всех слов, называющих какие-либо строения, например, *сарай*, *коровник* и др.), а дифференциальные семы — «для жилья» (а не для чего-то другого, ср. *сарай*) и «человека» (а не животного, ср. *коровник*)» [Рублева 2004, с. 51]. Как видно из представленного примера, анализ оппозиции в лексикологии основывается на изучении смысловой структуры единиц оппозиции, лежащей в основе парадигматических отношений в лексике. Такая оппозиция носит название лексической оппозиции и может рассматриваться в отношениях антонимии, синонимии, омонимии и паронимии.

В работе Л.А. Новикова понятие лексической оппозиции основывается на понятии бинарной оппозиции и используется лишь для характеристики отношений между элементами одной лексической парадигмы – антонимами. Под бинарной оппозицией понимается «тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции» [Энциклопедия постмодернизма, электронный ресурс]. Так, Л.А. Новиков утверждает, что в парадигматическом плане антонимы обладают сходными смысловыми структурами и компонентным составом значений. Они оказываются противоположными только по одному

дифференциальному признаку, так что «один из компонентов смысловой структуры данного слова отрицает (и притом предельно) соответствующий компонент противоположного ему по смыслу слова: ср. *дорогой* 'предельной (для данного случая) цены выше нормы' – *дешевый* 'предельной (для данного случая) цены ниже нормы'; легкий 'веса меньше нормы' – тяжелый 'веса больше нормы'...» [Новиков 1982, с. 250]. Исследователь делает вывод, что антонимичность выражается в смысловом содержании слов и выступает как «специфически языковое отражение различий и противоречий в предметах и явлениях объективного мира» [Новиков 1982, с. 250–251]. Стоит отметить, что сужение объекта исследования оппозиций до изучения лишь антонимов поддерживается и некоторыми зарубежными исследователями, считающими, что именно антонимические отношения являются основой реализации оппозиции в языке [Mettinger 1994; Fong 2004; Gjergo, Delija 2014].

Перечисленные подходы к лингвистической оппозиции являются устоявшимися в науке о языке, однако в настоящее время ученые предпринимают попытки по-новому взглянуть на категорию оппозиции и раскрыть ее роль в функциональном аспекте. Так, в рамках лингвистических и дискурсивных исследований Т.В. Дубровская выделяет несколько основных методологических подходов, используемых современными лингвистами при исследовании оппозиций (лексико-семантический, прагматический, когнитивный), а также анализирует целый ряд работ, написанных в рамках данных подходов, и предлагает реализовывать семантико-прагматический подход к оппозициям в дискурсе [Дубровская 2016]. Опираясь на предложенную Т.В. Дубровской классификацию, далее мы постараемся предложить более детальный обзор современных методологических направлений в изучении оппозиций.

Лексико-семантический подход, подробно рассмотренный выше, является довольно устоявшимся подходом к лингвистическим оппозициям. Повторим, что согласно данному подходу основой исследования лексических/семантических оппозиций является анализ смысловой структуры конкретных лексических единиц. Исследователи используют словарные

дефиниции при анализе значений единиц оппозиции, анализируют языковые средства выражения оппозиции, описывают трансформацию и усложнение отношений между устойчивыми элементами оппозиции (между привычными антонимами) в языке, а также сравнивают функционирование оппозиций в различных языках [Сандакова 2009; Слободян 2007; Кабанова 2013; Ермакова, Гречина 2015].

В.С. Арутюнян выходит на уровень **прагматики** и рассматривает особенности функционирования фразеологических конструкций оппозиции «правда – ложь» в русском языке и «truth – lie» в английском языке, анализирует их прагматический потенциал в обоих языках и делает выводы о закономерностях функционирования фразеологизмов представленной оппозиции с точки зрения национально-исторических традиций русского и британского этносов [Арутюнян 2011].

В рамках **прагматического подхода** К.В. Гудкова разделяет оппозиции на онтологические и прагматические и дает им следующее толкование: «... к онтологическим бинарным оппозициям мы относим оппозиции, закрепленные в системе языка и зафиксированные в словарном фонде. К прагматическим оппозициям относятся оппозиции, создаваемые говорящим или пишущим в конкретный момент и служащие его прагматической цели. При этом эти оппозиции могут состоять из элементов, которые не связаны отношениями противоположности в языковой системе. Элементы бинарных оппозиций вступают между собой в определенные семантические отношения» [Гудкова 2011, с. 126]. В работе приведены различные примеры функционирования речевых оппозиций, которые анализируются в контексте. Теоретические основы исследования речевых оппозиций представлены и в работе А.В. Кулешовой, которая обнаруживает факт проявления оппозиции на различных уровнях текста фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом, грамматическом [Кулешова 2014].

Изучение речевых оппозиций представлено и в работах зарубежных исследователей-языковедов, которые рассматривают так называемую

несистемную семантическую оппозицию (non-systemic semantic opposition), реализуемую в поэтическом и новостном дискурсах [Davies 2008; Jeffries 2014]. Авторство данного термина принадлежит Артуру Меттингеру, австрийскому лингвисту, исследовавшему системную семантическую оппозицию (systemic opposition), члены которой закреплены в авторитетных лексических источниках [Mettinger 1994]. Несистемная семантическая оппозиция конструируется только в контексте и может нести значимое идеологическое значение: «Создание новых оппозиций в новостях может отражать и усиливать конфликты идеологии и в конечном итоге привести к возникновению новой общепринятой оппозиции ...» [Jeffries 2014, с. 110]. В своих работах западные лингвисты рассматривают конструируемые в тексте семантические оппозиции с формальной и функциональной точки зрения, затем представляют многочисленные кейс-стади, в которых посредством анализа языковых средств раскрывается идеологическое и эстетическое значение исследуемых оппозиций.

В современной научной парадигме широко представлен **КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД** к исследованию оппозиций в языке. Речь идет о концептуальных оппозициях, природу которых невозможно осознать без рассмотрения понятия концепта. В.И. Карасик определяет концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются, ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002, с. 91]. Важно при этом, что выражение концепта составляет «вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [Карасик 2002, с. 91]. З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят следующий пример: «Есть концепт и слово *молодожены*, но нет слова «старожены», хотя такой концепт в концептосфере народа, несомненно, есть» [Попова, Стернин 2007, с. 25]. Из данного примера видно, что концепт может не иметь словесной формы, но при этом присутствовать в сознании человека. Таким образом, при обращении к концептуальной оппозиции в круг исследования включены и языковые, и внеязыковые (ментальные) качества данной оппозиции: «Термин “концептуальная оппозиция” основан на категории бинарной оппозиции и

отражает, с одной стороны, то, что два входящих в неё концепта являются отдельными и самостоятельными, а с другой стороны, то, что на их основе формируется ментальное образование более высокого порядка» [Зубкова 2009, с. 64].

Концептуальная оппозиция «ответственность – безответственность» как составляющая английского языкового сознания исследуется в работе Е.С. Кульковой [Кулькова 2013]. Е.В. Зубкова изучает смысловое пространство концептуальной оппозиции «холод – тепло/жар» в русской языковой картине мира [Зубкова 2009]. Существуют и такие исследования, которые направлены на рассмотрение значений оппозиции. Так, в частности, Н.С. Смолякова доказывает, что «далеко – близко» помимо временного, социального и пространственного значений служит ориентиром в пространстве знания и памяти [Смолякова 2013].

Некоторые исследователи рассматривают концептуальную оппозицию в рамках определенного типа дискурса. Е.Ю. Пономарева проводит концептуальный анализ лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей оппозиции «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе [Пономарёва 2010]. Концептуальная оппозиция «народ – власть» [Невинская 2006] и концептуальная оппозиция «свой – чужой» [Алиева 2010] рассматриваются в российском и британском политическом дискурсе соответственно. Исследования раскрывают ментальную структуру компонентов, образующих концептуальные оппозиции, анализируют спектр языковых средств выражения концептуальных оппозиций, а также описывают роль концептуальных оппозиций в языковом сознании отдельных народов.

В политической лингвистике изучены концепты «Путин» и «Медведев» как образующие в русском национальном сознании концептуальное единство [Онищенко 2011]. Стоит отметить, что когнитивистов нередко волнует вопрос функциональной ценности компонентов концептуальных оппозиций в определенном социо-прагматическом контексте. В частности, Е.А. Баженова и И.В. Мальцева исследуют прагматический потенциал концептов «свой» и

«чужой» в формировании имиджа политика в ситуации предвыборной борьбы [Баженова, Мальцева 2009].

Особенность исследования концепта и концептуальных оппозиций заключается в том, что анализ категории концепта строится вокруг его имени [Дубровская 2016, с. 29]. Действительно, языковые средства, вербализующие тот или иной концепт, включают прямые номинации (слово-репрезентант), производные (переносные) номинации, однокоренные слова, фразеосочетания, включающие имя концепта, паремии, словарные дефиниции и другие закрепленные в системе языка средства [Попова, Стернин 2007, с. 48 – 49]. Однако неизученными остаются высказывания, развернутые отрезки дискурса, в которых может вербализоваться тот или иной концепт. Т.В. Дубровская считает возможным вести речь о смысловых категориях, формируемых и существующих в рамках отдельных дискурсивных практик, и предполагает, что их изучение требует обращения к иному методологическому подходу [Дубровская 2016, с. 29]. Условно обозначенный как **семантико-прагматический подход**, он ориентирован на исследование оппозиции не на уровне языка, а на уровне конкретных дискурсивных практик, что позволяет анализировать семантику различных единиц на основе толкования текстов в их социально-прагматическом контексте. При этом семантика толкуется исследовательницей широко, как «все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей» [Степанов 1990, с. 438].

Представленный подход можно обнаружить в работе Л.В. Балашовой, которая, обращаясь к дискурсу, рассматривает оппозицию «свой – чужой», выделяя признаки компонентов оппозиции, описывая языковые средства их выражения и анализируя прагматические особенности оппозиции в программных документах и прессе коммунистической и либеральной оппозиции в современной России [Балашова 2014].

Таким образом, в современном языкознании существует несколько подходов к изучению оппозиции. Оппозиция может рассматриваться как единица, закрепленная в системе языка (языковая оппозиция), и ее изучение возможно в

рамках лексико-семантического и когнитивного подходов. Кроме того, оппозиция может конструироваться средствами языка в тексте и дискурсе для достижения прагматической цели, и в этом случае к ее изучению могут применяться прагматический и семантико-прагматический подходы. В настоящем исследовании семантическая оппозиция «сила vs слабость» рассматривается нами как оппозиция, конструируемая в дискурсе.

1.3.2. Оппозиции в политическом дискурсе

В рамках настоящего исследования актуально рассмотреть ключевые оппозиции, конструируемые в политических дискурсивных практиках, а также представить основания выделения оппозиции «сила vs слабость» в качестве одной из базовых оппозиций внешнеполитического дискурса.

Основной и наиболее исследованной оппозицией, конструируемой в политическом дискурсе, является оппозиция «мы – они» или «свой – чужой» (“us – them” в англоязычной интерпретации). Исследователи называют данную оппозицию универсальным феноменом, который организует основы всего человеческого существования: «Противопоставление *свой – чужой*, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из базовых компонентов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, в том числе и русского» [Баженова, Мальцева 2009, с. 29 – 30].

Реализация оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе заключается в ее социальной интерпретации: первый член оппозиции («свой») означает принадлежность к данной социальной группе, в то время как второй член оппозиции («чужой») не является элементом данной группы. Причины объединения людей в группы связаны со стремлением человека к социальной идентичности: «Идентификация с определенными социальными общностями превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах “Мы” и “Они”» [Энциклопедия Кругосвет, электронный ресурс]. Группа «Мы» гарантирует безопасность, статус, самоуважение,

потребность в общении, расширение возможностей, достижение определенных целей [Роббинз 2006, с. 155]. Группа «Они» воспринимается как нечто чуждое, отдаленное, неведомое: «Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя *свое* – обжитое, понятное, от *чужого* – далекого, неизвестного...» [Серебренникова 2000, с. 149].

Основные направления исследования оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе представлены в работах Е.В. Кишиной [Кишина 2011], С.А. Приходько [Приходько 2011] и Т.В. Дубровской [Дубровская 2016]. По утверждению Т.В. Дубровской, данная оппозиция всегда рассматривается в духе Т. ван Дейка, как аксиологически нагруженная пара, в которой группа «мы» оценивается положительно, в то время как группе «они» чаще всего приписываются отрицательные качества [Дубровская 2016]. Изучив ряд работ [Чернявская 2006; Мерекина 2008; Davies 2008; Кишина 2009; Банман 2013; Качмазова, Тамерьян 2014; Балашова 2014], отметим, что мы солидарны с Т.В. Дубровской в том, что предложенный Т. ван Дейком «идеологический квадрат» [van Dijk 1998, с. 267] лежит в основе большинства исследований об оппозиции «мы vs они».

Не менее изученной оппозицией в политической лингвистике является оппозиция «народ vs власть». М.Д. Невинская рассматривает содержательную структуру членов оппозиции в политическом дискурсе, выявляет языковые средства актуализации исследуемой оппозиции, выделяет аспекты их дискурсивного варьирования, а также изучает жанры, в рамках которых конструируется названная оппозиция [Невинская 2006]. Отношения между членами оппозиции как отношения между статусно неравными субъектами рассматриваются в контексте их репрезентаций в дискурсе СМИ [Данкова, Дубровская 2014]. Выделение тематических доминант (топосов доверия/недоверия, защиты/произвола, единения/конфронтации), в рамках которых реализуется оппозиция «народ vs власть», изучение языковых средств, используемых для характеристики членов оппозиции, позволяет авторам сделать вывод о том, что народ и власть могут принадлежать к одной группе или,

напротив, быть оппонентами с противоположными интересами. Оппозиция «народ vs власть» рассматривается посредством анализа прагматических эффектов функционирования политико-экономической терминологии в СМИ [Сурикова 2017]. Автор утверждает, что использование термина «в противоположных оценочных контекстах, регулярная повторяемость и поляризованная сочетаемость (“воссоединение Крыма с Россией/аннексия Крыма Россией”) ведут к поляризации и упрощению языковой картины мира, когда она сводится к противопоставлению по типу “черное – белое”, а отношения коммуникантов в оппозиции “народ – власть” трактуются как “друг – враг”, “коммуникатор – объект воздействия”» [Сурикова 2017, с. 82].

Исследователи отмечают функционирование в политическом дискурсе таких оппозиций, как «хорошо vs плохо» [Черкасов 2010], «прошлое vs настоящее» [Кишина 2011], «старое vs новое» [Кайгородова, Манцерова 2013], однако эти оппозиции на данный момент изучены в недостаточной мере.

В своих исследованиях Т.В. Дубровская отмечает существование еще одной значимой оппозиции – оппозиции «сила vs слабость» [Дубровская 2016; Dubrovskaya, Sowińska 2018]. В данных работах заложены некоторые теоретические основы изучения данной оппозиции, а также представлены элементы ее анализа с применением семантико-прагматического подхода. Нельзя не согласиться с Т.В. Дубровской в том, что оппозицию «сила vs слабость» можно считать одной из ключевых оппозиций политического или внешнеполитического дискурса. Основанием для этого, по замечанию исследовательницы, является тот факт, что «сила и слабость – это телеономные свойства, лежащие в основе существования любого живого существа» [Дубровская 2016, с. 26]. Действительно, ученые полагают, что само выживание органического существа зависит от его физической способности, силы: «Без приложения силы к среде (к Другому) организм не может получить того, в чем он нуждается, иначе его рост и развитие останавливаются» [Слугина, Попова 2015, с. 334]. При этом сила применяется в отношении слабых сторон, а ее использование является необходимым и неизбежным процессом: «Поглощение слабых сильными является

стратегией, подсказанной самой природой, где хищники ведут охоту и поедают, как правило, слабых, больных или отбившихся от сородичей особей» [Гулевский, Гулевская 2015, с. 24].

Очевидно, что применение силы в качестве вынужденной меры в условиях борьбы и конкуренции между участниками взаимодействия, отмечается не только в биологических, но и социальных системах, в частности, международных системах. На мировой арене наблюдается острая борьба за власть между политическими акторами, которые стремятся укрепить своей позиции, усилить собственную роль в разрешении международных вопросов, продвинуть своих идеологические установки. Реализуя представленные цели, государства как ключевые акторы демонстрируют силу и слабость в различных политических контекстах. По замечанию Т.В. Дубровской, сила и слабость состоят «во взаимообуславливающих отношениях, поскольку каждая категория реализуется на фоне существования другой категории. Сила одного актора проявляется в полной мере на фоне слабости другого актора, и наоборот» [Дубровская 2016, с. 26].

Оставаясь недостаточно изученным феноменом в политической лингвистике, оппозиция «сила vs слабость» исследуется в других разделах языкознания. Так, О.В. Назина описывает лингвосемантические критерии репрезентации гендерных стереотипов «Сила» и «Слабость» в рекламных текстах как способ реализации прагматической функции и производит сопоставительный анализ функционирования данных гендерных стереотипов в различных видах рекламного дискурса [Назина 2010]. М.А. Шаманская также рассматривает оппозицию «сила – слабость» в гендерном аспекте: гендерные стереотипы «Сила» и «Слабость» изучаются на основе словарных дефиниций и описываются с точки зрения их аксиологической ценности [Шаманская 2012]. В работе А.А. Савельевой оппозиция «сила – слабость» исследуется с точки зрения ее актуализации фразеологическими единицами в российских печатных СМИ [Савельева 2011]. Исследовательница осуществляет анализ семантической

структуры фразеологизмов со ссылкой на их словарные дефиниции, отмечает их прагматический характер и описывает культурную значимость данной оппозиции.

Есть и такие работы, в которых сила изучается вне связи со слабостью. Языковые средства репрезентации концепта «сила» и его структурные особенности в английском языке исследуются в работе Т.М. Шеховцевой [Шеховцева 2011]. «Сила» как концепт частично исследуется и в рамках политического дискурса. Так, исследователи указывают на его значимость в России в эпоху правления В.В. Путина и предлагают потенциальные объяснения этого феномена с исторической точки зрения [Вражнова и др. 2009].

В.Н. Степанов исследует концепт силы («Kraft») на материале текстов классической немецкой философии последней трети XVIII и первой трети XIX вв., толковых словарей, зафиксировавших словарный состав немецкого языка на рубеже XVIII–XIX вв. [Степанов 2016]. Анализируя языковой материал по пяти базисным фреймам (предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному), автор выявляет общие параметры описания силы. Исследователь приходит к выводу, что в широком значении сила («Kraft») – «это когнитивная способность (возможность или мотив), которой обладают природа, одушевлённые и неодушевлённые предметы и их классы (человек, животные), надындивидуальные образования и философские категории (гений, дух, Единичное), социальные структуры (поколение, нация, человеческий род), отдельные когнитивные способности человека и части речи, виды деятельности и искусства, физические величины; способами выражения которой являются душа, воля, дух, гений, мышление, язык, а инструментами — идеи, чувства, ощущения, опыт, суждения, воображение, предположения» [Степанов 2016, с. 50].

Политологи рассматривают термины и концепции внешней политики, уделяя значительное внимание таким инструментам реализации внешнеполитических стратегий, как «мягкая», «жесткая» и «умная» силы [Гусаков 2011; Будаев 2014; Фурсов 2014; Пшегорский 2015 и др.]. Исследователи применяют различные неязыковые подходы к анализу данных категорий, такие

как системный, институциональный, структурный, исторический, сравнительный и др.

Таким образом, политический дискурс традиционно изучается с точки зрения конструирования в нем таких оппозиций, как «свой vs чужой» или «народ vs власть». Однако как политический дискурс, так и внешнеполитический дискурс остаются недостаточно исследованными на предмет функционирования в них семантической оппозиции «сила vs слабость», которая, на наш взгляд, является такой же ключевой, как и приведенные выше оппозиции. Применение силы и проявление слабости наблюдаются как в биологических системах, так и в социальных системах, в частности, международных системах, где в условиях борьбы и конкуренции между участниками взаимодействия демонстрация собственной силы и указание на слабость другого являются вынужденными для акторов мерами.

1.4. Методология исследования семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе

Методология настоящего исследования основана на понимании социальной реальности в духе социального конструкционизма и критического анализа дискурса. Исследование внешнеполитического дискурса с точки зрения конструирования в нем семантической оппозиции «сила vs слабость» строится на идее социальной значимости дискурса, а также признании диалектических, взаимообуславливающих отношений между языком и обществом [Fairclough 2003]. При таком подходе анализ дискурса дает ключ к пониманию процессов, происходящих в обществе, в нашем случае – в мировом сообществе.

Исследование проводилось посредством качественного анализа дискурса, который направлен на конкретные фрагменты дискурса и их детальное рассмотрение. Важной категорией анализа является социальный актор, который понимается как участник социальных практик [van Leeuwen 2008]. В исследовании мы выделяем таких акторов, как государства и индивидуальные коммуниканты. Кроме того, государства могут вступать в коалиции (ЕС, НАТО,

БРИКС), и тогда образуются коллективные акторы. Стоит отметить, что индивидуальные коммуниканты рассматриваются нами не с точки зрения проявления своей языковой личности и индивидуальных прагматических установок, а исключительно в контексте выполнения ими официальных функций и профессиональных обязанностей. Иными словами, официальное лицо выступает как представитель государства, и производимый им дискурс по умолчанию считается принадлежащим государству.

В своем исследовании мы реализуем семантико-прагматический подход к оппозиции «сила vs слабость», конструируемой во внешнеполитическом дискурсе. Данный подход ориентирован на исследование оппозиции на уровне конкретных внешнеполитических дискурсивных практик и позволяет анализировать семантику членов оппозиции «сила vs слабость» на основе толкования текстов в их социально-прагматическом контексте. «Сила» и «слабость» рассматриваются нами в контексте репрезентации политических акторов-государств, их характеристик и действий на международной арене.

Понятие семантической оппозиции применяется современными лингвистами как при изучении языка, так и при изучении дискурса. В последнем случае семантическая оппозиция не только выступает инструментом систематизации собственно языковых феноменов, но и наделяется социально значимыми смыслами. Семантические оппозиции в дискурсе рассматривались рядом ученых как отражающие сущность взаимодействия различных языковых и социальных процессов. В качестве объекта анализа в работах выступают семантические оппозиции «свой – чужой», «журналист – читатель», «коммунист – антикоммунист», «патриот – националист», «социалистическая демократия – буржуазная демократия» и др. [Глазкова 2004; Кишина 2011]. Таким образом, семантические оппозиции ранее рассматривались на материале дискурса. В то же время, отметим еще раз, что основной акцент при изучении смысловых противопоставлений в дискурсе до настоящего времени ставился на семантические корреляции лексических единиц, а методологическую основу

таких исследований составляли труды по лексикологии и фразеологии [Глазкова 2004; Лаптева 2013].

В нашем исследовании мы показываем, что семантическая оппозиция конструируется всей совокупностью языковых средств, задействованных в дискурсе. При проведении анализа мы отходим от поиска и толкования значений конкретных лексических единиц и обращаемся к смыслам, «закодированным» в дискурсе. Таким образом, **семантическая оппозиция** в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического, так и прагматического.

Языковые и функциональные особенности семантической оппозиции «сила vs слабость» исследуются нами посредством применения методов семантического исследования. Метод контекстуального анализа предполагает анализ лексического значения слов, грамматической формы слов, синтаксических конструкций и их интерпретацию в общем контексте. Дефиниционный анализ направлен на анализ словарных дефиниций лексических единиц с целью сравнения со значениями, конструируемыми в дискурсе.

Т.В. Дубровская предлагает выделение различных смысловых компонентов в рамках актуализации «силы» и «слабости» на основании различных признаков субъекта внешнеполитических отношений (качества, присущие актору; способы поведения по отношению к другим; последствия действий актора) [Дубровская 2016; Dubrovskaya, Sowińska 2018]. Мы предлагаем иной принцип выделения и классификации компонентов членов оппозиции: в зависимости от выводимости или невыводимости семантического компонента из словарных дефиниций и с точки зрения отсутствия или наличия оценочного смысла: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений соответствующих лексических единиц, 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции, 3) оценочные семантические компоненты. Отметим, что выделение ряда компонентов невозможно без учета таких когнитивных механизмов, как инференция и импликатура.

Инференция как мыслительный процесс декодирования информации исследуется в работах ряда представителей когнитивной лингвистики [Дроздова 2003; Кубрякова 2004; Прохоров 2009; Галанова 2012; Трайковская 2015; Одинцова 2016 и др.]. Авторы предлагают определения инференции, среди которых самым точным, на наш взгляд, является определение, данное Е.С. Кубряковой: «Инференция представляет собой такую мыслительную (когнитивную) операцию, которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями» [Кубрякова 2004, с. 411]. Понимание текста и дискурса, по мнению исследовательницы, невозможно без семантического вывода – инференции: «Любая языковая форма, но текст прежде всего, сигнализируют не только о том, что в ней реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу – выводу по инферентному типу» [Кубрякова 2004, с. 518].

А.В. Прохоров отмечает, что указателями на наличие в тексте имплицитной информации выступают его отдельные элементы – ключевые слова. При этом исследователь дополняет, что основой для семантического вывода являются: предзнание участников коммуникации, пресуппозиции, общее знание, а также специальное (экспертное) знание [Прохоров 2008, с. 139]. На это же указывает и другой специалист в области когнитивной лингвистики Т.В. Дроздова, которая утверждает, что понимание текста и его последующая интерпретация возможны не только при условии прочтения эксплицитной информации, но и при условии восстановления имплицитной информации, которая становится доступной в ходе реализации механизма инференции [Дроздова 2003, с. 9]. Представляется, что инференция выступает в качестве важного инструмента анализа семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе, поскольку «сила» и «слабость» и собственно оппозиция между ними конструируются не только словарными значениями языковых единиц, но и теми смыслами, которые приобретают данные единицы в социально-прагматическом контексте.

Процесс инференции тесно связан с таким понятием, как импликатура, также занимающим центральное место в исследованиях, посвященных процессам порождения и интерпретации текста и дискурса. Импликатура рассматривается в прагматическом аспекте и понимается как «имплицитный смысл высказывания, т.е. дословно не выраженный в высказывании информационный комплекс, который извлекается в результате смыслового вывода (импликации) с привлечением дополнительных элементов из когнитивной среды, другими словами, фоновых знаний» [Ситдикова, Сабирова 2015, с. 73]. При этом вербальные и иконические маркеры, которые активируют определенные структуры представления знаний и указывают на те участки концептуального содержания данных структур, представленных в тексте имплицитно, носят название имплицит. Таким образом, инференция и импликатура представляются нам важными составляющими при анализе семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитических дискурсивных практиках, поскольку названные когнитивные операции позволяют полно и адекватно кодировать и декодировать заложенные в дискурсе смыслы. Так, именно благодаря процессу инференции становится возможным выделение семантических компонентов членов исследуемой оппозиции, которые не исходят из словарных определений соответствующих лексических единиц.

Итак, совокупность перечисленных методов и методик анализа позволила всесторонне изучить оппозицию «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе: показать, как строятся отношения между членами исследуемой оппозиции и между акторами, выявить свойства, которыми обладает данная оппозиция, а также выделить функции, которые она выполняет в дискурсе.

1.5. Выводы по главе 1

В своем исследовании мы придерживаемся понимания внешнеполитического дискурса как разновидности дискурса политического и понимаем его как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-

историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов.

Внешнеполитический дискурс выполняет функцию борьбы за власть на международной арене и функцию защиты национальных интересов социального актора. Реализация данных функций осуществляется в том числе благодаря конструированию в дискурсе семантической оппозиции «сила vs слабость».

Обзор существующих исследований внешнеполитического дискурса показывает широту подходов к нему с точки зрения различных прагмалингвистических категорий, таких как коммуниканты, концепты, жанры, стратегии, тактики и конкретные языковые средства.

Внешнеполитический дискурс традиционно рассматривается с точки зрения конструируемых в нём оппозиций между отдельными компонентами – «свой vs чужой» и «народ vs власть». Оппозиция «сила vs слабость» представляется нам одной из базовых оппозиций в политическом дискурсе, так как сила и слабость – это свойства, которые лежат в основе существования любого организма. В мировом сообществе в условиях борьбы и конкуренции между участниками взаимодействия демонстрация собственной силы и указание на слабость другого являются вынужденными действиями акторов.

Оппозиции исследуются практически во всех разделах языкознания. Авторы предлагают различные методологические подходы к исследованию оппозиций, среди которых больший интерес для нас представляет анализ оппозиции на дискурсивном уровне, в частности, предложенный Т.В.Дубровской семантико-прагматический подход. Данный подход ориентирован на исследование оппозиции не на уровне языка, а на уровне конкретных дискурсивных практик, что позволяет анализировать семантическую структуру силы и слабости на основе толкования текстов в их социально-прагматическом контексте.

Семантическая оппозиция в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического, так и прагматического.

В рамках настоящего исследования мы выявляем в структуре членов оппозиции «сила vs слабость» семантические компоненты, выводимые из словарных значений соответствующих лексических единиц, семантические компоненты, подлежащие процессу инференции, и оценочные семантические компоненты.

Изучение семантической оппозиции «сила vs слабость» осуществляется посредством качественного анализа дискурса, который направлен на конкретные фрагменты дискурса и их детальное рассмотрение. Кроме того, важными составляющими настоящего исследования представляются когнитивные механизмы инференции и имплицатуры, поскольку они позволяют адекватно и полно декодировать заложенные смыслы.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА ЧЛЕНОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ» В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Семантика лексических единиц «сила/strength» и «слабость/weakness» в русском и английском языках

Прежде чем приступить к изучению конструируемых во внешнеполитическом дискурсе семантических компонентов членов оппозиции «сила», «слабость», представляется необходимым рассмотреть возможные словарные значения соответствующих лексем в русском и английском языках и отметить значения, актуальные в рамках настоящего исследования. Итак, русская лексема «сила» толкуется следующим образом:

1. Способность живых существ напряжением мышц производить физические действия, движения; также вообще – физическая или моральная возможность активно действовать.
2. Энергия, воздействующая на материальные тела, а также степень интенсивности, напряженности её.
3. обычно *мн.* Материальное начало как источник энергии, деятельности.
4. *чего.* Способность проявления какой-н. деятельности, отличающаяся определённой степенью напряжённости, устремлённости.
5. Могущество, влияние, власть.
6. Сущность, смысл (разг.).
7. Значение, действительность.
8. *мн.* Общественная группа, общественный слой, обладающий какими-н. характерными для него признаками.
9. *мн.* То же, что войска.
10. ед. Большое количество, множество (прост.)
11. *тв. п. мн. ч. силами* употр. также в знач. при помощи кого-чего-н.

[Ожегов 2007, с. 703]

Схожие значения лексемы «сила» представлены в толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой:

I ж. 1. Способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия.

|| *перен.* Физическое воздействие, насилие.

2. Способность проявления какой-либо деятельности, какого-либо состояния, отличающаяся определенной степенью напряженности, устремленности.

3. *перен.* Источник чего-либо, какой-либо деятельности, какого-либо явления.

4. *перен.* Влияние, авторитет, власть, могущество.

5. *перен. разг.* Сущность, смысл, значение чего-либо.

6. *перен.* Правомочность, значение.

7. *перен.* простореч. Огромное количество.

II ж. 1. Энергия как причина, выводящая тело, материю из состояния покоя или изменяющая направление, скорость движения.

2. Величина, равная произведению массы тела на его ускорение (в механике).

II *предик. разг.* Оценка количества кого-либо, чего-либо как чрезвычайно большого, бесчисленного. [Современный толковый словарь ..., электронный ресурс]

Представленные словарные дефиниции лексемы «сила» свидетельствуют о ее довольно развернутой системе лексико-семантических вариантов, имеющих самые разнообразные значения, обнаруженные в различных стилях языка. Особую важность для нашего исследования имеют такие значения, как физическая и моральная возможность активно действовать, проявление интенсивности, напряженности и устремленности, влияние и власть, большое количество, физическое воздействие, насилие, потому что, как будет показано далее, именно эти компоненты значений лексико-семантических вариантов слова востребованы при конструировании члена оппозиции «сила».

Рассмотрим значения английской лексемы “strength”, представленные в одном из американских словарей английского языка:

1. the quality or state of being strong: capacity for exertion or endurance (сила как качество или состояние: способность к напряжению или выносливость)

2. power to resist force: solidity, toughness (способность противостоять силе: твердость, жесткость)

3. power of resisting attack: impregnability (способность противостоять нападению: неуязвимость)

4. a) legal, logical, or moral force (юридическая, логическая или моральная сила); b) a strong attribute or inherent asset (сильное качество или неотъемлемая ценность)

5. a) degree of potency of effect or of concentration (степень эффекта или концентрации); b) intensity of light, color, sound, or odor (интенсивность света, цвета, звука или запаха); c) vigor of expression (сила выражения)

6. force as measured in numbers: effective numbers of any body or organization (сила, измеряемая как количество: большое количество членов органа или организации)

7. one regarded as embodying or affording force or firmness (тот, кто воплощает или предоставляет силу)

8. maintenance of or a rising tendency in a price level: firmness of prices (тенденция к удержанию цены или к её росту)

9. basis — used in the phrase *on the strength of* (основа). [Merriam-Webster’s Dictionary ..., электронный ресурс]

Аналогичные, но более подробные дефиниции английской лексемы “strength” были обнаружены нами в другом лексикографическом источнике:

1. the state or quality of being strong; physical power or capacity (сила как состояние или качество; физическая сила или способность)

2. the capacity to resist attack; impregnability (способность противостоять нападению; неуязвимость)

3. the capacity to resist strain or stress; durability (способность противостоять напряжению или стрессу; выносливость)

4. the ability to deal with difficult situations or to maintain a moral or intellectual position (способность справляться с тяжелыми ситуациями или сохранять силу духа)

5. a) the number of people constituting a normal or ideal organization (количество людей, составляющих обычную или идеальную организацию); b) capability in terms of numbers or resources (возможность с точки зрения количества или ресурсов)

6. a) an attribute or quality of particular worth or utility; an asset (атрибут или качество, представляющее определенную ценность или полезность; нечто ценное); b) one that is regarded as the embodiment of protective or supportive power; a support or mainstay (тот, кто рассматривается как воплощение защитной или поддерживающей силы; опора или оплот)

7. a) degree of concentration, distillation, or saturation (степень концентрации, дистилляции или насыщения); b) operative effectiveness or potency (оперативная эффективность или действенность); c) intensity, as of sound or light (интенсивность звука или света); d) intensity of emotion or belief (интенсивность эмоций или убеждений); e) cogency or persuasiveness (неопровержимость или убедительность)

8. effective or binding force; efficacy (действующая или обязательная сила; эффективность)

9. firmness of or a continuous rising tendency in prices, as of a currency or market (твердость или непрерывный рост цен, как валюты, так и рынка).

[American Heritage Dictionary ..., электронный ресурс]

Представленные данные показывают, что дефиниции лексической единицы «strength» в английском языке также разнообразны и в целом совпадают с дефинициями в русском языке. Важными для нас являются такие значения английской лексической единицы, как способность справляться с тяжелыми ситуациями, способность сохранять силу духа, способность к напряжению, а также возможность с точки зрения количества – значения, на основе которых

формируются семантические компоненты «силы», исходящие из данных словарных значений.

Обратимся к словарным определениям «слабости». Данная лексема имеет следующие значения:

1. *см.* слабый.
2. Недостаток физических сил, энергии.
3. Недостаточная твёрдость и последовательность в проведении чего-н.
4. *перен.* Наклонность, привычка, от к-рой нет желания отказаться (разг.)

[Ожегов 2007, с. 714].

В силу того что лексема «слабость» толкуется через лексему «слабый», рассмотрим словарные значения последней:

1. Отличающийся малой силой, мощностью.
2. Болезненный, нездоровый.
3. Малый, незначительный.
4. Лишённый твёрдости, устойчивости, последовательности.
5. Неискусный, плохой.
6. Не крепкий, не насыщенный.
7. Не тугой, не плотный, свободный. [Ожегов 2007, с. 714]

Многочисленные значения лексемы «слабый» представлены в другом русском словаре:

1. [муж. род] 1) Тот, кто не отличается большой физической силой.
- 2) Тот, кто не отличается крепким здоровьем.
- 3) *перен.* Тот, кто не отличается твердым волевым характером.
2. прилагательное
- 1) а) Недостаточно сильный физически; обессилевший, ослабевший.
- б) Часто подвергающийся заболеваниям; болезненный.
- в) Чахлый, хилый (о растениях).
- 2) *перен.* Не отличающийся твердым волевым характером.
- 3) а) Имеющий небольшую мощность, силу.
- б) Притупившийся (о слухе, зрении, памяти и т.п.).

- в) Производимый с небольшим физическим усилием.
- 4) а) Недостаточно могущественный.
 б) перен. Недостаточно влиятельный, авторитетный.
- 5) а) Незначительный по силе, степени своего проявления; малозаметный.
 б) Негромкий (о звуке, крике, шуме и т.п.).
 в) Неяркий, тусклый (об источнике света).
 г) Недостаточно различимый, отчетливый.
 д) Ненасыщенный.
- 6) а) перен. Не способный оказать сильного воздействия на кого-л., что-л.
 б) Неубедительный.
 в) Небольшой, незначительный.
- 7) а) перен. Не удовлетворяющий предъявляемым требованиям; недостаточный.
 б) Не достигающий необходимого уровня развития; отстающий.
 в) Неудовлетворительный по своим качествам.
- 8) перен. Недостаточно сведущий в чем-л.
- 9) перен. Нетуго закрученный, затянутый, завинченный. [Современный толковый словарь ..., электронный ресурс]

Обратим внимание на такие значения лексемы «слабость», как отсутствие твердости, устойчивости, последовательности, недостаток волевого характера, а также недостаток могущественности.

Рассмотрим семантику лексемы “weakness”, как она определяется американским словарем:

1. the state or quality of being weak (слабость как состояние или качество)
2. a weak point; fault or defect, as in one's character (слабое место, ошибка или дефект, например, слабость характера)
3. a. a liking; esp., an immoderate fondness (симпатия; особенно неумеренная любовь к чему-либо)
 b. something of which one is immoderately fond (то, к чему испытывается неумеренная любовь). [American Heritage Dictionary ..., электронный ресурс]

Как и в русском языке, лексема “weakness” определяется через соответствующее прилагательное. Лексема “weak” представлена в американском словаре следующими значениями:

1. a. lacking in strength of body or muscle; not physically strong (испытывающий недостаток силы в теле или мышцах, физически несильный)

b. lacking vitality; feeble; infirm (испытывающий недостаток жизненной силы; хилый, немощный)

2. lacking in skill or strength in combat or competition (испытывающий недостаток навыков или силы в борьбе или соревновании)

3. lacking in moral strength or willpower; yielding easily to temptation, the influence of others, etc. (испытывающий недостаток силы духа или силы воли, легко поддающийся искушению, влиянию других и т.д.)

4. lacking in mental power, or in the ability to think, judge, decide, etc. (испытывающий недостаток умственной силы или способности думать, судить, принимать решения и т.д.)

5. a. lacking ruling power, or authority (испытывающий недостаток власти или авторитета)

b. having few resources; relatively low in wealth, numbers, supplies, etc. (обладающий малыми ресурсами, относительно небольшим богатством, малым количеством, малым запасом)

6. lacking in force or effectiveness (испытывающий недостаток силы или эффективности)

7. a. lacking in strength of material or construction; unable to resist strain, pressure, etc.; easily torn, broken, bent, etc. (испытывающий недостаток прочности материала или конструкции; неспособный выдержать напряжение, давление и т.д.; легко рвущийся, ломающийся, сгибающийся и т.д.)

b. not sound or secure; unable to stand up to an attack (нездоровый или небезопасный; не способный противостоять нападению)

8. a. not functioning normally or well: said of a body organ or part (плохо или ненормально функционирующий: об органе или части тела)

b. easily upset; queasy (болезненный)

9. indicating or suggesting moral or physical lack of strength (демонстрирующий моральный или физический недостаток силы)

10. lacking in volume, intensity, etc. (испытывающий недостаток громкости, интенсивности и т.д.)

11. lacking the usual or proper strength (испытывающий недостаток обычной или необходимой силы)

12. a. ineffective; unconvincing (неэффективный, неубедительный)

b. faulty (наделенный дефектами)

13. tending toward lower prices: said of a market, stock, etc. (имеющий тенденцию к снижению цен: о рынке, об акциях и т.д.). [American Heritage Dictionary ..., электронный ресурс]

Схожие значения лексемы “weak” приведены в другом американском словаре:

1. lacking strength (испытывающий недостаток силы)

a. deficient in physical vigor: feeble, debilitated (испытывающий недостаток физической силы: слабый, бессильный)

b. not able to sustain or exert much weight, pressure, or strain (не способный выдерживать или оказывать давление)

c. not able to resist external force or withstand attack (не способный противостоять внешней силе или противостоять нападению)

d. easily upset or nauseated (испытывающий расстройство или тошноту)

2. a. mentally or intellectually deficient (умственно неполноценный)

b. not firmly decided: vacillating (лишенный твердости: неуверенный в себе)

c. resulting from or indicating lack of judgment or discernment (указывающий на отсутствие суждения или проницательности)

d. not able to withstand temptation or persuasion (не способный противостоять искушению или убеждению)

3. not factually grounded or logically presented (необоснованный или не представленный логически)

4. a. not able to function properly (не способный функционировать должным образом)

b (1). lacking skill or proficiency (демонстрирующий недостаток навыков или мастерства)

(2). indicative of a lack of skill or aptitude (указывающий на недостаток навыков или способности)

c. wanting in vigor of expression or effect (демонстрирующий недостаток силы выражения или эффекта)

5. a. deficient in the usual or required ingredients: dilute (испытывающий недостаток обычных или необходимых ингредиентов: разбавленный)

b. lacking normal intensity or potency (испытывающий недостаток интенсивности или силы)

6. not having or exerting authority or political power (не обладающий авторитетом или политической властью)

b. ineffective, impotent (неэффективный, бессильный)

6. tending toward a lower price or value (имеющий тенденцию к снижению цены)

7. ionizing only slightly in solution (слабо ионизированный в растворе).
[Merriam-Webster's Dictionary ..., электронный ресурс]

Лексема «weakness» в английском языке характеризуется многочисленными значениями, среди которых особо важными в рамках настоящего исследования являются такие значения, как недостаток силы, недостаток силы воли и отсутствие твердости.

Исходя из вышеприведенных дефиниций лексемы «слабость» в русском словаре и лексемы “weakness” в английском словаре, можно сделать вывод, что в основном наборы лексических значений данных единиц совпадают в обоих языках. «Слабость» определяется как недостаток силы, все остальные значения слабости легко сводимы к этому значению. Данное наблюдение свидетельствует о взаимообуславливающем характере отношений между лексическими единицами «сила» и «слабость» в составе оппозиции уже на уровне языка.

Взаимообусловленность значений членов оппозиции отмечается в работе Л.А. Новикова: «Оппозиция всегда объединяет два различных объекта, связанных, однако, таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [Новиков 1982, с. 136].

На наш взгляд, исследование семантической структуры «силы» и «слабости» на уровне языка дает весьма ограниченные результаты с точки зрения применения их к дискурсу. Представляется, что полные и основательные результаты можно получить путем перехода с уровня языка на уровень дискурсивных практик. Такой подход направлен не столько на рассмотрение словарных дефиниций, синонимических связей или иных закрепленных в языковой системе значений, сколько на изучение высказываний, отдельных отрезков дискурса, в которых конструируются разнообразные значения членов семантической оппозиции «сила vs слабость».

Поскольку в настоящем исследовании мы имеем дело не с лексическими единицами, закрепленными в системе языка, а обращаемся к единицам, формируемым в дискурсе, мы считаем оправданным использование русскоязычных наименований «сила» и «слабость» для обозначения членов оппозиции «сила vs слабость» при проведении анализа внешнеполитического дискурса как на русском, так и на английском языках. «Сила» и «слабость» рассматриваются нами в связи с репрезентациями политических акторов-государств, их характеристик и действий на международной арене. Смоделированная таким образом семантическая структура «силы» и «слабости» и образуемой ими оппозиции отражает их специфику в политическом дискурсе и отличается от модели, построенной на основе словарей.

2.2. Семантические компоненты «силы» и языковые средства их выражения

Анализ выступлений официальных представителей внешнеполитических ведомств России и США позволил выявить ряд семантических компонентов члена оппозиции «сила», конструирующих репрезентации политических акторов. В соответствии с поставленными исследовательскими задачами мы предлагаем делить их на три основные группы в контексте репрезентации того или иного актора в российских и американских внешнеполитических дискурсивных практиках:

- 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений;
- 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции (выделение каждого компонента данной группой сопровождается извлечением инферентного вывода на основе анализа языковых средств, лингвистического и ситуативного контекста);
- 3) оценочные семантические компоненты.

Выделенные семантические компоненты рассматриваются нами с точки зрения их языкового выражения.

2.2.1. «Сила» в саморепрезентациях России

В выступлениях официальных представителей МИД РФ член оппозиции «сила» разлагается на такие компоненты, которые конструируют Россию как сильного политического актора, играющего ключевую роль в урегулировании вопросов внешнеполитической направленности. Первая группа семантических компонентов, которые соотносятся со словарными дефинициями лексемы «сила», включает: активность, моральную способность идти к цели, способность решать сложные проблемы, большие размеры. Вторая группа семантических компонентов, которые не выводимы напрямую из словарных дефиниций лексемы «сила» и актуализируются благодаря процессу инференции, представляет собой более обширный спектр компонентов, таких как наличие союзников, ядерный потенциал, энергетический потенциал, способность к кооперации, трудоспособность, самостоятельность и обладание независимыми взглядами,

оказание помощи другим, руководство другими акторами, контроль действий других акторов, ненавязывание своей позиции, следование нормам международного права и их защита. В третьей группе, представляющей собой оценочные семантические компоненты члена оппозиции «сила», были выделены такие компоненты, как стабильность и устойчивость, созидание, обеспечение безопасности, миролюбие, честность и ответственность, невраждебное поведение.

Итак, остановимся на семантических компонентах первой группы. Приведем следующие примеры:

В этой ситуации Россия проводит активную линию, всемерно способствует формированию позитивной, сбалансированной, объединительной международной повестки дня. (Лавров, 11.04.2014)

На заседаниях группы российские представители регулярно рассказывают, как Россия помогает решать гуманитарные проблемы в САР, включая конкретные данные о доставке гражданскому населению гуманитарной помощи в виде продовольствия, других предметов первой необходимости. Делимся информацией, какие посреднические усилия мы предпринимаем в контактах с властями в Дамаске и международниками «на земле», как продвигаем и приветствуем локальное перемирие ... (Лавров, 02.06.2014)

Россия и там [Астанинский процесс] активнейшим образом участвует ... (Рябков, 03.07.2017)

В представленных примерах семантический компонент **активность** конструируется посредством многочисленных глаголов в форме настоящего времени в действительном залоге (*проводит, способствует, помогает, предпринимаем, участвует*), которые приписывают России роль семантического Агенса [Fillmore 1968], обладающего по определению следующими активными свойствами: «вовлечен по собственной воле в событие или состояние; является сознательным и/или воспринимающим участником; инициирует событие или изменения состояния другого участника; движется (по отношению к точке пространства или другому участнику); существует независимо от события, обозначенного глаголом» [Dowty 1991, с. 572]. Отметим использование

каузативного глагола (*продвигаем*), который выражает причину возникновения другого состояния (*продвигаем – выступаем причиной того, чтобы перемирие продвинулось*) и таким образом выступает индикатором активности актора при осуществлении внешнеполитической деятельности. Репрезентация активной позиции РФ реализуется эксплицитно посредством прилагательного *активная*, а также подчеркивается при помощи его превосходной степени (*активнейшим образом*). Семантический компонент *активность* представляется нам одним из компонентов, связанным с семантикой силы, зафиксированной в русскоязычных словарях. На наш взгляд, данный компонент можно соотнести со значением п.2 лексемы «сила», обнаруженным в словаре С.И. Ожегова, и значением п.1 данной лексической единицы в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Сила определяется не только как способность осуществлять физические действия, но и как способность преодолевать препятствия, идти к цели, то есть проявлять силу духа. Сила в российском дискурсе реализует такие значения:

На самом деле они знают, что мы великая страна. И все описанные Вами действия направлены на то, чтобы вывести нас из себя, подорвать наши позиции и сделать наше влияние в этом регионе и в мире в целом минимальным. Это не получится, потому что Россия исторически проходила через гораздо более сложные испытания и выходила из них не только с честью, но и окрепшей.
(Лавров, 25.12.2014(1))

Семантический компонент **моральная способность идти к цели** выражается посредством лексем *великая* и *окрепшая*, выступающих в качестве синонимов к лексеме «сильная». Обращает на себя внимание использование однокоренных глаголов со значением активных действий в форме прошедшего времени (*проходила, выходила*), а также прилагательного в сравнительной степени (*более сложные*). Данные языковые средства указывают на такую силу, которой всегда обладала и продолжает обладать Россия, – силу духа, т.е. моральную способность идти к цели, преодолевая любые препятствия. Кроме того, попытки лишить актора данной силы репрезентируются как невозможные при помощи отрицательной конструкции (*Это не получится*). На наш взгляд, семантический

компонент моральная способность соотносится со значением п.1 лексемы «сила» в русском словаре С.И. Ожегова.

В числе компонентов первой группы нами был выделен тесно связанный с предыдущим компонентом семантический компонент **способность решать сложные проблемы**, который соответствует значению п.4 лексической единицы «сила», предложенном в словаре С.И. Ожегова, и идентичному значению п.2 в словаре Т.Ф. Ефремовой. Приведем пример:

Мы сразу согласились тем более, что давно и последовательно выступаем за откровенное, без обиняков и недомолвок обсуждение самых сложных проблем с любыми партнерами, включая ЕС, НАТО и США. (Лавров, 01.02.2014)

Выделенный семантический компонент реализуется в данном примере при помощи превосходной степени прилагательного (*самых сложных*), наречий *давно* и *последовательно* с семантикой временной непрерывности [Крыга 2009] и глагола в форме настоящего времени с семантикой активных действий (*выступаем*). Сила актора репрезентируется как способность к противостоянию и действиям в сложных ситуациях, и такая репрезентация силы усиливается за счёт ссылки на готовность взаимодействовать *с любыми партнерами*. Такое указание содержит в имплицатуре негативную характеристику партнеров – *любыми*, даже самыми неудобными, партнерами.

В следующем примере член оппозиции «сила» вербализуется при помощи прилагательного *большая*, что сигнализирует о конструировании семантического компонента **большие размеры** (*большая держава*), также связанного с семантикой силы:

Думаю, что на этот раз попытки изолировать Российскую Федерацию абсолютно бесперспективны. Изолировать Россию от остального мира невозможно. Во-первых, мы – большая самостоятельная знающая чего хочет держава. Во-вторых, подавляющее большинство государств мира никакой изоляции России не хочет и к этим попыткам не присоединится. (Лавров, 21.04.2014).

Еще большую весомость силе актора, заключающейся в обладании огромной территорией, придают предикаты *абсолютно бесперспективно и невозможно*, которые конструируют Россию как мощное и непобедимое государство. Отметим, что семантический компонент *большие размеры* соотносится со значением п.10 лексемы «сила», представленном в словаре С.И. Ожегова, и значением п.7 в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Вторая группа семантических компонентов «силы» включает такой компонент, как **наличие союзников**, который не исходит из словарных значений соответствующей лексической единицы, а подлежит процессу инференции. Приведем следующий пример:

Что касается отношения к нам в мире, то у нас очень много друзей. Я бы сказал, что большинство стран мира – наши друзья. Сегодня мы уже говорили про таких проверенных временем друзей, как Куба. На латиноамериканском континенте у нас тёплые и тесные отношения с подавляющим большинством государств и их различными многосторонними региональными структурами. Конечно же, наши ближайшие друзья – это союзники по ОДКБ и партнёры по создаваемому и уже вступающему в действие с 1 января 2015 г. Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). (Лавров, 25.12.2014(1))

Данный компонент конструируется благодаря использованию лексических единиц *большинство, очень много, союзники, партнеры*, а также многократному повторению лексемы *друзья*, значение которой усиливается за счет эпитетов *ближайшие, проверенные временем, теплые, тесные*, обладающих положительными коннотациями. Данные языковые средства выступают в качестве вербальных маркеров и указывают на наличие в данном фрагменте имплицитной информации, которая извлекается благодаря привлечению фоновых знаний об эволюционном подходе, обосновывающем необходимость силы и объединения в группы для выживания в окружающей среде. Так, в качестве инферентного вывода в представленном примере может рассматриваться следующий вывод: наличие союзников свидетельствует о силе России. Семантический компонент *наличие союзников* реализуется при помощи

описанных выше средств языка и относится ко второй группе семантических компонентов «силы», подлежащих инференции. Отметим, что подобные шаги по выявлению семантических компонентов второй группы осуществляются нами и далее.

Ко второй группе компонентов члена оппозиции «сила» мы также относим семантический компонент **ядерный потенциал**. Сила политического актора определяется количеством и качеством его вооруженных сил, в частности стратегического ядерного вооружения. Благодаря использованию в следующем примере военной лексики (*оружие, ядерный арсенал*) можно сделать инферентный вывод о том, что сила России заключается в обладании крупнейшим ядерным арсеналом:

Теперь Крым стал частью государства, которое в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия обладает таким оружием. Российское государство в соответствии с международным правом имеет все основания распоряжаться своим ядерным арсеналом – ещё раз повторю легитимным – в соответствии со своими интересами и международно-правовыми обязательствами. (Лавров, 15.12.2014)

Мощь государства определяют и энергетические ресурсы, такие как уголь, газ, нефть и др., которые могут экспортироваться в больших количествах в другие страны и таким образом ставить их в определенную зависимость. В контексте репрезентации силы России нами выделен семантический компонент **энергетический потенциал**:

Когда-нибудь Россия ставила политику выше энергетического взаимодействия? Россия когда-нибудь не выполняла свои обязательства? Приведите мне такой пример. Может быть, это здорово – быть зависимым от равноправного, полноценного и взаимовыгодного сотрудничества? (Захарова, 06.07.2017)

Инферентный вывод о том, что сила России заключается в обладании энергетическим потенциалом, возможен благодаря использованию лексемы *зависимый*. Данная лексическая единица конструирует РФ как актора,

обладающего большими энергетическими запасами, которые ставят в зависимость другие государства в области энергетики. Более того, эта зависимость оценивается положительно (*здорово*), поскольку, по мнению официальных представителей государства, способствует выстраиванию взаимовыгодных межгосударственных отношений.

В российском дискурсе в составе члена оппозиции «сила» можно отметить наличие семантического компонента **способность к кооперации**. Под способностью к кооперации мы понимаем умение работать с другими внешнеполитическими игроками для достижения общего результата. Данное умение можно причислить к качествам политического актора, придающим ему силу:

... простых решений, чем грешат сплошь и рядом американцы, быть не может. Только комплексный подход со всеми вовлеченными сторонами может дать результат. В этом направлении мы работаем последовательно и неуклонно на протяжении многих лет ... (Рябков, 03.07.2017)

В представленном примере способность к кооперации как свидетельство силы актора репрезентируется через использование политических штампов и клише (*комплексный подход, со всеми вовлеченными сторонами*). Кроме того, комбинация лексики с семантикой временной непрерывности (*последовательно, неуклонно*) и глагола настоящего времени с семантикой активных действий в действительном залоге (*работаем*) позволяет сделать инферентный вывод о том, что еще одной характерной особенностью России является ее способность к труду – качество, присущее лишь сильным политическим сторонам. Таким образом, в состав группы компонентов, подлежащих процессу инференции, оказывается вовлеченным и компонент **трудоспособность**.

Ко второй группе компонентов можно отнести такой семантический компонент «силы», как **самостоятельность и обладание независимыми взглядами**:

Проводимая в соответствии с современными тенденциями и многовековыми традициями независимая политика России сегодня становится

все более востребованной в мире, привлекает широкий круг партнеров в Азии, Африке, Латинской Америке и Европе. (Лавров, 19.11.2014)

Подавляющее большинство государств, с которыми мы продолжаем диалог и на который нет никаких ограничений и изоляции, как видите, ценит самостоятельную роль России на международной арене. Не потому, что им нравится, когда кто-то возражает американцам, а поскольку они понимают, что не будет устойчив миропорядок, в котором никто не может высказать свое мнение вслух. (Лавров, 22.11.2014)

В качестве вербальных маркеров в данных примерах выступают синонимы *независимая* и *самостоятельная*, а также глагол *возражать*, включающий в себя сему борьбы. Способность противостоять, бороться – качество, присущее только сильному актору. Обратим внимание и на глагол *высказывать вслух*, имеющий значение свободно выражать свои мысли. Благодаря использованию названных лексических единиц мы приходим к следующему выводу: сила России заключается в том числе в обладании собственными взглядами и ценностями. Сила политического актора, обладающего самостоятельной точкой зрения и не поддающегося внешнему влиянию, конструируется в дискурсе и посредством прилагательного в сравнительной степени (*все более востребованная*).

Семантика силы России актуализируется и при помощи семантического компонента **оказание помощи другим**:

Но если мы потеряли Украину, то почему около миллиона беженцев с Украины направилось в сторону страны, которую считают агрессором? Почему мы этим украинским беженцам создали условия в Ростовской области и в других регионах Российской Федерации, которые Управление ООН по делам беженцев признало «образцовыми»? Сегодня, 25 декабря, на заседании Правительства России одобрены 9 нормативных актов по линии Федеральной миграционной службы, нацеленных на то, чтобы сделать пребывание украинских перемещенных лиц, беженцев на нашей территории еще более комфортным. Мы делаем больше, чем кто бы то ни был ... (Лавров, 25.12.2014(1))

В представленном примере инферентный вывод о том, что сила России – это и способность помогать другим, возможен благодаря использованию как лексических, так и грамматических средств языка, таких как глагол совершенного вида в прошедшем времени в составе глагольного словосочетания (*создали условия*), конструирующий картину завершенности, успешности действий, и краткое страдательное причастие в форме прошедшего времени (*одобрены*), указывающий на поддержку со стороны других акторов. Данные средства языка используются с целью подчеркнуть уже предпринятые Россией шаги для оказания помощи Украине, которые оцениваются в дискурсе положительно (*образцовые, более комфортное пребывание*). Сила актора конструируется и посредством сравнительной конструкции (*делаем больше, чем...*), в которой Россия, сравниваемая с другими акторами, представлена как сильное государство, оказывающее наибольшую помощь нуждающимся в ней. Обратим внимание и на использование риторических вопросов, которые ставят под сомнение убеждение многих, что РФ – агрессор, и конструируют ее как актора, способного поддерживать других.

В состав второй группы семантических компонентов входит компонент **руководство другими акторами:**

Наши коллеги с удовлетворением отметили, что в период российского председательства удалось реализовать задачи, поставленные главами государств на 2014 г. (Лавров, 22.12.2014)

Инферентное знание о том, что сила России заключается в умении руководить другими акторами, возможно благодаря использованию лексемы *председательство*, имеющей значение управления чьей-либо деятельностью. При помощи глагола совершенного вида в форме прошедшего времени (*удалось*) РФ репрезентируется как государство, выполнившее поставленные задачи, и российское руководство оценивается положительно (*с удовлетворением отметили*). Данный семантический компонент тесно связан с компонентом **контроль действий других акторов**, также выделенный нами в репрезентациях силы России. Приведем примеры:

В то же время очевидно, что Россия располагает всеми возможностями для консолидации своих позиций в качестве одного из центров новой многополярной системы, для активного воздействия на международную обстановку в интересах ее оздоровления, укрепления безопасности и стабильности, создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития страны, обеспечения устойчивого экономического роста, и тем самым – повышения качества жизни наших граждан. (Лавров, 19.11.2014)

В этой обстановке Россия стремилась способствовать укреплению международной и региональной стабильности, обеспечению устойчивости глобального управления. (Лавров, 21.01.2014)

В представленных примерах в роли вербальных маркеров силы выступают такие словосочетания, как *располагает всеми возможностями, в качестве одного из центров новой многополярной системы, для активного воздействия на международную обстановку, глобальное управление*, которые указывают на силу России как актора, обладающего способностью контролировать действия других акторов. Представляется также, что результаты деятельности агенса являются свидетельством этого контроля, управления деятельностью других. Таким образом, такие компоненты как **стабильность, устойчивость, созидание и обеспечение безопасности**, оказываются включенными в состав члена оппозиции «сила» и выражаются лексическими единицами с семантикой положительной оценки в комбинации с указанием на способность России усилить эти явления (*способствовать укреплению*). Данные семантические компоненты имеют положительную коннотацию, так как они выступают репрезентациями социально одобряемых действий. В связи с этим мы относим их к группе оценочных компонентов, придающих силе актора положительную аксиологическую направленность.

В следующих фрагментах выступлений российского министра можно отметить некоторую амбивалентность репрезентации силы России. С одной стороны, сила РФ конструируется как контроль действий других акторов, с другой стороны, сила РФ представлена как ненавязывание своей позиции другим.

Вероятно, это связано с проводимой внешнеполитической деятельностью, направленной на позиционирование себя как полноправного актора международных отношений, способного влиять на положение дел в мире в пределах действия норм международного права. Семантические компоненты **контроль действий других акторов** и **ненавязывание своей позиции другим** конструируются при помощи тактики отрицания, выраженной отрицательными конструкциями (*не навязываем свои интересы; Россия заниматься не хочет и не будет*) и наречием *нельзя* (*нельзя навязать*), обозначающим невозможность, запрет:

Мы ведь никому не навязываем свои интересы и готовы идти на уступки, потому что мы признаем законные интересы наших партнеров, которые не выходят за рамки международного права. (Лавров, 28.10.2014)

Нельзя навязать всей стране какую-то одну идеологию, когда их там несколько. (Лавров, 15.12.2014)

США рассчитывают, что на Украине будет сформировано правительство, которое обеспечивает политическое единство и экономическое процветание, поддержано МВФ и отвечающее надеждам украинского народа на европейское будущее. Если это подтверждение свободы выбора, то свобода украинского народа трактуется достаточно странно, потому что, по сути дела, ему навязывают выбор, чем Россия заниматься не хочет и не будет. (Лавров, 01.02.2014)

В последнем примере демонстрируется способность России навязать свой выбор силой, однако это не осуществляется актором сознательно. Таким образом, как ни парадоксально, сила актора конструируется и как сознательный отказ от применения силы. Положительная репрезентация России в представленном примере создается за счет дискурсивного конструирования отрицательного компонента силы США – вмешательства во внутренние дела Украины.

В контексте саморепрезентаций России нами также выделен семантический компонент **следование нормам международного права и их защита**:

Будем и впредь твердо отстаивать основополагающие нормы и принципы международного права, добиваясь уважения прав народов на равноправие и определение своего будущего без вмешательства извне. (Лавров, 11.04.2014)

Данный пример позволяет сделать инферентный вывод о том, что сила актора заключается в соблюдении и защите норм международного права. Выделенный семантический компонент реализуется при помощи переходного глагола *отстаивать*, объектом которого выступают нормы и принципы, и лексемы *твердо* с семантикой непоколебимости и устойчивости. Право становится объектом приложения силы РФ, которая дискурсивно конструируется как актор, способный благодаря своей силе защищать базовые принципы сосуществования.

В дискурсе официальных представителей российского внешнеполитического ведомства Россия репрезентируется как сторона, придерживающаяся мирного подхода к проблеме и участвующая в процессах сближения государств мира. Таким образом, можно отметить конструирование семантического компонента **миролюбие**, который мы относим к третьей группе семантических компонентов «силы», имеющих оценочные коннотации. Посмотрим на примеры:

Астанинский процесс, позволивший резко снизить насилие в стране, который, кстати, открыт для США, важный, если не сказать ключевой элемент обеспечения перехода к более мирному и спокойному движению вперед. (Рябков, 03.07.2017)

Наша страна на протяжении многих лет последовательно выступает за укрепление коллективных усилий в интересах поиска солидарных ответов на общие для всех государств вызовы. (Лавров, 11.04.2014)

Россия с самого начала «арабской весны» призывала не отдавать ее на откуп экстремистам, создать единый фронт противодействия растущей террористической угрозе. (Лавров, 27.09.2014)

Миролюбие выступает в качестве оценочного компонента, который придает силе России положительный аксиологический заряд, поскольку выражается при

помощи лексики с положительно-оценочной семантикой в комбинации с формой сравнительной степени прилагательных (*снизить насилие, более мирное и спокойное движение вперед*) и лексики с семантикой единения (*коллективные усилия, солидарные ответы, общие, единый фронт*). Таким образом, репрезентируемая сила имеет конструктивный и мирный характер.

Оценочные компоненты **честность** и **ответственность**, которые также приписывают силе России положительную аксиологическую нагрузку, эксплицитно выражены в следующих примерах при помощи прилагательных (*честный, партнерский, ответственные*):

Мы готовы продолжать диалог при понимании, что он должен быть честным, партнерским, без попыток выставить Россию как сторону конфликта, что сейчас пытаются сделать некоторые наши партнеры. (Лавров, 08.03.2014)

Мы – ответственные люди в отличие от многих, кто пытается нас толкать на этот путь ... (Лавров, 11.04.2014)

Во втором примере положительная оценка силы России создается на фоне отрицательной репрезентации другого актора, которая формируется при помощи сравнительной конструкции.

В следующих примерах можно выделить оценочный компонент **невраждебное поведение**:

Повторю еще раз, мы ни с кем конфронтации не ищем ... (Лавров, 03.04.2014)

Россия не хотела войны и стремилась удержать другие державы от рокового шага. Тогда, как и сегодня, наша страна выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами, мирное и бескровное решение конфликтов. (Лавров, 06.11.2014)

Данный семантический компонент, придающий силе актора положительный аксиологический заряд, вербализуется при помощи отрицательных синтаксических конструкций (*конфронтации не ищем, войны не хотела*), глаголов с семантикой активных действий в прошедшем времени (*стремилась удержать*,

выступала) в совокупности с положительно-оценочной лексикой (*крепкие и доверительные отношения, мирное и бескровное решение*).

Представим группы, выявленные семантические компоненты члена оппозиции «сила» и языковые средства их выражения в саморепрезентациях России в виде таблицы. Из таблицы 1 видно, что лишь некоторые семантические компоненты (группа 1) совпадают с семантическими компонентами лексической единицы «сила», в то время как остальные компоненты (группа 2) актуализируют семантику силы в контексте. Отдельную группу (группа 3) составляют оценочные компоненты, которые не добавляют принципиально новых смыслов к содержанию члена оппозиции, а придают ему положительную аксиологическую направленность. Компоненты данной группы идут в комбинации с компонентами первой и второй групп. Именно поэтому по совокупности все выделенные семантические компоненты несут положительный аксиологический заряд.

Таблица 1

Семантические компоненты «силы» в саморепрезентациях России

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	- активность; - моральная способность идти к цели; - большие размеры; - способность решать сложные проблемы.	- <u>лексические средства</u> : синонимы к лексеме «сильный», лексика с семантикой активных действий, каузативные глаголы, лексика с семантикой временной непрерывности; - <u>грамматические средства</u> : глаголы в форме прошедшего и настоящего времени в действительном залоге,

		<p>прилагательные в сравнительной и превосходной степени, в том числе <u>синтаксические средства</u>: отрицательные конструкции.</p>
<p>2. Подлежащие процессу инференции</p>	<ul style="list-style-type: none"> - наличие союзников; - ядерный потенциал; - энергетический потенциал; - способность к кооперации; - трудоспособность; - самостоятельность и обладание независимыми взглядами; - оказание помощи другим; - руководство другими акторами; - контроль действий других акторов; - ненавязывание своей позиции; - следование нормам международного права и их защита. 	<ul style="list-style-type: none"> - <u>лексические средства</u>: лексика с семантикой борьбы, противостояния, милитарная лексика, лексика с семантикой временной непрерывности, лексика с семантикой непоколебимости и устойчивости, лексика с семантикой управления, лексические повторы, лексика с семантикой запрета, политические штампы и клише; - <u>грамматические средства</u>: глаголы в форме прошедшего и настоящего времени в действительном залоге, прилагательные в сравнительной степени, глаголы совершенного вида, переходные глаголы, краткое страдательное причастие в форме прошедшего времени, отрицательные конструкции, сравнительные конструкции;

		- <u>стилистические средства</u> : риторические вопросы, эпитеты.
3. Оценочные	- стабильность и устойчивость; - созидание; - обеспечение безопасности; - миролюбие; - честность и ответственность; - невраждебное поведение.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой единения, лексика с семантикой положительной оценки; - <u>грамматические средства</u> : прилагательные в сравнительной степени, глаголы с семантикой активных действий в прошедшем времени, отрицательные конструкции.

2.2.2. «Сила» в саморепрезентациях США

В выступлениях официальных лиц американского внешнеполитического ведомства семантические компоненты силы, выявленные в контексте саморепрезентаций США, также разбиты на предложенные ранее группы. В первую группу нами были включены следующие компоненты: активность, способность решать сложные проблемы. Вторая группа состоит из таких компонентов, как наличие союзников, способность к кооперации, военный потенциал, энергетический потенциал, трудоспособность, оказание помощи другим, следование нормам международного права, экономический потенциал, научно-технический потенциал, лидерство и доминирование, оказание давления на других. Третья группа компонентов включает в себя: миролюбие, невраждебное поведение, обеспечение безопасности и процветания.

Семантический компонент **активность** конструируется в контексте саморепрезентации силы США:

The fact is we are doing more than almost any other country. We're doing an enormous amount. (Kerry, 02.03.2014(2)).

It's – I mean, you're seeing these tensions spread throughout the Maghreb and the Sahel, and we are doing everything possible. We've augmented our presence, we have increased our assistance, and we will continue to do so and to work with our friends – the French and others – in an effort to try to make a difference. (Kerry, 28.04.2014).

В приведенных примерах глагол *do* с семантикой активных действий в форме настоящего времени в действительном залоге, а также сравнительная конструкция *more than* используются с целью конструирования США как актора, сила которого заключается в обладании большой активностью, не свойственной другим политическим акторам. Кроме того, глаголы в перфектной форме (*we've augmented, have increased*) репрезентируют активную позицию государства по борьбе с терроризмом в африканских странах, а также указывают на завершенность, успешность действий. Репрезентация силы как обладание активностью и энергичностью усиливается за счет прилагательного *enormous*, который имеет семантику большого объема, количества. Семантический компонент активность соотносится со значением п.1 лексемы “strength” в словаре “Merriam-Webster’s Dictionary and Thesaurus”.

Нельзя не обратить внимание на конструирование также соотносимого со словарным значением компонента **способность решать сложные проблемы:**

... no other nation can give people the confidence to come together and confront some of the most difficult challenges in the same way as we are privileged to do. (Kerry, 08.04.2014)

Примечательным является то, что конструирование названного компонента в американском дискурсе осуществляется также при помощи прилагательного в превосходной степени (*the most difficult challenges*) и носит довольно транспарентный характер, поскольку репрезентируется в дискурсе эксплицитно через использование лексемы *ability*. С целью подчеркнуть силу актора как способность решать сложные проблемы госсекретарь использует отрицательную конструкцию (*no other nation can give people the confidence...*), которая указывает на результат деятельности актора – именно США дают уверенность народам

мира. Семантический компонент способность решать сложные проблемы соотносится со значением п.4 лексемы “strength”, представленном в словаре “The American Heritage Dictionary of the English Language”.

В саморепрезентациях силы США мы выделяем семантический компонент **наличие союзников**, который относится ко второй группе семантических компонентов члена оппозиции «сила», подлежащих процессу инференции:

So we find ourselves in a defining moment for our transatlantic alliance, and nobody should mistake that. And we are prepared to do what we need to do, and to go the distance, to uphold that alliance. Our strength will come from our unity. And the strength of our alliance always has come from our unity over the course of the 65 years. So together, we have to push back against those who want to try to change sovereign borders by force. (Kerry, 29.04.2014)

В приведенном примере конструирование компонента наличие союзников осуществляется благодаря эксплицитному маркеру силы – лексеме *strength*, используемой дважды, а также лексическим единицам с семантикой единения (*alliance, unity, together, partners, join*). Данные языковые средства способствуют извлечению вывода о том, что сила США состоит в сплочении с другими акторами, причем эта сила нередко заключается в объединении партнеров во главе с США для противодействия другим акторам.

В саморепрезентациях силы США можно выделить и семантический компонент **способность к кооперации**:

And that is why we have worked together with Germany very closely <...>. We are grateful for their strong leadership and their partnership, as I said, and we hope that Russia, with whom we do not seek conflict, with whom we would much rather be working together to deal with the problems of the world. (Kerry, 22.10.2014)

В представленном примере способность к кооперации как свидетельство силы актора конструируется при помощи лексики с семантикой единения (*together, partnership*), а также глагола в перфектной форме (*have worked*), который выражает продолжительность сотрудничества США и Германии. Отметим и использование конструкции *would rather*, обозначающей в данном

фрагменте речи американского дипломата предпочтение сотрудничать с актором-оппонентом Россией для решения сложных проблем (*to deal with the problems*).

США дискурсивно конструируются как государство, которое обладает огромными военными ресурсами. Так, в репрезентациях американской силы мы выделяем семантический компонент **военный потенциал**:

... the United States has augmented NATO's Baltic air policing mission with six additional F-16s. We've deployed 12 F-16s to Poland. We've kept the USS Truxtun in the Black Sea and more U.S. support is on the way. (Kerry, 01.04.2014).

Отметим в представленном примере многообразную милитарную лексику (*air policing mission, F-16 – наименование американского многофункционального истребителя, the USS Truxtun – наименование эскадренного миноносца США, air policing mission*), которая способствует извлечению следующего инферентного знания: США – мощный политический актер, сила которого заключается в огромном военном потенциале. Репрезентация описываемого могущества осуществляется также при помощи глаголов в перфектной форме (*has augmented, have deployed*), которые подчеркивают достижения актора в военной отрасли.

Силу США определяет также энергетический фактор. В следующем примере посредством использования терминов энергетической сферы (*gas producer, supply*) в выступлении госсекретаря США конструируется семантический компонент **энергетический потенциал**:

Our new capacities as a gas producer and the approval of seven export licenses is going to help supply gas to global markets, and we look forward to doing that starting in 2015. (Kerry, 02.04.2014)

Инферентный вывод о том, что сила государства – это обладание большим энергетическим потенциалом, возможен благодаря использованию лексемы *capacities* с семантикой способности. В данном примере при помощи отглагольного существительного (*a gas producer*) США представлены как агенс, способный осуществлять действие – в данном случае, производить газ. Кроме того, политический актер репрезентируется и как его экспортирующий (*supply*

gas). Таким образом, газ конструируется как часть государственных возможностей, потенциала актора, иными словами, его силы.

В репрезентациях силы США выделен семантический компонент **трудоспособность**, который выражается эксплицитно при помощи предиката *hard at work*:

I think it's fair to say that American entrepreneurship is hard at work trying to help change this equation. (Kerry, 02.04.2014).

Саморепрезентации силы США характеризуются наличием семантического компонента **оказание помощи другим**:

We're prepared to mediate, to help. We're prepared to provide economic assistance of a major sort. (Kerry, 02.03.2014(1))

Well, we're working very closely with our allies and with our partners and friends. We've been providing assistance. We've been providing direct lift aircraft, other things, to help people go in to take on the Boko Haram. We've been providing support directly to the government. (Kerry, 29.04.2014)

Инферентное знание о силе США как актора, помогающего другим, выводится через использование таких лексических единиц, как *to mediate, to help, assistance, support*. Репрезентация силы актора, заключающаяся в возможности оказать помощь, усиливается за счет употребления повтора, фигуры стилистического синтаксиса.

Семантический компонент **следование нормам международного права** можно выделить в следующем фрагменте речи американского дипломата:

But President Putin really needs to decide that he wants to respect the sovereign rights of the people of Ukraine to make that decision for themselves, and to work with us in a constructive way rather than to attack the norms of behavior and the standards which have guided us ever since World War II. (Kerry, 31.10.2014)

В представленном примере словосочетание *the standards which have guided us*, а также конструкция противопоставления (*rather than*) позволяют извлечь имплицитную информацию о том, что сила США заключается в следовании правовым принципам международного сотрудничества. При этом Россия,

напротив, дискурсивно конструируется как государство, всячески их игнорирующее и нарушающее.

Сила политического актора определяется и его **экономическим потенциалом**:

The marketplace that created the great wealth in our country in the 1990s which saw every single quintile of our income earners see their income go up, every quintile saw their income go up, and we created the greatest wealth the world has seen during the 1990s, greater even in America than the period of the Pierponts and the Morgans and the Rockefellers, Carnegies, Mellons, much greater. You know what it was? It was a \$1 trillion market with 1 billion users. It was the high-tech market, the personal computer mostly, communications. (Kerry, 01.02.2014).

В приведенном примере многократное повторение прилагательного *great* в различных степенях сравнения (*the great wealth, the greatest wealth, greater*) и приведение статистических данных (*It was a \$1 trillion market with 1 billion users*) позволяют сделать инферентный вывод о том, что сила США заключается в обладании большими экономическими возможностями. Нельзя не отметить в данном фрагменте и употребление технических терминов (*high-tech market, the personal computer, communications*), которые подчеркивают не только огромный экономический, но и научно-технический потенциал политического актора.

В репрезентациях силы США мы также выделяем семантический компонент **лидерство и доминирование**. Приведем пример:

U.S. presence and leadership does matter, and that's why our rebalance to the Asia Pacific has been supported and welcomed by people throughout the region. (Kerry, 08.04.2014)

Лидерство США на мировой арене конструируется эксплицитно благодаря использованию лексической единицы с семантикой управления *leadership*. Обратим внимание и на употребление эмфатической конструкции со вспомогательным глаголом *does*. На наш взгляд, с ее помощью говорящий настаивает на значимости лидерства США в мировой политике. Пассивные

конструкции *has been supported and welcomed* конструируют эту значимость как признанную другими акторами, что добавляет весомости силе США.

Отметим конструирование в дискурсе американских дипломатов такого семантического компонента силы, как **оказание давления на других**:

President Putin and Russia face a choice. If Russia chooses the path of de-escalation, the international community – all of us – will welcome it. If Russia does not, the world will make sure that the cost for Russia will only grow. (Kerry, 24.04.2014)

But if Russia does not choose to deescalate, if it is not willing to work directly with the Government of Ukraine, as we hope they will be, then our partners will have absolutely no choice but to join us to continue to expand upon steps we have taken in recent days in order to isolate Russia politically, diplomatically, and economically. (Kerry, 04.03.2014)

В приведенных примерах объектом давления США становится Россия. Придаточные условия фактически конструируют ситуацию, в которой РФ ставится перед выбором вариантов действий, навязываемых ей со стороны США. Сила и власть США конструируются при помощи тактики угрозы. Угрозы и ультиматумы выражаются госсекретарем как от лица союзников, так и от лица всего мира. Выделим также ряд наречий (*politically, diplomatically and economically*), которые дают возможность сделать вывод о силе актора как способности оказать давление на других всеми возможными методами.

В саморепрезентациях США мы выделяем семантический компонент **миролюбие**, относящийся к группе оценочных компонентов члена оппозиции «сила». Посмотрим на примеры:

It seems to me that if Russia were to step back and look at where its interests are, we ought to be able to work this out through the diplomatic process. (Kerry 02.03.2014(3))

I think everybody here today made it clear that the preference of NATO and the preference of all of us is to see a de-escalation, to find a diplomatic route in order to be able to work, hopefully, ultimately, together to strengthen the possibilities of Ukrainians making their own choices about Ukraine in the future. (Kerry, 01.04.2014)

The overall goal is to eventually bring peace and stability and try to grow some of the de-escalation zones, which we've had some progress with, certainly not enough, but we've seen a slowdown in terms of the some of the attacks taking place. (Nauert, 06.07.2017)

В данных примерах посредством лексики с семантикой положительной оценки (*diplomatic process, diplomatic route, peace, stability, de-escalation, de-escalation zones*) сила США дискурсивно конструируется как предрасположенность к мирному, дипломатическому решению внешнеполитических вопросов. Кроме того, сила заключена в процессе объединения с другими акторами (*all of us, together*) для оказания помощи нуждающимся в ней государствам. Обратим внимание и на использование глаголов в перфектной форме (*we've had some progress, we've seen a slowdown*), которые в совокупности с лексическими единицами показывают достигнутые актором результаты в процессе реализации мирного подхода к проблеме. Сила США конструируется как сила конструктивная и защитная, что предопределяет положительный аксиологический заряд саморепрезентаций.

Дипломатический подход к решению внешнеполитических проблем как демонстрация силы актора обнаруживается и в другом примере:

President Obama and I want to make it clear to Russia and to everybody in the world that we are not seeking confrontation. (Kerry, 04.03.2014)

В представленном примере дискурсивно конструируется семантический компонент **невраждебное поведение**, который реализуется посредством отрицательной синтаксической конструкции.

Также в состав третьей группы можно включить оценочный компонент **обеспечение безопасности и процветания собственного народа**:

Enduring prosperity and our common security require effective democratic institutions that respond to the needs of and deliver results for our populations. (Sullivan, 20.06.2017(2))

В американском дискурсе, в котором гарантом силы, устойчивости и безопасности признаются демократические институты, продвигаемые США по

всему миру, внешнеполитическая деятельность США получает положительный аксиологический статус за счет использования лексики с семантикой положительной оценки (*prosperity, security*).

Выделенные семантические компоненты члена оппозиции «сила» и языковые средства их выражения в саморепрезентациях США представлены в таблице 2. Нами выявлены два семантических компонента, которые соответствуют словарным значениям лексемы “strength” (группа 1). Остальные компоненты выражают силу США через толкование в контексте (группа 2). Оценочные компоненты (группа 3), реализующие семантику силы также в контексте, несут положительную аксиологическую нагрузку благодаря использованию лексики с положительно-оценочной семантикой.

Таблица 2

Семантические компоненты «силы» в саморепрезентациях США

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	- активность; - способность решать сложные проблемы.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой активных действий, лексика с семантикой большого объема, количества, лексика с семантикой способности; - <u>грамматические средства</u> : глаголы в форме настоящего времени в действительном залоге, глаголы в перфектной форме, прилагательные в превосходной степени,

		сравнительные конструкции, отрицательные конструкции.
2. Подлежащие процессу инференции	<ul style="list-style-type: none"> - наличие союзников; - способность к кооперации; - военный потенциал; - энергетический потенциал; - трудоспособность; - оказание помощи другим; - следование нормам международного права; - экономический потенциал; - научно-технический потенциал; - лидерство и доминирование; - оказание давления на других. 	<ul style="list-style-type: none"> - <u>лексические средства</u>: милитарная лексика, технические термины, лексика с семантикой единения, термины энергетической сферы, лексика с семантикой способности, лексика с семантикой управления, лексика с семантикой помощи; - <u>грамматические средства</u>: усилительные конструкции, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, глаголы в форме настоящего времени в страдательном залоге, глаголы в перфектной форме, синтаксические повторы, придаточные условия.
3. Оценочные	<ul style="list-style-type: none"> - миролюбие; - невраждебное поведение; - обеспечение безопасности и процветания. 	<ul style="list-style-type: none"> - <u>лексические средства</u>: лексика с семантикой единения, лексика с семантикой положительной оценки; - <u>грамматические средства</u>: глаголы в перфектной форме, отрицательные конструкции.

2.2.3. «Сила» в репрезентациях США в российском внешнеполитическом дискурсе

В выступлениях уполномоченных представителей российского внешнеполитического ведомства США конструируются как сильный внешнеполитический актер, продвигающий в мировом сообществе свои идеологические ценности. Выделенные семантические компоненты «силы» также объединены в предложенные нами группы. Первая группа семантических компонентов включает в себя: активность, влияние на других, насилие. Ко второй группе относятся такие компоненты, как военный потенциал, наличие пропагандистского аппарата, оказание давления на других, лидерство и доминирование, игнорирование норм международного права. В последней группе были выявлены компоненты: разрушения, жертвы.

Семантический компонент первой группы **активность**, который рассматривался нами в саморепрезентациях России и США, приобретает в контексте репрезентации актора отрицательно-оценочный характер:

В последнее время стало особенно очевидно, что сделан выбор в пользу активизации действий по «отбрасыванию» России – видимо, со стороны США более сознательно ... (Лавров, 04.06.2014)

На Украине назревали противоречия. Для нас очевидно, что они были активно использованы нашими западными партнерами в Евросоюзе и США для продвижения своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа... (Лавров, 06.05.2014)

Если наши западные партнеры активнейшим образом поддержали то, что произошло на Украине в феврале – по сути дела государственный переворот – и убеждают нас в том, что надо объединить усилия, то милости просим. (Лавров, 25.12.2014(2))

Данный семантический компонент конструируется посредством использования однокоренных лексических единиц *активизация* и *активно*, а также прилагательного в превосходной степени (*активнейшим образом*). Кроме того, субстантивные словосочетания и деепричастный оборот (*для продвижения*

своей повестки дня, своих односторонних целей, забывая об интересах всего украинского народа) выступают в качестве основных средств вербализации силы актора, которая заключается в проявлении свободы действий и нежелания считаться с другими политическими акторами. Репрезентация такой силы усиливается за счет использования наречия в сравнительной степени *более сознательно*. Отметим также, что активность как свидетельство силы США оценивается в дискурсе отрицательно (*поддержали государственный переворот*). Отрицательная оценка конструируется за счет применения лексемы *переворот*, имеющей отрицательно-оценочную коннотацию.

В репрезентациях силы США можно выделить семантический компонент **влияние**, который, как и предыдущий компонент, исходит из словарного значения лексемы «сила»:

В этом нас заверили наши американские партнеры, которые оказывают решающее влияние на нынешнее киевское руководство. (Лавров, 17.04.2014)

Провозгласив победу в «холодной войне» и наступление т.н. «конца истории», США и ЕС нацелились на расширение подконтрольного им геополитического пространства без учета баланса законных интересов всех народов Европы. (Лавров, 27.09.2014)

Репрезентация влияния актора как проявление его силы осуществляется эксплицитно при помощи лексемы *влияние* и усиливается за счет использования беспредложного глагольного словосочетания *оказывают решающее влияние* с семантикой важности и активных действий. Второй пример примечателен тем, что представленный семантический компонент репрезентируется при помощи возвратного глагола с приставкой *на-*, имеющей значение направленности действия, доведения действия до конца. Сильные западные государства серьезно намерены расширить зону своего влияния путем применения силы. Семантический компонент **влияние** соотносится со словарным значением п.5 лексемы «сила», приведенным в словаре С.И. Ожегова, и значением п.4, представленном в словаре Т.Ф. Ефремовой.

В контексте репрезентации силы США мы выделяем такой семантический компонент, как **насилие**:

Нанесены сильнейшие удары по устойчивости международной системы: натовские бомбардировки Югославии, вторжение в Ирак, нападение на Ливию, провал в Афганистане. Только благодаря интенсивным дипломатическим усилиям была предотвращена агрессия против Сирии в 2013 году. Невольно возникает ощущение, что целью различных «цветных революций» и прочих проектов смены неудобных режимов является провоцирование хаоса и нестабильности. (Лавров, 27.09.2014)

Выделенный семантический компонент актуализируется посредством словосочетания с прилагательным в превосходной степени (*сильнейшие удары*), а также предлогов *в, на, против*, которые в данном контексте приобретают значение направления физического воздействия. Нельзя не отметить и использование военной лексики (*бомбардировки, вторжение, нападение*) с семантикой агрессивных действий, а также лексики с семантикой беспорядка, которая несет в себе отрицательные коннотации (*провал, хаос, нестабильность*). Данный компонент «силы» соотносится со словарным значением п.1 лексемы силы, обнаруженном в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Репрезентация семантического компонента второй группы **военный потенциал** приобретает в следующем примере эксплицитное выражение при помощи словосочетания *военная сила*:

США в некоторых своих действиях проявляют прежнее стремление подыграть, в том числе военной силой, одной из сторон конфликта ... (Рябков, 03.07.2017)

Данное языковое средство позволяет сделать инферентный вывод о том, что сила актора-оппонента заключается в обладании большими военными ресурсами. Военный потенциал как свидетельство силы США конструируется также посредством лексемы с семантикой отрицательной оценки *подыграть*, и репрезентируемые действия актора оцениваются негативно.

В контексте репрезентации силы США мы также выделяем такой семантический компонент, как **наличие пропагандистского аппарата**. Данный компонент реализуется эксплицитно через использование словосочетания *пропагандистская мощь*:

Американская пропагандистская мощь все это время направлена на то, чтобы извратить картину происходящего на Украине оболгать Российскую Федерацию и убивать тех, кто протестует против незаконных действий властей, пытающихся запретить русский язык, назвать всех русских и русскоязычных врагами ... (Лавров, 25.04.2014)

В данном примере каузативные глаголы (*извратить, оболгать*) обозначают воздействие на актора с целью изменения его состояния. Представленные глаголы конструируют США как сильного политического актора, мощь которого проявляется в разворачивании информационной войны против России. Каузативный глагол *убивать* репрезентирует способность США использовать военную силу в отношении ряда государств. Глаголы *извратить, оболгать, убивать* обладают отрицательными коннотациями, в связи с чем семантика силы США приобретает отрицательный аксиологический статус.

В следующих фрагментах речи российского министра эксплицитно конструируется такой компонент силы США, как **оказание давления**:

... сразу после подписания Минского протокола была новая волна антироссийских санкций – точно так же, как с февраля весь ряд наших позитивных шагов не только не способствовал успокоению наших западных партнеров, а сопровождался очередными порциями санкционного давления. (Лавров, 25.12.2014(1))

Думаю, что все наши граждане прекрасно понимают, в какой период мы сейчас живём, и какие цели ставят перед собой те, кто выступают за наращивание давления на Российскую Федерацию. (Лавров, 25.12.2014(2))

Попытки расширения геополитического пространства наших западных партнеров, в том числе с использованием силовых методов, к сожалению, продолжают. (Лавров, 28.05.2014)

К сожалению, США и их союзники, судя по всему, не извлекли необходимых уроков из этих трагических событий и намерены продолжать практику «экспорта демократии», навязывания другим народам, в том числе с применением силовых методов, собственных рецептов преобразований. (Лавров, 18.11.2014)

Однако, помимо этих физических угроз, которые подвергают риску человеческие жизни, есть угроза геополитическая, связанная с очень лёгким отношением к международному праву, попытками действовать не на основе заложенных в Уставе ООН принципов коллективной безопасности, в центре которых стоит СБ ООН и закреплённые в его компетенции механизмы, а путём навязывания всем и вся своих односторонних взглядов ... (Лавров, 25.12.2014(2))

Данный семантический компонент выражается эксплицитно посредством рекуррентного использования лексемы *давление* и словосочетания *силовые методы*. Оказание давления, навязывание собственной позиции напрямую связаны с действиями против чьей-то воли, то есть с насилием. Инферентный вывод о силе как оказании давления на других возможен в том числе благодаря употреблению отглагольного существительного *наращивание* с семантикой увеличения, усиления и отглагольного существительного *навязывание* с семантикой принуждения.

Ко второй группе компонентов «силы» можно отнести и семантический компонент **доминирование и лидерство**:

... их беспокоит, в первую очередь, не судьба Украины, а желание доказать: как они решат, так и должно быть всегда и во всем. (Лавров, 01.05.2014)

То, что к ним [односторонним санкциям] прибегают наши американские коллеги, это давно известно. Они используют этот инструмент для того, чтобы утверждать свое доминирование, как они считают. <...> ... международное право для них, если говорить русской пословицей, «дышло», которое они используют исключительно в своих геополитических интересах. Это неправильно, контрпродуктивно, нерационально ... (Лавров, 21.03.2014).

Инферентный вывод о том, что сила заключается в возможности лидировать, превосходить, возможен благодаря формулированию цели актора, выраженной через придаточное цели (*для того, чтобы утверждать свое доминирование*) и обстоятельство образа действия (*исключительно в своих геополитических интересах*). Обратим внимание и на использование глагола в форме будущего времени (*как они решат*) и конструкции с модальным глаголом, выражающей семантику долженствования (*так и должно быть*), которые конструируют доминирование США как свидетельство их силы. В представленных примерах можно выделить семантический компонент **игнорирование норм международного права**, который входит в семантический состав члена оппозиции «сила» и выражается посредством аллюзии на поговорку «Закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло». Репрезентируемой в приведенных отрывках силе приписываются негативные качества, которые выражены синонимическим рядом наречий с отрицательно-оценочными коннотациями (*неправильно, контрпродуктивно, нерационально*).

В числе компонентов третьей группы были выделены семантические компоненты **разрушения и жертвы**. Признавая США сильным внешнеполитическим игроком, российские деятели приписывают американским действиям характер вмешательства и разрушения, что по умолчанию признается неприемлемым в международных отношениях, а значит, заслуживающим отрицательной оценки:

... военная акция США – это и попытка отвлечь внимание от ситуации в Мосуле, где в результате действий, в том числе американской коалиции, погибли сотни мирных жителей и нарастает гуманитарная катастрофа. (Захарова, 07.04.2017)

Сейчас у наших американских коллег проблемы с палестино-израильским урегулированием, где, к сожалению, все зашло в тупик, потому что мы реально искренне желали им успеха, и с Ливией, которую разбомбило НАТО. (Лавров, 23.05.2014)

Понимаем, что наши натовские коллеги, разбомбив эту страну в нарушение резолюции СБ ООН, не хотели бы «ворошить» созданный ими беспредел. (Лавров, 27.09.2014)

В представленных примерах выделенные семантические компоненты вербализуются при помощи лексики с семантикой разрушения (*катастрофа, беспредел, разбомбив*), которая несет в себе отрицательные коннотации. Обратим внимание и на глаголы совершенного вида в форме прошедшего времени (*погибли, разбомбило*), используемые для обозначения завершенных актов агрессии и насилия со стороны США.

Россия не упоминается в контексте репрезентации деструктивной силы США, поскольку Россия не конструируется дискурсивно как актор, подверженный силовому воздействию со стороны США. В связи с этим объектом применения силы США становится третья сторона, другие политические акторы. Тем не менее как сильный внешнеполитический игрок США пытаются повлиять на внутреннее положение дел в России, и это влияние дискурсивно конструируется в следующем примере при помощи субстантивных словосочетаний со значением каузальности *по созданию кризисной ситуации, стимулированию социального недовольства, провоцированию смены власти*:

Три года назад в прежней администрации Б. Обамы даже не старались скрыть свои намерения по созданию кризисной ситуации в российской экономике, стимулированию социального недовольства и провоцированию смены власти в России. (Захарова, 06.07.2017)

Выявленные семантические компоненты члена оппозиции «сила» и языковые средства их выражения в репрезентациях силы США в российском внешнеполитическом дискурсе представлены в таблице 3. Были выделены семантические компоненты, которые соответствуют словарным дефинициям лексемы «сила» (группа 1); другие компоненты обусловлены контекстуально (группа 2); третья группа компонентов несет отрицательную оценку, в результате чего все выделенные семантические компоненты приобретают отрицательный аксиологический заряд.

**Семантические компоненты «силы» в репрезентациях США в
русском внешнеполитическом дискурсе**

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	<ul style="list-style-type: none"> - активность; - влияние на других; - насилие. 	<p><u>-лексические средства:</u> однокоренные лексические единицы, лексика с семантикой активных действий, милитарная лексика, лексика с семантикой беспорядка, лексика с семантикой важности, лексика с семантикой агрессивных действий;</p> <p><u>- грамматические средства:</u> прилагательные и наречия в форме сравнительной и превосходной степени, субстантивные словосочетания, глагольные словосочетания, деепричастный оборот.</p>
2. Подлежащие процессу инференции	<ul style="list-style-type: none"> - военный потенциал; - наличие пропагандистского аппарата; - оказание давления на других; - лидерство и 	<p><u>- лексические средства:</u> каузативные глаголы, синонимические ряды, лексические повторы, отглагольные единицы с семантикой увеличения, усиления,</p>

	доминирование; - игнорирование норм международного права;	отглагольные единицы с семантикой принуждения; - <u>грамматические средства</u> : глагол в форме будущего времени; модальные глаголы со значением долженствования, придаточные цели; - <u>стилистические приемы</u> : аллюзия.
3. Оценочные	- разрушения, жертвы.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой разрушения, лексика с семантикой отрицательной оценки; - <u>грамматические средства</u> : глаголы совершенного вида в форме прошедшего времени, словосочетания со значением каузальности.

2.2.4. «Сила» в репрезентациях России в американском внешнеполитическом дискурсе

Первая группа семантических компонентов члена оппозиции «сила» содержит такие компоненты, как активность, влияние на других, насилие. Военный потенциал, игнорирование норм международного права, энергетический потенциал, оказание помощи другим – компоненты, выявленные нами в рамках второй группы. Разрушения и жертвы как семантические компоненты «силы» входят в третью группу.

Так, среди компонентов первой группы можно выделить семантический компонент **активность**, рассматриваемый нами выше в контексте репрезентации силы США в российском дискурсе:

And I believe Russia, in the Crimea and in Syria, is really engaging in activity that is completely contradictory to the standards that most of us are trying to operate by in the 21st century. (Kerry, 02.03.2014(2))

Russia is engaged with Assad in Syria. Russia is engaged in various places around the world through its diplomacy, trying to meet its interests. (Kerry, 26.02.2014)

Данный компонент выражается при помощи лексических единиц *activity, to engage in, to operate* с семантикой активных действий. Процессуальность этой вовлеченности подчеркивается через грамматическую форму – временную форму Present Progressive (*is engaging*). Кроме того, репрезентация активной позиции как свидетельства силы России усиливается за счет использования синтаксических повторов. При этом проводимая внешнеполитическая деятельность РФ трактуется американской стороной как противоречащая современным стандартам (*completely contradictory*).

В репрезентациях силы актора-оппонента мы выделяем и такой семантический компонент, как **влияние на других**:

They have a lot of influence with the Assad regime, and we have consistently called upon them to use their influence with the Assad regime to stop this kind of activity ... (Nauert, 27.06.2017)

And we'll have to – before we start making judgments about exactly where that accountability will fall, we've made it very, very clear that Russia has huge impact on all of those forces. (Kerry, 17.04.2014)

Сила как способность оказывать влияние на других акторов конструируется посредством лексического повтора слова *influence* в глагольных словосочетаниях *have a lot of influence* и *use their influence*. Обратим внимание и на лексическую единицу *impact* со значением влияния, воздействия. Репрезентация влияния актора усиливается за счет использования прилагательного *huge* и квантификатора (quantifier) *a lot of*. Данные языковые средства конструируют

Россию как влиятельного, авторитетного и могущественного актора. Семантический компонент влияние на других представляется соотносимым со значением “*the power and influence that someone or something has*” («власть и влияние, которыми обладает кто-то или что-то»), обнаруженным в еще одном американском лексикографическом источнике [Oxford Advanced American Dictionary, электронный ресурс].

РФ в выступлениях американских дипломатов репрезентируется как актер, который не только оказывает влияние на других, но и осуществляет агрессивные действия в отношении отдельных государств. Семантический компонент **насилие**, характерный для силы США в российском дискурсе, конструируется и репрезентациях силы России в американском дискурсе. Посмотрим на примеры:

And everything that we've seen in the last 48 hours from Russian provocateurs and agents operating in eastern Ukraine tells us that they've been sent there determined to create chaos. And that is absolutely unacceptable. These efforts are as ham-handed as they are transparent, frankly. And quite simply, what we see from Russia is an illegal and illegitimate effort to destabilize a sovereign state and create a contrived crisis with paid operatives across an international boundary engaged in this initiative. (Kerry, 08.04.2014).

... no one is fooled by what could potentially be a contrived pretext for military intervention just as we saw in Crimea. It is clear that Russian special forces and agents have been the catalyst behind the chaos of the last 24 hours. (Kerry, 08.04.2014).

We also call on Russia and its proxies in eastern Ukraine to end the violence around Mariupol and the Donetsk airport ... (Kerry, 05.11.2014)

Данный семантический компонент вербализуется, во-первых, эксплицитно при помощи лексемы *violence*, которая, согласно словарным толкованиям, имеет сему нанесения физического вреда, что в свою очередь предполагает применение силы. Кроме того, можно отметить использование военной лексики (*provocateurs, agents, operating, operatives, special forces*), посредством которой Россия репрезентируется как агрессивно настроенный актер, применяющий силу в отношении политически ослабленного государства. Проводимые ей на Украине

действия признаются нелегитимными и неприемлемыми (*an illegal and illegimate effort, absolutely unacceptable*), а их последствием представлен хаос и кризис на востоке Украины (*to create chaos, contrived crisis*). Сила РФ дискурсивно конструируется как сила деструктивная посредством лексики с семантикой отрицательной оценки (*chaos, ham-handed, destabilize*), в связи с чем репрезентации России приобретают отрицательный аксиологический статус. Отметим, что американские словари не содержат такого значения лексемы “strength”, из которого бы выводился семантический компонент насилие, однако, как мы обсуждали выше, такое значение содержится в русскоязычных словарях. Таким образом, мы полагаем, что данный компонент все-таки можно отнести к тем семантическим компонентам, которые выводятся из словарных дефиниций.

В репрезентациях силы России в американском дискурсе можно выделить такой семантический компонент силы РФ, как **военный потенциал**. Данный компонент относится ко второй группе семантических компонентов «силы» и вербализуется в основном при помощи многообразной военной лексики:

The world knows that peaceful protesters don't come armed with grenade launchers and automatic weapons, the latest issue from the Russian arsenal, hiding the insignias on their brand new matching military uniforms. (Kerry, 24.04.2014)

In fact, since the September 5th Minsk ceasefire agreement, Russia has funneled several hundred pieces of military equipment and material – including tanks, armored personnel carriers, and heavy artillery pieces – directly to pro-Russian separatists in Ukraine. (Kerry, 02.12.2014)

В представленных примерах использование военной лексики способствует конструированию России как государства, обладающего огромным военным потенциалом, что свидетельствует в свою очередь о силе политического актора. При этом данная сила представлена как сила деструктивная, поскольку направлена на причинение ущерба другому государству. РФ конструируется как агрессивно настроенный актер, разворачивающий активную военную деятельность и использующий свои военные ресурсы на территории Украины. Семантика силы усиливается посредством использования глагола в перфектной

форме (*has funneled*), обозначающей уже завершённые акты военного вмешательства России во внутренние дела Украины.

В репрезентациях силы России можно выделить семантический компонент **игнорирование норм международного права:**

But no one can stand by and watch while territorial sovereignty of a smaller nation is violated by a large and powerful nation and not uphold the international standards of law and of behavior that have been in place ever since World War II. (Kerry, 02.12.2014)

В представленном примере при помощи эпитетов *large* и *powerful* Россия репрезентируется эксплицитно как большое и сильное государство, совершающее акт агрессии по отношению к Украине (*sovereignty is violated*). Посредством отрицательной конструкции *no one can stand by and watch* дискурсивно конструируется существование на международной арене третьей стороны – стороны, выступающей против агрессии с российской стороны. Обратим внимание на использование в речи американского дипломата двойного отрицания (*no one can <...> not uphold the international standards of law and of behavior*), которое усиливает репрезентацию необходимости следования нормам международного права. При этом можно сделать инферентный вывод о том, что Россия, вмешиваясь во внутренние дела другого государства, эти нормы нарушает. Таким образом, репрезентации силы РФ оцениваются отрицательно.

Семантический компонент **энергетический потенциал** конструируется в следующем примере:

Two, if we want a Europe that is both whole and free, then we have to do more together immediately, with a sense of urgency, to ensure that European nations are not dependent on Russia for the majority of their energy. (Kerry, 29.04.2014)

Приведенный фрагмент речи госсекретаря США позволяет прийти к выводу, что сила России состоит в обладании огромными энергетическими ресурсами, поскольку все европейские государства являются зависимыми от России в области энергетики. При помощи придаточного условия эта зависимость

оценивается отрицательно, поскольку препятствует целостности и свободам народов Европы.

Семантика силы России актуализируется и при помощи семантического компонента **оказание помощи другим**:

Russia needs to be a part of the solution and not be contributing so many more weapons and so much more aid that they're, in fact, enabling Assad to double down, which is creating an enormous problem. (Kerry, 17.02.2014)

Вывод о том, что оказание помощи является проявлением силы актора, возможен благодаря употреблению таких лексических единиц, как *contributing, aid, enabling*. Кроме того, семантика силы усиливается за счет использования усилительных наречий *many* и *much*. Однако оказываемая Россией помощь оценивается отрицательно посредством указания на результат – огромную проблему (*which is creating an enormous problem*).

Разрушения и жертвы как семантические компоненты «силы» входят в группу оценочных компонентов. Приведем пример:

Russia came in, helped bolster up Syrian forces, and we have seen the death, the devastation, the destruction that has taken place ever since. (Nauert, 27.06.2017)

Проводимая РФ политика и ее последствия репрезентируется как деструктивные, разрушительные, дестабилизирующие обстановку посредством синонимического ряда лексических единиц с семантикой разрушения и смерти (*death, devastation, destruction*), которая по умолчанию несет отрицательные коннотации, и сила актора получает отрицательный аксиологический статус.

Семантические компоненты члена оппозиции «сила» и языковые средства их выражения в репрезентациях силы России в американском внешнеполитическом дискурсе представлены в таблице 4. Как видно из таблицы, большая часть семантических компонентов (2 и 3 группы) актуализируют семантику силы в контексте. Нами выявлено лишь три семантических компонента (1 группа), выводимых из словарных дефиниций лексемы “strength”. Отметим также, что представленные средства языка придают силе России отрицательный аксиологический заряд.

**Семантические компоненты «силы» в репрезентациях России
в американском внешнеполитическом дискурсе**

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	<ul style="list-style-type: none"> - активность; - влияние на других; - насилие. 	<p><u>-лексические средства:</u> лексика с семантикой активных действий, военная лексика, лексика с семантикой влияния, воздействия, лексика с семантикой нанесения физического вреда, лексические повторы;</p> <p><u>-грамматические средства:</u> временная форма Present Progressive, глагольные словосочетания, синтаксические повторы.</p>
2. Подлежащие процессу инференции	<ul style="list-style-type: none"> - военный потенциал; - игнорирование норм международного права; - энергетический потенциал; - оказание помощи; 	<p><u>- лексические средства:</u> военная лексика, лексика с семантикой беспорядка, лексика с семантикой помощи;</p> <p><u>- грамматические средства:</u> усилительные наречия (intensifiers), глаголы в перфектной форме, двойное отрицание, отрицательные конструкции, субстантивные словосочетания,</p>

		придаточные условия. - <u>стилистические средства</u> : эпитеты.
3. Оценочные	- разрушения, жертвы.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой разрушения и смерти; лексика с семантикой отрицательной оценки.

2.3. Семантические компоненты «слабости» и языковые средства их выражения

В отличие от силы слабость менее эксплицитна во внешнеполитическом дискурсе. Тем не менее представляется возможным выделить отдельные семантические компоненты в её составе. Выявленные компоненты мы также делим на группы: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты.

Как отмечалось выше, лексическая единица «слабость» трактуется как отсутствие, недостаток силы и все ее дефиниции, представленные в словарях, сводимы к этому значению. Представляется, что взаимообуславливающий характер отношений между членами оппозиции «сила» и «слабость» наблюдается и в дискурсе. В связи с этим семантические компоненты «слабости» мы рассматриваем с точки зрения отсутствия во внешнеполитических дискурсивных практиках соответствующих семантических компонентов «силы».

2.3.1. «Слабость» в саморепрезентациях внешнеполитических акторов

Слабость не является характерной для саморепрезентаций политических акторов. Сразу отметим, что нами не обнаружены контексты, конструирующие семантику слабости США. В контексте саморепрезентаций России член

оппозиции «слабость» актуализируется только в утверждениях о необходимости сотрудничества между политическими акторами. Так, в следующих примерах акторы репрезентируются как неспособные независимо друг от друга решить проблему борьбы с терроризмом, тогда как союз делает их сильными:

Подчеркивая безальтернативность коллективных действий, чтобы эти первые ростки дали всходы и чтобы на всех этих направлениях мы добились окончательных результатов, хотел бы отреагировать на заданный мне вопрос: «Что может сделать Россия для решения сирийского кризиса?». Одна Россия ничего сделать не может. (Лавров, 01.02.2014)

Россия одна ничего сделать не сможет. Мы слышим, что Россия должна обеспечить гуманитарный доступ и доставку химического оружия день в день и час в час, куда прикажут, сделать так, чтобы ушел Президент Б.Асад и растворился в небытие. Я не утрирую, так к нам и обращаются. Но в одиночку ничего сделать мы не сможем, достичь результат можно только вместе. (Лавров, 01.02.2014)

Так что в одиночку ни Россия, ни США, ни кто-либо другой ничего сделать не смогут, а вместе у нас получается. (Лавров 01.02.2014)

В таких контекстах **неспособность проявить силу** является основным семантическим компонентом, который выражен эксплицитно предикатами *ничего сделать не может*, *ничего сделать не сможет*, *ничего сделать не смогут*, построенными на использовании отрицательной формы глагола *мочь*. В представленных примерах слабость не имеет выраженной оценочности, однако недостаток сил, могущества, неспособность выполнить какую-то задачу обычно оценивается отрицательно. Иными словами, отрицательная оценка слабости заложена в имплицатуре. Представленный семантический компонент мы относим к первой группе компонентов «слабости», поскольку, на наш взгляд, он соотносится со словарным значением п.2(4а) лексемы «слабость», приведенном в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Добавим, что в последних двух примерах конструируется оппозиция между слабостью и силой посредством синтаксических конструкций

противопоставления (*в одиночку ничего сделать мы не сможем, достичь результат можно только вместе; в одиночку сделать не смогут, а вместе получается*). Важно, что противопоставление конструируется между ситуациями, в которых акторы находятся в разных отношениях друг с другом, что определяет и качества каждого индивидуального актора: порознь – слабость, вместе – сила. Таким образом, сила и слабость вступают в семантическую оппозицию.

Таким образом, американский материал не характеризуется конструированием слабости как качества, приписываемого США. В российском материале нами выявлены единичные случаи актуализации данного члена оппозиции. Речь идет о таких контекстах, в которых указывается на необходимость кооперации между политическими акторами для решения совместных проблем и обращения к вызовам современной внешнеполитической ситуации.

2.3.2. «Слабость» в репрезентациях США и других акторов в российском внешнеполитическом дискурсе

В российском внешнеполитическом дискурсе слабость конструируется как свойство, приписываемое в первую очередь актору-оппоненту. Эксплицитные формы выражения слабости достаточно редки, но такие примеры есть в нашем материале. Так, в репрезентациях слабости США в российском дискурсе можно выделить семантический компонент **недостаток политической воли**:

Россией пугают во время американской предвыборной кампании с чётко поставленными определёнными целями. К сожалению, это показатель абсолютного бессилия, беспомощности, а может быть, даже тупика новых электоральных идей. (Захарова, 07.09.2017).

В представленном комментарии об обвинении России во вмешательстве в американскую предвыборную кампанию США данный семантический компонент конструируется эксплицитно антонимами к лексеме «сила», образованными при помощи приставки *бес-* (*бессилие* и *беспомощность*). При этом США репрезентируются как актор, вынужденный по причине своей беспомощности и

слабости прибегать к грязным методам внешнеполитической борьбы. Отметим, что названный семантический компонент относится к первой группе, поскольку его можно соотнести со значением п.2 (2) лексемы «слабость», обнаруженным в словаре Т.Ф. Ефремовой.

Слабость США конструируется и в контексте их взаимодействия с другими акторами, в частности, при оказании помощи. В следующем примере семантический компонент недостаток политической воли выражается при помощи фразеологизма *зашло в тупик*:

Сейчас у наших американских коллег проблемы с палестино-израильским урегулированием, где, к сожалению, все зашло в тупик ... (Лавров, 23.05.2014)

Слабость может выступать как характеристика третьего актора, связанного с Россией опосредованно. Это государство, которое репрезентируется в дискурсе как получающее поддержку и помощь сильной России. В качестве такого актора нередко выступает Украина:

Сегодня жертвой такой политики стала Украина (Лавров, 27.09.2014)

Люди, которые хотят спастись на российской территории от ужаса, в который погружен Юго-Восток Украины, получают у нас пристанище. (Лавров, 10.06.2014)

В приведенных фрагментах мы выделяем семантический компонент **недостаточная твердость и устойчивость**, выводимый из словарного значения п.3 лексемы «слабость», приведенном в словаре С.И. Ожегова. Названный компонент вербализуется при помощи лексики с семантикой неустойчивости (*жертва*) и лексики с семантикой эмоционально-отрицательной оценки (*ужас*). Обращает на себя внимание и предикат *хотят спастись*, обозначающий то состояние нестабильности и неустойчивости, в котором находится Украина в данный момент. При этом Россия репрезентируется актор, способный принять на своей территории нуждающихся и обеспечить их безопасность. На фоне слабости другого актора Россия конструируется через оппозицию – как сильный актор. Конструирование семантического компонента недостаточная твердость и устойчивость происходит и в других контекстах, где слабым

внешнеполитическим актором предстает Сирия, в которой продолжаются кровопролитные бои с террористическими группировками:

В свою очередь считаем, что в настоящее время необходимо приложить усилия для поддержания пока еще хрупких процессов стабилизации военно-политической обстановки на сирийской земле, создать условия для восстановления там мира, уничтожить террористическую угрозу, исходящую от ИГИЛ, «Хейят Тахрир аш-Шам» и подобных им группировок. (Захарова, 14.07.2017)

В данном примере эксплицитное конструирование семантического компонента недостаточная твердость и устойчивость достигается при помощи прилагательного *хрупкие* с семантикой неустойчивости, слабости. Сирия репрезентируется как актер, нуждающийся в помощи сильной России, политика которой направлена на скорейшее урегулирование сирийского вопроса. Таким образом, сила России в этом примере конструируется за счет оппозиции – «сильная Россия vs слабая Сирия».

Нередко глава российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавров характеризует политического оппонента, обозначенного номинацией Запад, как актора ослабевающего, теряющего свое лидерство:

Сказалось и желание западных элит показать, что отмечавшаяся весь последний период тенденция снижения относительного веса Запада в глобальном балансе сил не является необратимой. (Лавров, 04.06.2014)

Семантический компонент **потеря лидерства** не получает прямой номинации, а конструируется посредством метафоры *снижение веса*, обозначающей уменьшение, ослабление, перед указанием на силу (*баланс сил*). Сила и слабость образуют пару взаимосвязанных семантических компонентов, и указание на снижение силы предполагает слабость. Отметим, что данный компонент относится ко второй группе компонентов, подлежащих процессу инференции, и рассматривается нами с точки зрения отсутствия семантического компонента члена оппозиции «сила» **лидерство и превосходство**, обсуждаемого

нами в контексте репрезентаций силы США в американском и в российском дискурсе.

Имплицитным способом конструирования компонента «потеря лидерства» представляются также рекуррентные ссылки на изменение мирового порядка и усиливающуюся многополярность мира. В речи С.В. Лаврова мы отметили два слова, которые можно назвать ключевыми: *полицентричный* и *многополярность*. Их упоминания встречаются почти в каждом его выступлении:

Мы наблюдаем процесс формирования новой полицентричной международной системы. (Лавров, 21.01.2014)

В значительной степени эти процессы связаны с продолжающимся формированием нового полицентричного мироустройства. (Лавров, 03.03.2014)

В последнее время все отчетливее проявляется противоречие между объективно укрепляющейся многополярностью и стремлением США и исторического Запада сохранить свои привычные доминирующие позиции <...> (Лавров, 04.06.2014)

В последнем из приведенных примеров возможно сделать инферентный вывод об оппозиции между доминирующими сильными США в прошлом и современной укрепляющейся многополярностью, предполагающей потерю Америкой части превосходства и, как следствие, ослабление актора.

Использование лексем *полицентричный* и *многополярный* в предлагаемых выше контекстах подразумевает изменения в распределении сил среди политических акторов: усиление одних и ослабление других. При этом актором, набирающим силу, всегда имплицитно репрезентируется Россия. Очевидно, что в следующем примере утверждение о стремлении «изолировать кого-то из ведущих игроков» касается России и санкций против неё. Высказывание конструирует оппозицию, приписывая слабость США (*не могут дать результата*), а силу – другим политическим акторам (*несколько самостоятельных центров силы, кого-то из ведущих игроков*):

В современном мире, где действуют несколько самостоятельных центров силы, попытки изолировать кого-то из ведущих игроков или навязывать свои

односторонние рецепты с позиций некой «исключительности» США не могут дать результата. (Лавров, 09.12.2014)

В контексте репрезентаций США мы выделяем семантический компонент второй группы **отсутствие экономического потенциала**, который противопоставляется соответствующему компоненту члена оппозиции «сила» **экономический потенциал**. Компонент отсутствие экономического потенциала актуализируется в контексте провала и неудачи западных экономических санкций против России. Приведем примеры:

Надеемся, что наши западные партнеры начнут постепенно признавать бесперспективность санкционного давления и все-таки станут с нами взаимодействовать, как я уже говорил, по-честному, по-партнерски. (Лавров, 21.03.2014)

Люди явно заняты выискиванием хоть какого-то повода, чтобы продолжить оказывать на нас давление. Во-первых, все эти поводы выглядят смехотворно и ничтожно. Во-вторых, никогда еще попытки оказывать давление на Россию не приносили результата. (Лавров, 27.05.2014)

Как и вы, мы отвергаем санкции в любых проявлениях, в том числе санкции, объявленные США и ЕС, вопреки здравому смыслу, в связи с происходящим на Украине. Попытки обвинять в собственных грехах кого-то еще – удел слабых политиков или тех, кто понимают, что их геополитические амбиции провалились, и пытаются сорвать зло на ком-то еще. (Лавров, 29.04.2014)

Данный семантический компонент выражается в представленных примерах посредством ряда языковых средств, которые прямо указывают на провал и неудачу западных экономических санкций, выступающих средством политического манипулирования. Отметим лексему *бесперспективность* с семантикой отрицательной оценки и отрицательную конструкцию *не приносили результата*, которые позволяют сделать вывод, что американская внешнеполитическая деятельность, ориентированная на наложение санкций на других, является неэффективной, безрезультативной, то есть слабой. Предикат *удел слабых политиков* эксплицитно выражает слабость западных государств,

которая заключается в попытках переложить ответственность на другого актора, в данном случае на Россию (*обвинять в собственных грехах, сорвать зло*). Отсутствие конструктивного подхода как проявление слабости выражается посредством глагола *провалились* с семантикой неудачи, неуспеха. Обратим внимание на использование лексем *смехотворно и ничтожно*, выражающих несерьезность, крайнюю незначительность и обладающих эмоционально-оценочными коннотациями. Бессмысленность и иррациональность осуществляемых действий со стороны США подчеркивается словосочетанием *вопреки здравому смыслу*. Добавим, что в первом примере можно выделить оценочный компонент **нечестность и несправедливость**, который противопоставляется соответствующему компоненту члена оппозиции «сила» **честность и справедливость**. Посмотрим на другие примеры:

Наши американские коллеги говорят о том, что они применяют санкции, для того чтобы побудить Россию теснее сотрудничать по многим международным проблемам. Это достаточно нечистоплотный подход, потому что сотрудничать нужно честно. (Лавров, 21.03.2014)

В течение многих лет наши партнеры в Брюсселе отказывались завершать работу над новым базовым соглашением, требуя, чтобы мы взяли на себя дополнительные односторонние уступки по сравнению с пакетом, который был согласован между Россией и Евросоюзом при вступлении нашей страны в ВТО. По большому счету это не только неконструктивно, но и нечестно. (Лавров, 09.06.2014)

Нельзя постоянно пытаться извращать ситуацию и представлять ее таким образом, будто на Украине все спокойно, и только Россия пытается там «заваривать кашу». Это нечестно и очень разрушительно в перспективе для судеб украинского народа. (Лавров, 28.06.2014)

В представленных примерах семантический компонент нечестность и несправедливость выражается эксплицитно посредством лексем *нечестно, нечистоплотный*, которые имеют помимо основного значения и семантику отрицательной оценки. Кроме того, в данных контекстах можно выделить

компонент **отсутствие созидания**, который противопоставляется семантическому компоненту члена оппозиции «сила» **созидание**. Он реализуется эксплицитно при помощи лексемы *неконструктивно* и ее синонима *разрушительно*, которые обладают отрицательными коннотациями.

Выявленные семантические компоненты члена оппозиции «слабость» и языковые средства их выражения в репрезентациях США и других политических акторов представлены в таблице 5. Было выделено два семантических компонента, которые соответствуют словарным дефинициям лексемы «слабость» (группа 1), два компонента, которые подлежат процессу инференции (группа 2), и два оценочных компонента (группа 3). Как видно из проведенного анализа, слабость не характеризуется яркой выраженностью в российском внешнеполитическом дискурсе.

Таблица 5

Семантические компоненты «слабости» в репрезентациях США и других политических акторов в российском внешнеполитическом дискурсе

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	- недостаток политической воли; - недостаточная твердость и устойчивость.	- <u>лексические средства</u> : антонимы к лексеме «сила», лексика с семантикой неустойчивости, нестабильности, фразеологизмы.
2. Подлежащие процессу инференции	- потеря лидерства; - отсутствие экономического потенциала.	- <u>лексические средства</u> : лексические повторы, лексика с семантикой неудачи, провала, лексика с семантикой незначительности;

		- <u>грамматические средства</u> : отрицательные конструкции; - <u>стилистические средства</u> : метафоры.
3. Оценочные	- нечестность и несправедливость; - отсутствие созидания.	- <u>лексические средства</u> : синонимы, лексика с семантикой отрицательной оценки, лексика с эмоционально- оценочными коннотациями.

2.3.3. «Слабость» в репрезентациях России и других акторов в американском внешнеполитическом дискурсе

В американском дискурсе слабость конструируется как характеристика актора-оппонента или как характеристика третьего актора. Член оппозиции «слабость» также редко выражается эксплицитно, однако такие примеры есть:

Russia chose this brazen act of aggression and moved in with its forces on a completely trumped up set of pretext, claiming that people were threatened. And the fact is that that's not the act of somebody who is strong. That's the act of somebody who is acting out of weakness and out of a certain kind of desperation. (Kerry, 02.03.2014(1))

Let me make it clear: President Putin is not operating from a place of strength here. (Kerry, 02.03.2014(2))

In the hearts of Ukrainians and the eyes of the world, there is nothing strong about what Russia is doing. (Kerry, 04.03.2014)

В приведенных фрагментах мы выделяем семантический компонент «слабости» **применение военной силы**, который мы относим ко второй группе компонентов, подлежащих процессу инференции. Как ни парадоксально, оказание силового давления со стороны России конструируется как проявление ее слабости, неспособности действовать другими методами. Данный инферентный

вывод возможен благодаря использованию эксплицитного маркера – лексемы *weakness*, а также отрицательных синтаксических конструкций (*not the act of somebody who is strong, not operating from a place of strength, not a position of strength*). Агрессия РФ репрезентируется в дискурсе госсекретаря США как поступок, совершенный от безысходности (*out of a certain kind of desperation*).

Американский материал содержит и другие компоненты актуализации слабости в контексте репрезентации России. Так, в следующих примерах конструируется семантический компонент **отсутствие экономического потенциала**:

As investors' confidence dwindles, some \$70 billion in capital has fled the Russian financial system in the first quarter of 2014, more than all of last year. Growth estimates for 2014 have been revised downward by two to three percentage points. And this follows a year in which GDP growth was already the lowest since 2009. Meanwhile, the Russian Central Bank has had to spend more than \$20 billion to defend the ruble, eroding Russia's buffers against external shocks. (Kerry, 24.04.2014)

The ruble is at the lowest level it's been since – against the euro since the euro was introduced in 1999. They've spent billions of dollars trying to support the ruble. Oil is down, hovering in the low 80s, somewhere in that vicinity. That has a profound impact on the Russian budget and the Russian economy. Their GDP is going backwards, not forwards growth. And so they have some serious challenges. (Kerry, 31.10.2014)

В репрезентации слабости РФ задействован ряд глаголов в различных временных формах Present (*dwindles, has fled, have been revised downward, is going backwards*), которые выражают как уже завершённые, так и продолжающиеся действия, характеризующие бедственное положение экономики актора. Инферентный вывод о тяжёлом экономическом состоянии России возможен также благодаря использованию прилагательного low в превосходной степени (*the lowest*) и фразового глагола (*to be down*) с семантикой уменьшения, ослабления. Слабость РФ подчеркивается и необходимостью защиты актора, актуализируемой при помощи инфинитивных конструкций цели (*to defend the ruble, to support the*

ruble) в совокупности с причастным оборотом с семантикой разрушения (*eroding against external shocks*).

Слабость как характеристика третьих акторов конструируется в следующем примере, в котором в позиции слабой политической стороны оказывается Венесуэла:

Our ultimate goal is the restoration of the rule of law and political expression, civil rights for the people of Venezuela. That's the United States – that's the United States goal in its urging the – our fellow members of the OAS to vote for this resolution as a step that we as an organization can take to facilitate a resolution of this crisis in Venezuela. (Sullivan, 20.06.2017(1))

The United States remains committed to working with OAS member-states to face what is a great challenge: helping the people of Venezuela find a peaceful, democratic, and lasting solution to that country's current crisis. <...> We've all been alarmed by the dramatic deterioration of democratic norms in Venezuela, as well as the attendant violence in which many people have died. As neighbors and fellow citizens of the Americas, we can no longer stand by and watch this suffering, nor can we ignore the denial of basic freedoms like freedom of assembly, freedom of expression and political participation. (Sullivan, 20.06.2017(2))

В представленном отрывке можно выделить семантический компонент **недостаточная твердость и устойчивость**, который выводится из значения п.1 лексемы “weak” в словаре “Merriam-Webster’s Dictionary and Thesaurus”. Данный компонент конструируется в дискурсе посредством лексики, обозначающей шаткое, неустойчивое положение дел (*crisis, dramatic deterioration, violence, died, suffering, denial of basic freedoms*). Кроме того, слабость Венесуэлы конструируется имплицитно посредством указания на предоставляемую помощь со стороны США. Обратим внимание на использование лексических единиц *urging, facilitate, helping* с семантикой активных действий по урегулированию политической ситуации в стране, а также отрицательной конструкции (*can no longer stand by and watch, nor can we ignore*), выражающей стремление США, несущих свои демократические ценности в другое государство, оказать помощь

ослабленному политическому актору. Репрезентация слабости третьего актора не является целью американских дипломатов, их основная цель состоит в репрезентации силы США. Однако в ее контексте осуществляется конструирование слабого актора (в данном случае, Венесуэлы), и, как результат, происходит актуализация семантической оппозиции «сила vs слабость».

Среди оценочных компонентов «слабости» можно выделить компонент **нечестность**, который вербализуется эксплицитно при помощи лексемы *falsehoods* с семантикой отрицательной оценки:

The contrast really could not be clearer: determined Ukrainians demonstrating strength through unity and a Russian Government out of excuses, hiding its hand behind falsehoods, intimidation, and provocations. (Kerry, 04.03.2014)

В приведенном примере можно наблюдать конструирование оппозиции между «силой» и «слабостью». Так, оппозиция актуализируется посредством риторического приема антитезы. Украина и Россия репрезентируются как акторы, находящиеся в различных ситуациях и обладающие соответствующими качествами: объединение и решительность – сила, приписываемая Украине, а ложь, запугивание и провокации – слабость, приписываемая РФ.

Выявленные семантические компоненты члена оппозиции «слабость» и языковые средства их выражения в репрезентациях России и других политических акторов представлены в таблице 6. Был выделен один семантический компонент, который соответствует словарной дефиниции лексемы «weakness» (группа 1), два компонента, которые подлежат процессу инференции (группа 2), и один оценочный компонент (группа 3). Слабость является имплицитным членом оппозиции «сила vs слабость» в американском дискурсе.

**Семантические компоненты «слабости» в репрезентациях России
и других политических акторов в американском внешнеполитическом
дискурсе**

Группы	Семантические компоненты	Языковые средства реализации семантических компонентов
1. Выводимые из словарных значений	- недостаточная твердость и устойчивость.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой неустойчивости, нестабильности.
2. Подлежащие процессу инференции	- применение военной силы; - отсутствие экономического потенциала.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой уменьшения, ослабления, в том числе фразовые глаголы; - <u>грамматические средства</u> : глаголы в различных временных формах Present, прилагательное в превосходной степени, отрицательные конструкции, инфинитивные конструкции со значением цели, причастный оборот.
3. Оценочные	- нечестность.	- <u>лексические средства</u> : лексика с семантикой отрицательной оценки.

2.4. Выводы по главе 2

Взаимодействуя, российский и американский внешнеполитические дискурсы образуют единый дискурсивный контекст, частью которого является

семантическая оппозиция «сила vs слабость». Изучение членов семантической оппозиции «сила vs слабость» на уровне дискурсивных практик с применением семантико-прагматического подхода показало, что смыслы, конструируемые в рамках исследуемой оппозиции, не сводимы к значениям лексических единиц, имеющих семантику силы и слабости. Семантические компоненты «силы» и «слабости» актуализируются совокупностью лексических и грамматических средств. Именно эта совокупность и конструирует члена оппозиции в целом и способствует его реализации в контексте.

Сила как характеристика политических акторов является востребованной во внешнеполитическом дискурсе. Востребованность и частое обращение к этому члену семантической оппозиции в дискурсе обуславливают его сложный компонентный состав, возможность выделить следующие группы семантических компонентов, которые актуализируются в разных контекстах и прагматических ситуациях: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты.

На основе анализа саморепрезентаций России и США базовыми компонентами члена оппозиции «сила» можно назвать такие компоненты, как **активность, военный (ядерный) потенциал, способность решать сложные проблемы, наличие союзников, энергетический потенциал, трудоспособность, способность к кооперации, оказание помощи другим, следование нормам международного права, миролюбие, невраждебное поведение, обеспечение безопасности и процветания.** Несколько менее востребованными компонентами в составе «силы» в саморепрезентациях являются **моральная способность идти к цели, большие размеры, самостоятельность и обладание независимыми взглядами, руководство другими акторами, честность и ответственность, экономический потенциал, научно-технический потенциал, лидерство и доминирование, оказание давления на других.** Языковые средства, актуализирующие вышеназванные компоненты, включают как лексические, так и грамматические средства: лексику

с семантикой активных действий, лексику с семантикой единения, лексику с семантикой положительной оценки, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, отрицательные конструкции и т.д. Данные языковые средства придают силе России и силе США положительную аксиологическую направленность.

В репрезентациях актора-оппонента в российском и американском дискурсе к основным компонентам члена оппозиции «сила» можно отнести **активность, насилие, влияние на других, военный потенциал, игнорирование норм международного права, разрушения и жертвы. Наличие пропагандистского аппарата, оказание давления на других, лидерство и доминирование, энергетический потенциал и оказание помощи** – семантические компоненты в составе «силы», приобретающие меньшую популярность в репрезентациях актора-оппонента. Языковые средства, выражающие выделенные семантические компоненты, включают милитарную лексику, лексику с семантикой активных действий, лексику с семантикой разрушения, лексику с семантикой беспорядка, лексику с семантикой отрицательной оценки и т.д. Представленные языковые средства придают силе актора-оппонента отрицательный аксиологический заряд.

Анализ члена оппозиции «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе позволяет сделать вывод, что слабость является менее эксплицитной, чем сила. Однако мы выявили отдельные компоненты, которые мы также классифицируем на группы: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты.

При исследовании саморепрезентаций США нами не обнаружены контексты, конструирующие слабость актора. В саморепрезентациях России были выделены отдельные случаи конструирования «слабости», в которых описывается необходимость сотрудничества между политическими акторами. При этом конструируемый семантический компонент **неспособность проявить силу**, выводимый из соответствующей словарной дефиниции лексемы «слабость»,

реализуется при помощи отрицательных форм глагола *мочь* и не приобретает выраженной оценочности.

Изучение члена оппозиции «слабость» в репрезентациях России, США и других политических акторов в американском и российском дискурсе показывает, что слабость конструируется как характеристика актора-оппонента или как характеристика третьего актора, связанного с США и Россией опосредованно. Эксплицитные формы выражения члена оппозиции «слабость» довольно редки, однако выявлены отдельные случаи их актуализации. Одним из базовых семантических компонентов члена оппозиции «слабость» является компонент **недостаточная твердость и устойчивость**, который конструируется путем использования лексики с семантикой неустойчивости, нестабильности. Другим базовым компонентом в составе «слабости» выступает компонент **отсутствие экономического потенциала**, реализуемый при помощи лексики с семантикой уменьшения, ослабления, лексики с семантикой неудачи, провала, прилагательных в превосходной степени и др. Основным компонентом «слабости» можно назвать оценочный компонент **нечестность**, который находит свое выражение в использовании лексики с семантикой отрицательной оценки. Кроме того, член оппозиции «слабость» актуализируется посредством менее популярных семантических компонентов, таких как **потеря лидерства, недостаток политической воли, применение военной силы**.

Исследование членов семантической оппозиции «сила vs слабость» в российском и американском материале показывает сходство семантических компонентов, выделяемых в составе данных членов оппозиции, в репрезентациях России и США, а также идентичность языковых средств, актуализирующих эти компоненты. Данные наблюдения позволяют нам утверждать о существовании универсальных принципов организации внешнеполитического дискурса и доминировании в нем принципов институциональной коммуникации над лингвокультурными характеристиками коммуникации.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Как мы отмечали ранее, основными функциями внешнеполитического дискурса являются борьба политического актора (государства) за власть и защита национальных интересов в условиях межгосударственного взаимодействия. Выделенные функции представляются особо важными в рамках нашего исследования, поскольку их реализация происходит, в том числе, благодаря конструированию в дискурсе семантической оппозиции «сила vs слабость». Исследование показало, что данная оппозиция в свою очередь обладает определенными функциональными особенностями, которые являются предметом исследования в настоящей главе. Функции семантической оппозиции «сила vs слабость» были выделены нами на основе классификации функций в работе Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] в рамках ключевой функции политического дискурса – функции борьбы за власть.

3.1. Функция ориентации во внешнеполитической реальности

Формирование политической реальности укладывается в рамки позиций социального конструкционизма, согласно которому реальность – это не совокупность объективно существующих фактов, а продукт, создаваемый путем их вербальной интерпретации [Бергер, Лукман 1995]. Г.В. Пушкарёва утверждает, что процесс создания политической реальности носит коммуникативный характер: «Только в ходе постоянного процесса обмена информацией у людей формируются однотипные представления о порядке осуществления власти в обществе, о нормах политического поведения, о характере институциональных отношений. Благодаря коммуникации осуществляется объективирование политических взаимодействий, формируется пространство политических объектов, структурных отношений, создается политический порядок, который формирует у людей ощущение определенности

окружающего мира, возможности выстраивать свои индивидуальные линии поведения, будучи уверенными, что их действия будут адекватно проинтерпретированы» [Пушкарёва 2013, с. 95]. Ж.Е. Гостева отмечает, что дискурс сам по себе является средством создания, конструирования действительности. Так, в частности, исследуя картину политического мира, автор пишет, что «...политические дискурсы эксплицитно и имплицитно формируют политическую модель мира, являются ее “архитекторами”. Дискурс “обслуживает” политическую модель мира, обновляя ее в континууме коммуникации и одновременно является тем “зеркалом”, в котором отражаются все модификации картины политического мира» [Гостева 2012, с. 42]. В связи с тем, что внешнеполитический дискурс понимается нами как разновидность дискурса политического, приведенные рассуждения можно отнести и к процессу создания внешнеполитической действительности.

Е.И. Шейгал считает, что формирование картины политической реальности (функция ориентации) возможно благодаря использованию «специфических знаковых средств, составляющих семиотическую базу политического дискурса» [Шейгал 2000, с. 149]. Являясь такой же базовой, как оппозиция «свой vs чужой», семантическая оппозиция «сила vs слабость» выполняет функцию конструирования внешнеполитической действительности. Действительно, вступая в борьбу за власть на международной арене, политические акторы демонстрируют собственную силу и указывают на слабость других и таким образом конструируют такую картину межнациональных отношений, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте. Посмотрим на следующие фрагменты речи российского министра:

Наши западные партнеры о своих усилиях проведения ими подобной работы практически ничего не сообщают. Основное внимание они концентрируют на требованиях как можно скорее объявить ситуацию в Сирии, подпадающей под действие Главы VII Устава ООН, активнее надавливать на режим и применять новые санкции. В общем, ведут дело не к разрядке

обстановки, а к нагнетанию напряженности, стремясь создать условия для внешнего вмешательства. (Лавров, 02.06.2014)

Растущее стремление народов самим определять собственную судьбу, сохранять свою цивилизационную и культурную идентичность все чаще наталкивается на попытки некоторых держав доминировать на международной арене, вмешиваться во внутренние дела других государств, игнорируя нормы международного права, а иногда – и элементарные приличия. Такие попытки ведут к деградации обстановки, нарастанию хаоса и беззакония. У всех перед глазами Ливия, Ирак, Сирия, глубокий кризис государственности на Украине. (Лавров, 31.07.2014)

Так называемое мировое сообщество в лице различных коалиций, ведомых США, решали глобальные проблемы через попытку все урегулировать через устранение одного человека. Так было в Ираке – что стало с Ираком, мы все видим. Так было в Ливии – здесь не о чем говорить, страна вообще разваливается, сейчас предпринимаются судорожные усилия каким-то образом не допустить худшего. (Лавров, 09.12.2015)

В приведенных примерах за счет оппозиции «сильные западные государства vs слабые третьи акторы (Сирия, Ливия, Ирак, Украина)» дискурсивно конструируется сила западного альянса во главе с США, при этом она оказывается противопоставленной слабости других акторов. В данных отрывках актуализируются различные компоненты «силы», рассмотренные нами в разделе 2.2. Так, посредством инфинитивных конструкций (*надавливать на режим, применять санкции*), конкретизирующих характер требований политического актора, и сравнительной степени наречия (*активнее*) сила репрезентируется, во-первых, как оказание давления на других, более слабых акторов. Во-вторых, сила представлена и как способность к насилию при помощи определения характера действий (*попытки вмешиваться во внутренние дела других государств*) и обстоятельства цели (*для внешнего вмешательства*). В-третьих, благодаря использованию глагольного словосочетания (*решали глобальные проблемы*) сила США эксплицитно конструируется как способность решать проблемы. Кроме

того, посредством страдательного причастия *ведомые*, имеющего значение несамостоятельности, пассивности, нахождения под воздействием иной стороны, сильные США репрезентируются как актер, руководящий другими политическими актерами, а также осуществляющий контроль над их действиями. Обратим внимание и на репрезентируемые последствия действий сильных политических акторов. Данные результаты выражаются в дискурсе посредством многочисленных лексических единиц с семантикой разрушения и беспорядка, имеющих отрицательные коннотации (*нагнетание напряженности, деградация, нарастание хаоса и беззакония, глубокий кризис, страна разваливается*). Член оппозиции «слабость» является в представленных примерах менее эксплицитным. Слабость как проявление недостаточной твердости и устойчивости выражается в основном имплицитно за счет указания на силу. Таким образом, российский министр создает следующую репрезентацию внешнеполитической реальности: сильные западные государства во главе США применяют собственную силу в отношении отдельных слабых государств, при этом использование силы приводит к разрушительным последствиям.

Примечательным является то, что посредством конструирования оппозиции «сильная Россия vs слабые третьи акторы (Сирия, Украина, Иран)» РФ также представлена как сильный политический актер, однако репрезентируемая сила актора имеет конструктивный характер. Приведем примеры:

Хотелось бы, чтобы начатые в ОБСЕ дискуссии «Хельсинки плюс 40» стали серьезной попыткой заново осмыслить сложные процессы на европейском пространстве, отойти от блоковых схем, найти совместные ответы на общие вызовы. Нельзя не видеть, что с наиболее острыми проблемами современности можно справиться только сообща. Прорывные решения, достигнутые в деле ликвидации сирийского химического оружия, созыва «Женевы-2», а также на иранском направлении, рассматриваем именно как коллективный успех. Теперь важно закрепить позитивные подвижки, совместными усилиями добиться успокоения ситуации в регионе, расположенном в непосредственной близости от Европы. (Лавров, 01.02.2014)

Мы за то, чтобы действовать коллективно. Именно коллективные действия позволили продвинуться по Ирану, добиться договоренностей о химическом разоружении Сирии и помогут реализовать такой курс по урегулированию украинского кризиса, который будет отвечать, прежде всего, интересам самого украинского народа. (Лавров, 24.04.2014)

Мы – за то, чтобы во всех случаях действовать коллективно. Именно совместные действия позволили продвинуться вперед по иранской ядерной программе, химическому разоружению Сирии. (Лавров, 23.05.2014)

В представленных примерах Россия дискурсивно конструируется как государство, участвующее в процессах сближения всех государств мира с целью урегулирования важнейших внешнеполитических проблем. Член оппозиции «сила» актуализируется при помощи семантического компонента способность к кооперации, который реализуется посредством разнообразной лексики с семантикой единения (*совместные ответы, совместные усилия, совместные действия, общие вызовы, коллективно, сообща и т.д.*). Обращают на себя внимание и репрезентируемые в дискурсе результаты коллективных действий России и ее союзников. Данные последствия вербализуются посредством лексики с положительными коннотациями (*прорывные решения, позитивные подвижки, успех*), а также глаголов совершенного вида с семантикой успеха, прогресса (*позволили продвинуться, добиться*), которые подчеркивают уже предпринятые акторами-союзниками во главе с Россией правильные шаги по разрешению отдельных глобальных проблем современности.

Таким образом, в российском внешнеполитическом дискурсе формируется следующая картина международных отношений: Россия дискурсивно конструируется как сильный политический актер, придерживающийся мирной позиции и характеризующийся своей способностью к кооперации для решения значимых внешнеполитических вопросов. США также представлены как сильное государство, однако сила актора направлена на оказание давления, в том числе силового, на более слабых политических акторов, подчинение собственной воле,

вмешательство во внутренние дела других государств с целью удовлетворения своих интересов и потребностей.

Иная, фактически – зеркальная, репрезентация внешнеполитической обстановки представлена в американском внешнеполитическом дискурсе:

The United States condemns the Russian Federation's invasion and occupation of Ukrainian territory, and its violation of Ukrainian sovereignty and territorial integrity in full contravention of Russia's obligations under the UN Charter, the Helsinki Final Act, its 1997 military basing agreement with Ukraine, and the 1994 Budapest Memorandum. (Kerry, 01.03.2014).

Well, it's an incredible act of aggression. It is really a stunning, willful choice by President Putin to invade another country. Russia is in violation of the sovereignty of Ukraine. Russia is in violation of its international obligations. Russia is in violation of its obligations under the UN Charter, under the Helsinki Final Act. It's a violation of its obligations under the 1994 Budapest agreement. (Kerry, 02.03.2014)

В данных примерах оппозиция «сильная Россия vs слабая Украина» используется главой американского внешнеполитического ведомства с целью дискурсивного конструирования мощи России, направленной на военное вмешательство во внутренние дела другого государства. Член оппозиции «сила» представлен семантическим компонентом способность к насилию, который выражается эксплицитно при помощи военной лексики с семантикой агрессивных действий, вмешательства (*invasion, occupation, an incredible act of aggression, to invade, violation*). Добавим, что сила государства характеризуется рядом прилагательных (*incredible, stunning, willful*), обладающих эмоционально-оценочными коннотациями. Данные единицы используются госсекретарем США с целью подчеркнуть предрасположенность России к агрессии по отношению к более слабой политической стороне – Украине. Отметим также использование синтаксических повторов, которые конструируют РФ как сильное государство, способное игнорировать и нарушать многочисленные нормы международного права. Таким образом, в американском внешнеполитическом дискурсе представлена другая внешнеполитическая картина: в роли актора, применяющего

силу по отношению к слабым политическим акторам, выступает Российская Федерация.

Посредством оппозиции «сильные США vs слабая Украина» США в свою очередь репрезентируются как государство, сила которого заключается в оказании помощи и поддержки более слабым акторам. Данная сила приобретает положительный, конструктивный характер и репрезентируется в дискурсе эксплицитно. Посмотрим на следующие примеры:

Every ally here today pledged unwavering support in order to help make sure that Ukraine succeeds. This includes support through the IMF, our bilateral and multilateral assistance, the OSCE monitors, and through our support for free, fair, constitutional elections and for constitutional reform, as well as the anticorruption and demobilization efforts that are taking place. (Kerry, 01.04.2014)

Together, we have to continue our strong support for Ukraine. And we can do that through economic assistance and we can do it through support for free and fair elections, for constitutional reform, for anti-corruption and for demobilization efforts. (Kerry, 29.04.2014)

Vice President Biden announced nearly \$7 million in rapid assistance for humanitarian and rebuilding purposes to be deployed immediately. < ... > We are also asking Congress for approval to provide financial support and mentoring to small businesses throughout Ukraine. (Kerry, 29.07.2014)

The United States stands ready to support our Ukrainian partners in this effort, because we know that ultimately, a strong democratic government and a strong economy are the keys to providing the Ukrainian people with the stability and the prosperity that they want and that they deserve. (Kerry, 29.07.2014)

В представленных примерах сила США как способность оказывать помощь и поддержку другим конструируется на фоне слабости Украины, не способной справиться с политическими проблемами внутри государства собственными силами. Сила политического актора реализуется при помощи многократного повтора таких лексических единиц, как *support, to help, assistance, mentoring*, которые используются американским дипломатом с целью конструирования

оказания всесторонней поддержки более слабому политическому актору. Репрезентируемая сила усиливается за счет употребления эпитетов *unwavering*, *strong*, *rapid*, а также словосочетания *for free*, дискурсивно выражающих весомую, постоянную, незамедлительную и бескорыстную помощь со стороны США и их союзников. В состав члена оппозиции «сила» оказывается вовлеченным и семантический компонент обеспечение стабильности и процветания, который эксплицитно вербализуется при помощи лексики с положительными коннотациями (*stability*, *prosperity*). Данные фрагменты выступлений Дж. Керри наглядно иллюстрируют, что гарантом силы, стабильности и процветания являются демократические институты, продвигаемые США по всему миру.

Таким образом, в американском внешнеполитическом дискурсе формируется следующая картина международных отношений: в роли мощного политического актора, применяющего силу против более слабых политических акторов и нарушающего и игнорирующего нормы международного права, выступает Россия. США же дискурсивно конструируются как сильный участник международного взаимодействия, характеризующийся своей способностью оказать всестороннюю помощь нуждающимся в ней.

В заключение можно сделать вывод, что семантическая оппозиция «сила vs слабость» является одним из основных способов конструирования внешнеполитической действительности, которая характеризуется с точки зрения распределения силы и возможностей разных акторов влиять на международный контекст. И в российском, и американском внешнеполитическом дискурсе Россия и США получают репрезентации сильных акторов. Отметим, что их сила конструируется не на фоне слабости актора-оппонента, а на фоне слабости других политических акторов, таких как Украина, Сирия, Ирак, Ливия и др. При этом саморепрезентации обладают положительной аксиологической нагрузкой, в то время как репрезентации актора-оппонента несут отрицательный аксиологический заряд. Спектр языковых средств, применяемых для создания такой картины межнациональных отношений, включает лексику с отрицательными коннотациями, милитарную лексику с семантикой агрессивных

действий, лексику с семантикой разрушения и беспорядка, лексику с положительными коннотациями, лексику с семантикой единения, лексику с семантикой успеха, прогресса, лексику с эмоционально-оценочными коннотациями, некоторые грамматические формы (н-р, сравнительную степень прилагательного, глаголы совершенного вида), отдельные синтаксические средства (н-р, синтаксические повторы), эпитеты. В результате их применения политические акторы дискурсивно конструируют внешнеполитическую реальность, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте.

В зависимости от целей говорящих, прагматической ситуации, политического контекста член оппозиции «сила» приобретает различный функциональный потенциал, различное наполнение, в том числе и аксиологическое, что приводит к созданию различных репрезентаций. Член оппозиции «слабость» выступает как вспомогательный элемент, относительно которого конструируется «сила». Принципы построения и применения семантической оппозиции «сила vs слабость» в российском и американском дискурсе идентичны. Конструируемые в дискурсе репрезентации создают ориентиры для текущих и дальнейших действий политических акторов.

3.2. Функция интеграции и дифференциации политических акторов

Функция социальной интеграции и дифференциации групповых агентов политики представляется весьма актуальной в рамках исследования семантической оппозиции «сила vs слабость».

Социальная интеграция определяется «как упорядоченные и гармоничные межличностные отношения, межгрупповые, межклассовые, межнациональные и межгосударственные отношения, а также процесс, ведущий к такому состоянию, направленный на минимизацию конфликтов; социальную сплоченность; принятие индивида остальными членами группы» [Полянкина 2013, с. 68]. Исследуя современные тенденции развития международных отношений, А.Д. Лазарев отмечает, что «интеграция представляет собой вид международных отношений и

одновременно одно из выражений формирования их целостности» [Лазарев 2004, с. 134]. В настоящем исследовании под социальной интеграцией мы понимаем социальную солидарность в рамках всего мирового сообщества или отдельных групп политических акторов.

Социальная дифференциация подразумевает «процесс развития, при котором происходит разделение, расчленение развивающегося общего целого на отдельные группы, многообразные формы, уровни, группы, подсистемы» [Полянкина 2013, с. 68]. Как утверждает А.Д. Лазарев, обострение противоречий, сохранение социальной неоднородности, становление многонациональной системы международных отношений, конфликтность, связанная с проблемами распределения власти в мире – все это выражается в процессах дифференциации [Лазарев 2004, с. 134]. В рамках данного исследования под социальной дифференциацией мы понимаем отчуждение групп политических акторов.

На наш взгляд, семантическая оппозиция «сила vs слабость» дискурсивно конструирует процессы интеграции и дифференциации политических акторов во внешнеполитическом контексте. Основанием для такого утверждения служат научные достижения антропологов и социологов, обобщенные в работе Т.В. Дубровской [Дубровская 2017]. Так, комментируя исследование З. Баумана [Bauman 1999], исследовательница пишет, что «сила неразрывно связана с группой “мы”, в которую включен индивид, поскольку безопасность, приобретаемая индивидом в группе, возможна, только если коллектив имеет силу защитить включенных в группу» [Дубровская 2017, с. 26 – 27]. Автор делает вывод, что необходимость силы и объединения в группы для выживания в условиях конкуренции с другими индивидами и группами обоснована взглядом на существование человека с точки зрения эволюции [Дубровская 2017, с. 26].

Представленные соображения можно отнести и к взаимодействию политических акторов на международной арене. В различных социальных контекстах они демонстрируют силу и слабость, образуют группы с другими акторами, что в результате определяет их вес на политической арене и способность защищать и отстаивать собственные интересы. Таким образом, для

семантической оппозиции «сила vs слабость» характерной является функция интеграции и дифференциации политических акторов. Так, рассмотрим следующие примеры:

The United States is united; Russia is isolated. (Kerry, 02.03.2014(2))

I think that this isolates Russia very significantly. We just had a vote in the UN. The vote was 13 in favour of our position condemning what had happened, and one abstention and only one no. The one no was Russia. That tells you the whole story. Russia is isolated. The entire European community, America and other parts of the world are outraged by what has happened. (Kerry, 18.03.2014)

I think the European alliance has been strengthened. The unity between Europe and the United States is what has empowered this election to take place and made it clear to Russia that the West is unified and there will be a very severe price to pay for further interference in Ukraine. (Kerry, 28.05.2014)

I mean, if you look at what has happened in Ukraine, the President led an effort to try to keep Europe unified with the United States, to put difficult sanctions on the table. Europe wasn't thrilled with that, but they came along. That was leadership. And the President succeeded in having an impact ultimately together with the Europeans on the choices that face President Putin. (Kerry, 29.05.2014)

В данных примерах объединение США с европейскими государствами, конструируемое при помощи лексики с семантикой единения (*unity, unified, entire, together, alliance*), свидетельствует о силе политического актора – западного альянса во главе с США. Сила как наличие союзников репрезентируется и посредством фразеологизма *in favour of* со значением поддержки кого-либо или чего-либо, в нашем случае, позиции американской стороны по поводу происходящих событий на Украине. Обратим внимание и на эксплицитное средство выражения «силы» – глагол *strengthen*, который используется в перфектной форме, вероятно, с целью усиления репрезентации данного члена оппозиции через указание на уже завершённые действия по укреплению западного альянса.

Россия, дискурсивно конструируемая вне группы при помощи риторического приема антитезы, представлена как более слабый политический актер, слабость которого заключается в отсутствии союзников и изолированности от другой, сильной и влиятельной, группы. Слабость как неспособность образовать группу с другими актерами неоднократно вербализуется при помощи лексемы *to isolate*, обозначающей процесс отделения, обособления от других. Помимо этого, слабость России актуализируется и через указание на способность США совместно с западными странами оказывать на нее влияние (*the President succeeded in having an impact on the choices that face President Putin*). Таким образом, конструирование оппозиции между членами оппозиции «сила» и «слабость» показывает, что Россия и США находятся в различных ситуациях и обладают соответствующими качествами: изоляция – слабость, объединение – сила.

Подобные репрезентации обнаруживаем и в российском внешнеполитическом дискурсе. Объединение России с различными государствами Запада и Востока репрезентируется в следующих примерах:

А что касается других наших партнеров, то европейцы выступают против экономических санкций. Этот подход звучит во многих странах, прежде всего в ведущих государствах Евросоюза, включая Германию, Францию, Италию, Великобританию. На Востоке нам нет нужды выпрашивать какую-то солидарность у наших экономических и стратегических партнеров. Они не собираются идти на поводу у подобных деятелей. Наше с ними взаимодействие будет развиваться по восходящей. (Лавров, 21.03.2014)

Хорошие примеры взаимовыгодного партнерства – беспрецедентно высокий уровень российско-китайских отношений, которые становятся все более существенным фактором в мировой политике, отношения в рамках «тройки» Россия-Индия-Китай (РИК), а также БРИКС, который активно развивает связи с региональными структурами в Африке, Латинской Америке и на других континентах. (Лавров, 24.04.2014)

Для того чтобы понять, удалось ли изолировать Россию, достаточно было посетить Санкт-Петербургский международный экономический форум, увидеть огромное количество гостей из самых разных зарубежных государств и почувствовать атмосферу этого мероприятия, в которой преобладали две вещи: предельно деловой настрой и чувство юмора. Сочетание двух этих факторов дает ответ на вопрос, получилось ли у кого-то изолировать Россию. (Лавров, 29.05.2014)

В данных примерах принадлежность России к группе и, как следствие, обладание силой, конструируется при помощи ряда языковых средств. Так, отметим использование притяжательного местоимения 1 лица мн. числа (*наших, наше*), которое подчеркивает тесные экономические и стратегические отношения РФ с многочисленными западными государствами – странами Европейского союза. Дискурсивно конструируется разгруппирование общей категории «Евросоюз», так как некоторые ключевые акторы оказываются включенными в единую группу с Россией, и вместе они репрезентируются как сила. Обратим внимание и на лексический повтор существительного *партнеры*, а также употребление образованного от него абстрактного существительного *партнерство*. Данные лексические единицы конструируют сплоченность и единство группы политических акторов, в состав которой входит Россия. С этой целью российский министр использует лексику с семантикой единения (*солидарность, взаимодействие, взаимовыгодный*). В представленных примерах можно также отметить прилагательные, выражающие признаки большого размера, такие как *огромный* (*огромное количество гостей из самых разных зарубежных государств*), *высокий* (*беспрецедентно высокий уровень российско-китайских отношений*) и *существенный* в сравнительной степени, которые репрезентируют не только наличие многочисленных союзников у России, но и высокую степень развития их отношений. Таким образом, выделенные прилагательные указывают на немалую силу политических акторов в составе группы. Наконец, отметим лексему *активно* (*активно развивает связи*), которая используется с целью конструирования семантического компонента «силы»

активность, который, как мы отмечали выше, является компонентом, связанным с семантикой силы напрямую. Таким образом, Россия дискурсивно конструируется как член группы, которая отличается сплоченностью, единством и вследствие этого огромной силой. В то же время тезис об изоляции России, активно продвигаемый в американском внешнеполитическом дискурсе, ставится под сомнение. Это выражено придаточными сложными предложениями, имеющими форму вопросов (*удалось ли изолировать Россию; получилось ли у кого-то изолировать Россию*).

В приведенных фрагментах выступлений российского дипломата член оппозиции «слабость» конструируется имплицитно путем указания на желание других акторов изолировать Россию от всего мира, то есть сделать ее слабой. Однако данное желание репрезентируется в дискурсе как невыполнимое, таким образом, конструируемый факт, что Россия – это сильный политический актор, которого невозможно изолировать, оказывается противопоставленным конструируемому желанию западных государств изолировать Россию, иными словами, ее ослабить.

Противопоставление членов оппозиции «сила» и «слабость» как средство реализации данной функции отмечается и в следующих примерах:

У нас серьезная поддержка. Если страны поменьше все-таки не могут себе позволить говорить об этом открыто, потому что слишком зависимы от Запада экономически и финансово, то страны, ощущающие себя более самостоятельно и серьезно подходящие к международным отношениям, понимают, о чем сейчас идет речь. Речь сейчас идет не о том, что нужно обязательно помочь украинцам преодолеть кризис, хотя это важно, а, как я уже сказал, о реформировании мировой системы, объективном формировании полицентричного мироустройства. (Лавров, 11.04.2014)

Признательны нашим друзьям за содействие в налаживании взаимодействия между Россией, странами Латинской Америки и их объединениями. Имею в виду, прежде всего, развитие нашего партнерства с новым объединением региона – СЕЛАК, а также наше сотрудничество с ЦАИС.

Сегодня уже ясно, что односторонний миропорядок канул в прошлое, формируется полицентричная система мироустройства, и Россия заинтересована в том, чтобы Латинская Америка стала одной из мощных опор этой новой международной системы. (Лавров, 29.04.2014)

Сегодня мы не видим необходимости в работе в рамках данного формата [«Группа восьми»]. Он, на наш взгляд, во многом себя исчерпал, утратил международный вес. По сути, «семерка» играет роль своего рода «междусобойчика», не поспевающего за темпом стремительно меняющегося мира. Прежде всего, имею в виду появление и укрепление новых влиятельных центров силы, без которых эффективно решать актуальные глобальные и региональные проблемы просто невозможно <...> Особое значение придаем углублению взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС. Убеждены, что совместная с партнерами работа в этих объединениях при опоре на международное право и Устав ООН не только отвечает коренным интересам наших народов, но и всемерно способствует упрочению позитивных, объединительных начал в мировых и региональных делах. (Лавров, 29.12.2016)

Объединение России с другими политическими акторами в группу, предопределяющее ее силу, выражается в представленных примерах посредством разнообразной лексики с семантикой единения (*содействие, взаимодействие, объединения, партнерство, сотрудничество, совместная, объединительные* и т.д.), а также притяжательного местоимения 1 лица мн. числа (*наши, наше*). Отметим также, что объединение РФ с другими государствами выражается при помощи отглагольного существительного *поддержка*, предполагающего осуществление действий одними акторами в пользу других акторов. Наличие союзников как проявление силы актора характеризуется прилагательным *серьезная* (*серьезная поддержка*), имеющим семантику важности, значительности, а также глаголом в форме настоящего времени *понимают*, обозначающим процесс осознания, постижения происходящего – процесс, характерный для членов определенной группы. Сила группы во главе с Россией реализуется также эксплицитно при помощи прилагательного *мощные*. В данных

отрывках выступлений С.В. Лаврова в состав члена оппозиции «сила» оказывается вовлеченным семантический компонент влияние, который конструируется в дискурсе благодаря использованию прилагательного *влиятельные* (*влиятельные центры силы*) и отглагольного существительного *укрепление* с семантикой увеличения прочности, крепкости – в данном случае, усиления влияния. Кроме того, сила как влияние подчеркивается предикативно (*появление и укрепление новых влиятельных центров силы, без которых эффективно решать актуальные глобальные и региональные проблемы просто невозможно*).

Выделим также лексему *полицентричный*, которая рассматривалась нами в многочисленных контекстах как имплицитное указание на изменения в распределении сил среди политических акторов – усиление одних и ослабление других. При этом в представленных фрагментах член оппозиции «слабость» выражается и при помощи эксплицитных средств языка. Так, отметим синонимичные глаголы *исчерпал*, *утратил*, фразеологизм *канул в прошлое*, а также отрицательную конструкцию (*не поспевающего за темпом*), которые указывают на процесс ослабления международного клуба наиболее развитых стран, таких как Великобритания, США, Канада, Франция, Германия и т.д. Добавим, что использование глаголов в форме прошедшего времени подчеркивает уже завершённый характер данного процесса, благодаря чему член оппозиции «слабость» становится более эксплицитным. Таким образом, подобные высказывания конструируют оппозицию, приписывая силу России и её союзникам, а слабость – западным государствам во главе с США.

Итак, исследование показывает, что для семантической оппозиции «сила vs слабость» также характерна функция интеграции и дифференциации политических акторов. Отчуждение групп политических акторов, их сплоченность внутри группы, и, как следствие, репрезентация их силы происходит путем использования различных языковых средств. К ним относятся: лексемы «сила/strength» и их производные, лексика с семантикой влияния, власти, лексика с семантикой важности, значительности, лексика с семантикой единения,

лексика с семантикой активных действий, лексические повторы (к примеру, *партнеры*), глаголы в форме настоящего времени, глаголы в перфектной форме, притяжательные местоимения 1 лица мн. числа, прилагательные в сравнительной степени, фразеологизмы. Российские и американские дипломаты создают репрезентации таких качеств, как наличие союзников, активность, влияние, приписывающие группе огромную силу, благодаря которой акторы способны отстаивать свои интересы и вступать в противостояние с теми, кто угрожает их безопасности.

Конструирование других политических акторов вне данной группы, и соответственно, репрезентация их слабости происходит, во-первых, благодаря использованию приема антитезы, а также лексических единиц с семантикой отделения, обособления. Слабость акторов, не входящих в состав группы, конструируется также посредством имплицитного указания на желание группы их ослабить или на способность группы оказывать на них собственное влияние.

В российском внешнеполитическом дискурсе нельзя не отметить и такие контексты, в которых при помощи лексики с семантикой слабости, отрицательных конструкций, глаголов в форме прошедшего времени, фразеологизмов осуществляется конструирование ослабления одной группы и усиления другой. Подобные фрагменты выступлений дипломатов создают оппозицию, приписывая силу России и её союзникам, а слабость – западному альянсу во главе с США. Такие контексты конструируют семантическую оппозицию «сила vs слабость» как нечто нестабильное, непостоянное, подверженное изменениям под влиянием внешнеполитического контекста. В связи с этим можно отметить неоднозначный и сложный характер исследуемой оппозиции и всего внешнеполитического дискурса в целом.

3.3. Функция легитимизации применения силы

Еще одной функцией, характерной для семантической оппозиции «сила vs слабость», конструируемой во внешнеполитическом дискурсе, является функция легитимизации применения силы.

Исследование научной литературы, посвященной процессу легитимизации, показало, что существует огромное количество интерпретаций данного понятия. Исследователь-политолог А.В. Скиперских определяет легитимизацию как «процесс признания или подтверждения права политической власти на принятие и реализацию политических решений и действий» [Скиперских 2007, с. 12]. Автор также утверждает, что легитимизация может рассматриваться и как «специфическая технология, с помощью которой власть способна конструировать отношения с объектным полем, опираясь, в случае необходимости, на политическое насилие» [Скиперских 2007, с. 12].

Отметим, что процесс легитимизации широко исследуется как в политологии, так и в языкознании [Cap 2010; van Leeuwen 2007; Reyes 2011]. Польский лингвист П. Цап рассматривает легитимизацию (legitimization) как придание законности действиям политика и их лингвистические оправдание [Cap 2010, с. 32]. Исследователь отмечает, что легитимизация является основной целью политика, который ищет оправдание и одобрение проводимых (или уже проведенных) действий в интересах адресата [Cap 2010, с. 8].

Процесс легитимизации и его механизмы в политическом дискурсе рассматриваются и в отечественных работах [Левшенко 2012; Рядовая 2013; Ромашова 2013; Голубева 2015 и др.]. Представляется, что процесс легитимизации наблюдается и во внешнеполитических дискурсивных практиках. Так, благодаря конструированию в них семантической оппозиции «сила vs слабость» становится возможным оправдать применение силы политическим актором. Речь идет об одобрении адресатом использования силовых методов в отношении другого политического актора, нередко репрезентируемого как более слабый. Посмотрим на следующие фрагменты речи главы российского внешнеполитического ведомства:

В таких условиях законно избранные власти этой Автономной Республики обратились к Президенту России с просьбой оказать содействие в восстановлении спокойствия в Крыму. В полном соответствии с российским законодательством, в связи с экстраординарной ситуацией на Украине, угрозой

жизни российских граждан, наших соотечественников, личного состава Черноморского флота Российской Федерации на Украине Президент России внес в Совет Федерации обращение об использовании Вооруженных сил России на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране. (Лавров, 03.03.2014)

Что касается военнослужащих Черноморского флота Российской Федерации, то они находятся в местах своей дислокации. Да, были приняты дополнительные особые меры повышения бдительности в целях обеспечения безопасности мест базирования Черноморского флота. Как сказал Президент В.В.Путин, мы сделаем все, чтобы не допустить кровопролития, покушения на жизнь, здоровье тех, кто живет на Украине, включая граждан Российской Федерации. (Лавров, 05.03.2014)

В ходе проводимой по официальной просьбе законных властей государства-члена ООН операции российских Воздушно-космических сил в Сирии нам удалось нанести серьезный урон террористам, пустившим глубокие корни в этой стране, в том числе благодаря массовой подпитке из-за рубежа. При этом всегда исходили из того, что одними военными методами сирийский узел развязать не удастся. Наша главная задача – сделать так, чтобы у сирийцев появилась перспектива, надежда на лучшее будущее в свободном светском государстве, где все этнические и религиозные группы населения будут жить в мире и согласии. (Лавров, 01.12.2016)

В представленных примерах при помощи военной лексики (Черноморский флот, Вооруженные силы, военнослужащие, операции, Воздушно-космические силы, военные методы) Россия, во-первых, конструируется как политический актор, сила которого заключается в обладании мощным военным потенциалом. Во-вторых, сила России репрезентируется как способность защищать национальные интересы и оказывать военную помощь более слабым политическим акторам – в данном случае, Автономной Республике Крым и Сирии. Использование обстоятельства цели и придаточных цели (в целях обеспечения безопасности мест базирования Черноморского флота; чтобы не

допустить кровопролития, покушения на жизнь, здоровье тех, кто живет на Украине, включая граждан Российской Федерации; чтобы у сирийцев появилась перспектива, надежда на лучшее будущее в свободном светском государстве) непосредственным образом актуализирует функцию легитимации, поскольку они отвечают на вопрос «зачем действия были предприняты?». В числе конкретных языковых средств стоит выделить: лексику с семантикой футуральности, конструирующую положительные последствия действий в будущем (*перспектива, надежда на лучшее будущее*), лексику с положительными коннотациями (*обеспечение безопасности, в мире и согласии*) и инфинитив в отрицательной форме *не допустить*. Лексические единицы с положительно-оценочной семантикой (*спокойствие, мир, согласие*) используются российским министром и в других частях приведенных фрагментов его выступлений. На наш взгляд, благодаря употреблению данных языковых средств применение Россией силы в отношении другого политического актора легитимируется. Кроме того, стратегия легитимизации реализуется и через указание российского министра на просьбу слабых акторов о помощи. Проводимые Россией действия оцениваются положительно, поскольку они направлены на обеспечение национальной безопасности, безопасности жителей на территории другого государства и предоставление необходимой помощи и поддержки с целью урегулирования острых внутривнутриполитических вопросов.

В американском внешнеполитическом дискурсе объектами легитимного приложения сил США выступают такие государства, как Венесуэла и Иран. В следующих примерах осуществляется конструирование мощной силы США, которая заключается в наличии союзников. Семантический компонент члена оппозиции «сила» наличие союзников выражается посредством лексических единиц с семантикой единения, таких как *join (has joined), partners, united*. Конструирование данного компонента возможно и благодаря словосочетанию *with a growing number*, которое указывает на обладание актором большого количества союзников. Наличие союзников свидетельствует об огромной силе политического актора, способного диктовать условия другим и применять силу в

случае невыполнения этих условий. При этом использование силы становится оправданным вследствие указания на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле и Иране:

Our interest is for a stable, peaceful, democratic Venezuela that respects the interests of its people. And so our hope is that sanctions will not be necessary. Our hope is that we can move in the direction of reconciliation and a political path forward. But Congress clearly – the Congress of the United States is discussing those sanctions now. They have already passed some legislation reflecting that attitude; they're moving it. And our hope is that the leaders, that President Maduro and others will make decisions that will make it unnecessary for them to be implemented. But all options remain on the table at this time, with the hopes that we can move the process forward. (Kerry, 21.05.2014)

The United States has joined with a growing number of courageous democracies in our region to urge the Venezuelan Government to hold free elections, respect the independence of the national assembly, release all political prisoners, and directly address the country's humanitarian crisis. We join with these partners in recognizing that the principle of nonintervention cannot be used to justify inaction or avoid responsibility. (Sullivan, 20.06.2017(2))

The divide between what Iran says and what it has done underscores why these negotiations are necessary and why the international community united to impose sanctions in the first place. (Kerry, 30.06.2014)

If Iran is able to make these choices [a negotiated solution to Iran's nuclear deal], there will be positive outcomes for the Iranian people and for their economy. Iran will be able to use its significant scientific know-how for international civil nuclear cooperation. Businesses could return to Iran, bringing much needed investment, jobs and many additional goods and services. Iran could have greater access to the international financial system. The result would be an Iranian economy that begins to grow at a significant and sustainable pace, boosting the standard of living among the Iranian population. If Iran is not ready to do so, international sanctions will tighten and Iran's isolation will deepen. (Kerry, 30.06.2014)

Вмешательство и давление США оправдываются конструированием позитивной картины будущего через определенные языковые формы. Как утверждают исследователи, конструирование гипотетического будущего выступает как одна из ключевых стратегий политического и медийного дискурса. Языковые средства, конструирующие будущее, включают главным образом средства лексического и грамматического уровней языка, включая лексику со значением футуральности и формы глаголов в будущем времени [Данкова, Дубровская 2016]. Так, в приведенных контекстах конструирование гипотетической позитивной картины происходит благодаря использованию глагола в форме будущего времени (*will be*), модального глагола (*could*), глагола в форме условного наклонения (*would*), а также лексики с семантикой футуральности (*hope, forward*). Оказание давления со стороны США и их союзников на других политических акторов репрезентируется при помощи разнообразных языковых средств. Так, продолженные формы глаголов (*is discussing, are moving*), используемые госсекретарем Дж. Керри, конструируют действия в отношении Венесуэлы, которые разрабатываются Конгрессом США в настоящий момент. Речь идет о возможности оказания санкционного давления на государство, отказывающегося выполнять требования американцев по урегулированию внутривнутриполитического кризиса. Отметим и наличие глагола в перфектной форме (*have passed*), выражающей уже принятый законопроект о введении санкций в отношении Венесуэлы. Кроме того, использование каузативного глагола *urge*, выражающего причину возникновения другого состояния (принуждаем – выступаем причиной того, чтобы все требования были выполнены), способствуют эксплицитному конструированию давления на другого актора со стороны США и их союзников. Репрезентация семантического компонента члена оппозиции «сила» оказание давления осуществляется также при помощи обстоятельства цели (*to impose sanctions*), а также придаточного условия (*If Iran is not ready to do so...*), которые конструируют следующую ситуацию: и Венесуэла, и Иран ставятся перед выбором вариантов действий, навязываемых им со стороны США. Перечисленные языковые средства наглядно

иллюстрируют, что на фоне сильных США оба государства находятся в позиции более слабых политических акторов. При этом благодаря использованию грамматических средств выражения будущего, лексических единиц с семантикой футуральности и лексических единиц с положительными коннотациями (*stable, peaceful, democratic, positive outcomes, greater, boosting* и т.д.) деятельность государств во главе с США, направленная на применение силы в виде санкций, представляется легитимной, поскольку ее целью является обеспечение стабильности и мира, продвижение демократии и процветание экономики в других государствах.

В следующих примерах в позиции более слабого политического актора оказывается Россия, которая подвержена давлению со стороны США и их союзников. При этом давление на Россию признается легитимным как спровоцированное поведением актора, по отношению к которому осуществляется давление. Посмотрим на примеры:

I talked to ten of the foreign ministers of those countries most engaged – the G-8 plus some others. And all of them, every single one of them, are prepared to go to the hilt in order to isolate Russia with respect to this invasion. They're prepared to put sanctions in place. They're prepared to isolate Russia economically. (Kerry, 02.03.2014(1))

President Putin is using force in a completely inappropriate manner that will invite the opprobrium of the world, and it already is. He is not going to gain by this. <...> The fact is he's going to lose on the international stage. Russia is going to lose. The Russian people are going to lose. He's going to lose all of the glow that came out of the Olympics, his \$60 billion extravaganza. He is not going to have a Sochi G8. He may not even remain in the G8 if this continues. He may find himself with asset freezes on Russian business. American business may pull back. There may be a further tumble of the ruble. There is a huge price to pay. (Kerry, 02.03.2014(2))

So far, we have suspended participation in the preparations for the Sochi G8 summit. We have suspended military-to-military contacts, and we have suspended bilateral economic dialogue, and we are prepared to take further steps if Russia does

not return its forces to the barracks and engage in a legitimate policy of de-escalation. (Kerry, 04.03.2014)

I was clear with Foreign Minister Lavrov that the President has made it clear there will be consequences if Russia does not find a way to change course. And we don't say that as a threat, we say that as a direct consequence of the choices that Russia may or may not choose to make here. If Russia does establish facts on the ground that increase tensions or that threaten the Ukrainian people, then obviously that will be an even greater response, and there will be costs. (Kerry, 04.03.2014)

Сила как оказание давления репрезентируется в приведенных примерах при помощи многочисленных синтаксических повторов, которые подчеркивают серьезное намерение и угрозу США и их союзников повлиять на внешнеполитическую деятельность России, направленную на вмешательство во внутренние дела Украины. Репрезентация готовности оказать воздействие на РФ конструируется в значительной степени посредством сложных предложений с придаточными условия (*if Russia does not return...; if Russia does not find...; If Russia does establish...*), имплицитно указывающих на необходимость соблюдения Россией требований со стороны США. Фразеологизм *to go to the hilt* актуализирует семантику осуществления каких-либо действий в полной мере. Использование глаголов в перфектной форме (*have suspended*) в третьем примере способствует конструированию некоторых уже достигнутых успехов США по принуждению России следовать предложенному ими внешнеполитическому курсу. Стоит также отметить конструкцию *to be going to*, выражающую прогнозы на будущее, а также модальный глагол *may* со значением предположения, которые, как и языковые средства, описанные выше, фактически конструируют следующую картину международных отношений: США навязывают России свою политику, при этом ставя российское государство в позицию более слабого политического актора. Однако проводимые действия считаются легитимными, поскольку являются вынужденными мерами на агрессивную, по мнению спикера, политику со стороны России в отношении отдельных государств (*President Putin is using force in a completely inappropriate manner*).

Итак, как показывает проведенное исследование, еще одной характерной функцией семантической оппозиции «сила vs слабость» является функция легитимизации применения силы политическим актором. С целью найти оправдание и одобрение осуществляемой деятельности, направленной на использование силы в отношении другого актора, официальные представители внешнеполитических ведомств создают репрезентацию своих действий посредством разнообразных лексических и грамматических средств языка. Среди них можно выделить милитарную лексику, лексику с семантикой единения, лексику с семантикой футуральности, лексику с положительными коннотациями, фразеологизмы, каузативные глаголы, отрицательные формы глаголов, продолженные и перфектные формы глаголов, модальные глаголы, придаточные цели, придаточные условия, синтаксические повторы. Думается, что данные языковые средства способствуют конструированию применения силы в отношении другого политического актора как общественно значимого и оправданного действия, а также для создания репрезентаций ослабленного оппонента в будущем.

3.4. Выводы по главе 3

Исследование функционального потенциала семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе показало, что данная оппозиция обладает следующими функциями: функцией ориентации во внешнеполитической реальности, функцией интеграции и дифференциации политических акторов и функцией легитимизации применения силы. Данные функции были выделены нами на основе классификации функций Е.И. Шейгал в рамках инструментальной функции политического дискурса (функции борьбы за власть).

Функция ориентации во внешнеполитической реальности состоит в том, что она определяет конфигурацию политического пространства и отношения между акторами. Данная функция актуализируется рядом типичных языковых средств: лексики с положительными коннотациями, лексики с семантикой единения,

лексики с семантикой успеха, прогресса, лексики с семантикой разрушения, беспорядка, лексики с семантикой агрессивных действий, лексики с отрицательными коннотациями, прилагательных в сравнительной степени, глаголов совершенного вида, синтаксических повторов. Их применение способствует репрезентации сильных и слабых политических акторов и такой картины межнациональных отношений, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте. Принципы построения и применения семантической оппозиции «сила vs слабость» в российском и американском дискурсе являются идентичными и зеркально дополняют друг друга.

Функция интеграции и дифференциации связана с возможностью группирования политических акторов, определяя их вес на международной арене и способность защищать и отстаивать интересы группы. Объединение политических акторов в группу и, как следствие, репрезентация силы этой группы конструируются при помощи различных языковых средств: лексем «сила/strength» и ее производных, лексики с семантикой важности, значительности, лексики с семантикой единения, лексики с семантикой активных действий, лексических повторов, глаголов в форме настоящего времени, глаголов в перфектной форме, притяжательных местоимений 1 лица мн. числа, прилагательных в сравнительной степени, фразеологизмов. Официальные представители внешнеполитического ведомства создают репрезентации таких качеств группы, как наличие союзников, активность, влияние, которые свидетельствуют о силе группы.

Конструирование политических акторов вне группы, их изоляция и, соответственно, репрезентация их слабости происходит, в целом, благодаря использованию приема антитезы и лексических единиц с семантикой отделения, обособления. Слабость акторов, не входящих в состав группы, конструируется также посредством указания на способность группы оказывать на них свое влияние, которое выражено посредством лексики с семантикой влияния, воздействия.

В российском внешнеполитическом дискурсе были обнаружены такие контексты, в которых при помощи лексики с семантикой слабости, отрицательных конструкций, глаголов в форме прошедшего времени, фразеологизмов осуществляется конструирование ослабления одной группы и усиления другой. Подобные фрагменты выступлений дипломатов создают оппозицию, приписывая силу России и её союзникам, а слабость – западному альянсу во главе с США.

Функция легитимизации применения силы заключается в признании применения силы общественно значимым и оправданным действием политического актора. Данная функция актуализируется в дискурсе посредством военной лексики, лексики с семантикой единения, лексики с семантикой футуральности, лексики с положительными коннотациями, фразеологизмов, каузативных глаголов, глаголов в форме будущего времени, глаголов в продолженной и перфектной формах, модальных глаголов, придаточных цели, придаточных условия, синтаксических повторов. Представленные языковые средства используются российскими и американскими дипломатами с целью признать легитимным использование силы в отношении другого политического актора.

Следует отметить, что грамматические средства актуализируют семантическую оппозицию «сила vs слабость» только в совокупности с лексическими средствами. Данная совокупность и способствует реализации ее функций в лингвистическом и политическом контекстах.

В завершение отметим, что выделенные нами функции семантической оппозиции «сила vs слабость» представляются важными в рамках организации внешнеполитического дискурса, поскольку способствуют осуществлению его базовых функций – функции борьбы за власть и функции защиты национальных интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что семантическая оппозиция «сила vs слабость» является базовой оппозицией внешнеполитического дискурса, поскольку на мировой арене в условиях борьбы и конкуренции политические акторы демонстрируют собственную силу и ставят других акторов в позицию слабого не только фактическими действиями, но и вербально конструируя оппозицию.

Семантическая оппозиция в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического, так и прагматического.

Для выполнения диссертационного исследования был собран обширный материал российского и американского внешнеполитического дискурса, часть которого зарегистрирована как результат интеллектуальной деятельности. Собранный корпус текстов может быть использован для дальнейшего исследования внешнеполитического дискурса.

В настоящем исследовании предложена и применена для анализа авторская методика выявления структуры членов оппозиции «сила» и «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе. Применение данной методики позволило выявить три группы компонентов в структуре членов оппозиции «сила» и «слабость»: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений, 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции, и 3) оценочные семантические компоненты. Такая смысловая структура члена оппозиции объединяет как языковые, так и мыслительные аспекты семантического содержания. Закономерным является выделение в отдельную группу компонентов с оценочной нагрузкой, поскольку одной из характеристик внешнеполитического дискурса является его аксиологический заряд. В работе доказано, что смыслы, конструируемые в рамках оппозиции «сила vs слабость», не сводимы к значениям лексических единиц с семантикой силы и слабости, а актуализируются совокупностью языковых средств как лексического,

так и грамматического уровней. Именно эта совокупность и конструирует члена оппозиции в целом и способствует его реализации в лингвистическом и прагматическом контексте.

Количественные показатели, представленные в таблице 7, свидетельствуют о том, что «сила» является более востребованным членом оппозиции во внешнеполитическом дискурсе, чем «слабость», и обладает более сложным компонентным составом.

Таблица 7

**Семантические компоненты «силы» и «слабости»
во внешнеполитическом дискурсе: количественный аспект**

		«Сила» (колич-во компонентов)		«Слабость» (колич-во компонентов)	
		само- презентации	репрезента- ции другого	само- презентации	репрезента- ции другого
1	Российский дискурс	21	9	1	6
2	Американский дискурс	16	8	-	4

Тогда как в составе члена оппозиции «сила» выявлены 21 и 16 компонентов в контексте саморепрезентаций в российском и американском дискурсе соответственно, член оппозиции «слабость» актуализирует только один компонент. Несколько больше компонентов (6 в российском дискурсе и 4 в американском дискурсе) «слабость» актуализирует в контексте репрезентаций другого, но это количество компонентов все-таки меньше, чем у «силы» (9 – в российском, 8 – в американском). По этой причине «силу» можно считать маркированным членом оппозиции. Кроме того, из таблицы видно, что структура

рассматриваемых членов оппозиции в российском и американском дискурсе обнаруживает значительный параллелизм.

Анализ речевого материала показал, что семантические компоненты «силы», конструируемые в саморепрезентациях политического актора, обладают положительной аксиологической нагрузкой. Семантические компоненты, конструируемые в репрезентациях актора-оппонента, несут отрицательный аксиологический заряд. Основания данных наблюдений связаны с тем, что основная функция внешнеполитического дискурса – это борьба за власть на мировой арене. Поэтому для коммуникантов внешнеполитического дискурса – официальных представителей государств – является важным создать положительную репрезентацию проводимой политики государства, которое они представляют на международной арене, и при этом создать негативный образ государства-оппонента. Поскольку и Россия, и США получают репрезентации сильных акторов в российском и американском дискурсе, нельзя говорить, что в основе репрезентации их отношений лежит оппозиция «сила vs. слабость». Оппозиция между этими двумя акторами конструируется за счет разной аксиологической нагрузки силы. Саморепрезентации имеют положительно-оценочный характер, тогда как сила оппонента характеризуется отрицательно.

Из таблицы 7 видно, что в отличие от силы слабость приобретает менее эксплицитное выражение во внешнеполитическом дискурсе. Данный член оппозиции не имеет развернутой компонентной структуры, однако обладает своей функциональной спецификой. Слабость не выступает в качестве смыслового предиката в саморепрезентациях. В репрезентациях актора-оппонента слабость рассматривается либо как качество, приписываемое актору-оппоненту, либо как качество, приписываемое третьему актору, на фоне которого утверждается собственная сила. При анализе речевого материала показано, что «слабость» функционирует только в составе оппозиции. Таким образом, семантическая оппозиция «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе характеризуется асимметричностью.

Анализ членов оппозиции «сила» и «слабость» в российском и американском материале показывает сходство семантических компонентов, выделяемых в составе данных членов, в репрезентациях России и США, а также идентичность языковых средств, актуализирующих эти компоненты. Кроме того, схожими являются и принципы построения и применения семантической оппозиции «сила vs слабость» в российском и американском дискурсе. Данные наблюдения позволяют нам утверждать о существовании универсальных принципов организации внешнеполитического дискурса и доминировании в нем принципов институциональной коммуникации над лингвокультурными характеристиками коммуникации.

В диссертации установлены следующие функции семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе: функция ориентации во внешнеполитической реальности, функция интеграции и дифференциации политических акторов, функция легитимизации применения силы. Представленные функции вытекают из ключевых функций внешнеполитического дискурса – функции борьбы за власть на международной арене и функции защиты национальных интересов.

Исследование показало, что отношения оппозиции характеризуют не только языковую систему, но и структуру дискурса. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» представляет собой явление нестабильное, непостоянное, подверженное изменениям под влиянием внешнеполитического прагматического контекста. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неоднозначном и сложном характере исследуемой оппозиции и всего внешнеполитического дискурса в целом.

Таким образом, в результате исследования подтверждена выдвинутая ранее гипотеза о базовом характере семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе, о значительной функциональной ценности оппозиции и неравноценности её членов, проявляющейся при дискурсивном конструировании отношений между субъектами внешнеполитических отношений.

Практическая ценность настоящего исследования связана с возможностью использования материала и результатов его исследования при подготовке студентов, обучающихся на факультете международных отношений, студентов-филологов, а также студентов-журналистов. Собранный корпус текстов внешнеполитических выступлений на русском и английском языках может быть использован при обучении профессиональному переводу в сфере международных коммуникаций. Настоящее исследование может оказаться полезным с прикладной точки зрения для спичрайтеров в сфере международных отношений.

Достигнутые результаты исследования семантической оппозиции «сила vs слабость» не претендуют на полную исчерпанность проблемы. Вероятно, требуется дальнейший анализ речевого материала с целью уточнения типологии языковых средств, реализующих компоненты членов оппозиции «сила», «слабость», и конкретизации функционального потенциала рассматриваемой семантической оппозиции. Кроме того, перспективным направлением работы представляется применение корпусного анализа, который позволит выявить частотность использования отдельных языковых средств актуализации семантических компонентов членов оппозиции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- др. – другое
- ЕС – Европейский союз
- КДА – критический дискурс-анализ
- ЛСВ – лексико-семантический вариант
- МИД – Министерство иностранных дел
- ПРО – Противоракетная оборона
- РИД – результат интеллектуальной собственности
- РФ – Российская Федерация
- СМИ – средства массовой информации
- США – Соединенные Штаты Америки
- т.д. – так далее
- т.е – то есть

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Т. В. ИмPLICITные языковые средства, участвующие в формировании концептуальной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе англоязычной прессы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 86 – 89.
2. Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания – США) // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2008. – № 11(67). – С. 216 – 220.
3. Ардаева Н. В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка // Власть. – 2018. – №5. – С. 114 – 117.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136 – 137.
5. Арутюнян В. С. Фразеологическая картина мира сквозь призму бинарной оппозиции (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – №4(6). – С. 18 – 21.

6. Баженова Е. А., Мальцева И. В. Имидж политика в аспекте оппозиции свой – чужой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – №3. – С. 28 – 33.
7. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. – 2014. – №1 (47). – С. 40 – 50.
8. Банман П. П. Инвективная лексика как маркер дисгармонизации общения в оппозиции «свой — чужие» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (26). – Ч. II. – С. 32 – 37.
9. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 250 – 296.
10. Белов Е. С. Перцептивные и пространственные метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №11 (192). – С. 12 – 15.
11. Беляков М. В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – №2. – С. 124 – 132.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
13. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2001. – 32 с.
14. Бондарко А. В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия) // Вопросы языкознания. – 1981. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-81.htm> (дата обращения 17.04.2018)
15. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Либроком, 2011. – 288 с.
16. Бостанджян Л. Коммуникативно-прагматические особенности дипломатического дискурса // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://publications.y-su.am/wp-content/uploads/2015/02/Bostanjyan_L..pdf (дата обращения 18.03.2018)

17. Бубнова И. А., Терентий Л. М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – Т.10. – В.1. – С. 68 – 75.

18. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2014. – 24 с.

19. Бушев А. Б. Политический дискурс в материалах периодической печати фактографических и художественных жанров // Политическая лингвистика. – 2009. – №4(30). – С. 72 – 81.

20. Бушев А. Б. Языковые феномены политического дискурса // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: сборник научных трудов Вестник Российской коммуникативной ассоциации, выпуск 2 / Под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. – С. 52 – 71.

21. Васильева С. Л. Специфика актуализации архетипического конструкта «свой – чужой» в политическом дискурсе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2. – С. 33 – 40.

22. Вдовина О. А. Полиполярность мира и языка дипломатического общения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. – №2. – С. 39 – 47.

23. Волкова И. Н. Коммуникативное смягчение в дипломатическом дискурсе // Филологические науки. Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета. – 2010. – №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2011/Philologia/9_91066.doc.htm (дата обращения 24.08.2018)

24. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с.

25. Вражнова И. Г., Дубровская О. Н., Ермакова Е. В., Харламова Т. В. Современный политический дискурс и СМИ: Власть и общество. (под ред. Т. В. Харламовой). – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2009. – 168 с.
26. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 468 с.
27. Галанова Е. М. Инференция и диалоговое взаимодействие (на материале вопросно-ответных единств) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т.11. – В.2. – С. 39 – 44.
28. Гладкова Е. Л. Концепт «власть» в политическом дискурсе современного персидского языка // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. – М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – С. 191 – 200.
29. Глазкова И.В. Семантические оппозиции в публицистике на рубеже XX – XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 26 с.
30. Голованова Д. А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №7 (92). – С. 25 – 30.
31. Голубева Т. М. Прагмалингвистические параметры легитимизации в политическом дискурсе (на материале выступления Д. Кэмерона) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 3(27). – С. 52 – 61.
32. Гостева Ж. Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – №6. – С. 40 – 42.
33. Гудкова К. В. Английские бинарные оппозиции в языке и тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Сер.9. – Вып.4. – С. 122 – 129.
34. Гулевский А. Н., Гулевская Н. А. Диалектика категорий силы и слабости в философском осмыслении войны // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – №2(155). – Т.20. – С. 22 – 25.

35. Гусаков А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестник Института стратегических исследований Пятигорского государственного лингвистического университета: Сб. научных трудов. – 2011. – №1. – С.15 – 17.

36. Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ // Филология и человек. – 2014. – №4. – С. 35 – 45.

37. Данкова Н. С., Дубровская Т. В. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти СМИ (на материале российских и английских) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №21(242). – В.31. – С. 90 – 97.

38. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

39. Дейк Т. А. ван. Принципы критического анализа дискурса / Пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 169 – 217.

40. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

41. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34 – 55.

42. Докучаева Р. М. Когнитивные аспекты фрейма-сценария «Эстония – Россия» в политическом дискурсе (на материале интервью с президентом Эстонии) // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 50 – 53.

43. Дроздова Т. В. Научный текст и проблемы его понимания: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2003. – 390 с.

44. Друцэ А. Ю. Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2015. – №2 (18). – С. 98 – 106.

45. Дубровская Т. В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии их репрезентации // Дискурс-ПИ. – 2017а. – №1(26). – С.10 – 21.

46. Дубровская Т. В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 23 – 44.

47. Дубровская Т. В. Стратегии положительно-оценочной репрезентации российско-итальянских отношений в российском внешнеполитическом дискурсе (на материале сайта МИД РФ) // Научный диалог. – 2017б. – № 10. – С. 26 – 40.

48. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

49. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 18 (215). – Вып. 27. – С. 111 – 125.

50. Егоров В. П. Дипломатический протокол и этикет: учеб. пособие. – М.: Юридический институт МИИТа, 2013. – 200 с.

51. Ермакова Е. Н., Гречина А. А. Семантическая оппозиция «всегда – никогда» во фразеологических системах русского, английского и немецкого языков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – №7. – С.153 – 157.

52. Жуков В. И., Краснов Б. И. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/krasnov/ch_11.htm (дата обращения: 24.08.2018)

53. Жукова Ю. В. Комментарий в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. – 2015. – №1 (53). – С. 23 – 29.

54. Зубкова Е. В. Симметрия и асимметрия смыслового пространства концептуальной оппозиции «холод – тепло/жар» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – №43 (181). – С. 64–68.

55. Иохим А. Н. Специфика формирования внешнеполитического дискурса (на материале внешней политики России в 2008 – 2010 гг.) // Политика и общество. – 2014. – №9 (117). – С. 1140 – 1147.

56. Кабанова С. А. Глаголы, выражающие оппозицию «сон – бодрствование» в сербском и русском языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – №162. – С. 65 – 72.

57. Кайгородова И. Н., Манцорова И. В. Формирование оппозиции старое/новое в текстах утверждения советской политической цензуры // European Social Science Journal. – 2013. – №12/2(39). – С. 220 – 225.

58. Карамова А. А. Структура политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12421> (дата обращения 25.06.2018)

59. Карапетян М. В. Лекции по теоретической грамматике. – Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2008. – 148 с.

60. Карасик В. И. Игра по правилам в политическом дискурсе о России на Западе // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 66–68.

61. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.

62. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
63. Качмазова А. У., Тамерьян Т. Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 298—305.
64. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4 (48). – С. 174 – 179.
65. Кишина Е. В. Смысловая модель категории «своё — чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 1 (5). – С. 47 – 52.
66. Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2012. – №1(17). – С. 54 – 63.
67. Кожетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 23 с.
68. Кошкарова Н. Н. Россия и Америка: новый виток противостояния или «перезагрузка отношений» // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 83 – 85.
69. Крыга Т. И. Лексика с семантикой времени в разных лингвокультурах и ее отражение в ассоциативных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – №02(24). – С. 399 – 403.
70. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

71. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / Сборник обзоров. Серия "Теория и история языкознания" РАН. ИНИОН. – 2000. – С. 5 – 13.

72. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст, структура и семантика. [Электронный ресурс]. – 2001. – Т.1. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения 07.08.2018)

73. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

74. Кукатова О. А. Речевая стратегия оппозиционирования и репрезентирующие ее тактики в дипломатическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2017. – №4(64). – С. 76 – 81.

75. Кулешова А. В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №2(87). – С. 4 – 7.

76. Кулькова Е. С. Концептуальная оппозиция «ответственность – безответственность» как составляющая английского языкового сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №5(23). – С. 80 – 82.

77. Лазарев А. Д. Геополитика интеграции и дифференциации в современной системе международных отношений // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2004. – №2. – С. 130 – 137.

78. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013. – 37 с.

79. Левшенко Ю. И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы

теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 3 (17): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 111-115.

80. Лисий О. А. Внешняя политика как практика формирования идентичности (на примере Европейского союза) // Политическая лингвистика. – 2012. – №4(42). – С. 205 – 210.

81. Матыгина Е. Б. Концептуальный метафорический сценарий «Путь к демократии» во внешнеполитическом дискурсе Кондолизы Райс // Политическая лингвистика. – 2014. – №4 (50). – С. 258 – 263.

82. Мерекина Е. В. Лингвистическое своеобразие оппозиции свой – чужой (на материале эвенкийского языка) // Филология и человек. – 2008. – №2. – С. 170 – 176.

83. Назина О. В. Лингвосемантические критерии реализации концептов «сила» и «слабость» в гендерно-ориентированных рекламных текстах (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – №12. – С. 303 – 313.

84. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 177 с.

85. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.

86. Одинцова И. В. Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. – 2016. – №4. – С. 91 – 96.

87. Онищенко М. С. Медведев – Путин в современной русской концептосфере: концептуальное единство или оппозиция? // Политическая лингвистика. – 2011. – №3(37). – С. 129 – 142.

88. Переверзев Е. В. Кожемякин Е. А. О книге Тёна А. ван Дейка «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации» // Современный дискурс-анализ. – 2013. – №8. – С. 4 – 7.

89. Плуноян В. А. Общая морфология. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 333 с.

90. Подзолкова И. Р. Протокольная речь как вид политического дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 9. – С. 228 – 233.

91. Полякова И. С. Прецедентное имя как элемент образа России в дискурсе американского политика (на материале обращений К. Райс, 2005 – 2009) // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 140 – 143.

92. Полянкина С. Ю. Категории социальной интеграции и дифференциации в категориальном аппарате философии образования // Вестник Пермского университета. – 2013. – №2(14). – С. 66 – 74.

93. Пономарёва Е. Ю. Лингвокогнитивные и лингвокультурные особенности репрезентации концепта-оппозиции «жизнь – смерть» в поэтических дискурсах Д. Томаса и В. Брюсова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 155 – 162.

94. Пономаренко О. В. Понятие лиминальности в лингвофилософской детерминации дипломатического дискурса // Филология и искусствоведение. – 2014. – №12 (14). [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1819> (дата обращения 10.08.2018).

95. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва: Восток – Запад, 2007. – 226 с.

96. Приходько С. А. Оппозиции в политическом дискурсе В. И. Ленина (на базе труда «Материализм и эмпириокритицизм») // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 129 – 138.

97. Прохоров А. В. К проблеме содержания понятия «инференция» // Когнитивные исследования языка. – 2009. – №5. – С. 196 – 201.

98. Прохоров А. В. Понимание рекламного текста: имплицирование информации и инферентный вывод // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №9(65). – С. 139 – 143.

99. Прохорова О. А., Ардасова О. О. Дискурс дипломатии в системе смежных дискурсов // Наука и мир. – 2014. – №5 (9). – С. 101 – 103.
100. Пшегорский А. С. Концепт «мягкой силы» в современном политическом дискурсе и современная внешнеполитическая риторика США // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2015. – Т. 2. – №1(4). – С. 261 – 264. Голубое частично. Убрать.
101. Пушкарева Г. В. Homo Politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – С. 90 – 100.
102. Роббинз С. П. Основы организационного поведения 8 изд.: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 448 с.
103. Рогожкина И. В. Формулы дипломатического речевого этикета со значением согласия/несогласия в дипломатических текстах XVI – XVII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – №.10. – С. 106 – 109.
104. Ромашова И. П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №31(322). – С. 126 – 128.
105. Рублёва О. Л. Лексикология современного русского языка. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. – 250 с.
106. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.
107. Рядовая Н.С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации (на материале речей президентов США и России): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 28 с.
108. Савельева А. А. Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs. «слабость» и их полиоценочность в языке газетных публикаций // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2011. – № 1. – С. 132 – 139.

109. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 136 с.
110. Сандакова М. В. Семантическая оппозиция *реального* и *нереального* в современной речи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 3(1). – С. 106 – 110.
111. Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности – чуждости» (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 210 с.
112. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. / общ.ред. и вступ. Ст. П. Серио. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12 – 53.
113. Ситдикова Ф. Б., Сабирова Р. Н. Вывод имплицатуры как условие успешного акта коммуникации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – №10. – С. 72 – 77.
114. Слободян Е. А. Структурообразующая роль оппозиции по семе целенаправленности/нецеленаправленности в поле слухового восприятия в русском и английском языках // Вестник Башкирского университета. – 2007. – №1. – С. 99 – 100.
115. Слугина Л. Б., Попова Р. Р. Концепт «Агрессия» в биологических и социальных системах // Филология и культура. – 2015. – 4(42). – С. 324 – 337.
116. Скиперских А. В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Воронеж, 2007. – 47 с.
117. Смолякова Н. С. Семантическая оппозиция «далеко – близко» как способ организации пространства знания и памяти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12(30). – Ч. 2. – С. 185 – 187.
118. Соловьева Н. В. Оппозиция как объект теоретического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – 4(46). – С. 179 – 185.

119. Степанов В.Н. Смысл силы: Очерки немецкой философской традиции. – Ярославль: Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2016. – 160 с.
120. Степанов Ю. С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 438 – 440.
121. Сурикова Т. И. Лукавый термин и его прагматика в общественно-политическом дискурсе СМИ // Политическая лингвистика. – 2017. – №3(63). – С. 82 – 85.
122. Таратынова Н. В. Тактики воздействия в политическом дискурсе (на примере выступлений Государственного секретаря США Х. Клинтон) // Политическая лингвистика. – 2012. – №2(40). – С. 169 – 175.
123. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Волгоград, 2010. – 38 с.
124. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №1(022). – С. 47 – 56.
125. Терентий Л. М. Основные черты дипломатического дискурса // Материалы 7-ой Международной научно-практической конференции «Достижения высшей школы». – 2011. – Том 22. Филологические науки. София. «Бял ГРАД-БГ» ООД. – С. 60 – 62.
126. Терехова Е. В. Критерии выделения и особенности функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом и дипломатическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2011. – №1. – С. 102 – 108.
127. Трабелси Х. Митигативные стратегии и тактики в дипломатическом дискурсе // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/3279997> (дата обращения 14.05.2018)
128. Трайковская Н. П. Процесс инференции и имплицитные смыслы в понимании рекламных текстов // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – №24(221). – С. 109 – 111.

129. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 352 с.

130. Ушева Н. С. Метод оппозиций в морфологических исследованиях: концепция Ж. П. Кантино // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – 17. – С. 89 – 92.

131. Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? (пер. Кожемякина Е.А.) // Современный дискурс-анализ. – 2009. – В.1. – Т.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml> (дата обращения 06.04.2018)

132. Фомин И. В. Возможности анализа репрезентаций государственных образований в политических дискурсах (на примере образа Косово) // Полис. Политические исследования. – 2014. – №2. – С. 124 – 137.

133. Фурсов К. К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Дискурс-Пи. – 2014. – Т. 11. – №2 – 3. – С. 129 – 133.

134. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: ФЛИНТА, 2006. – 136 с.

135. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интередискурсивность: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.

136. Черкасов Ю. Ю. Функционирование политической технологии манипуляции, основанной на бинарной оппозиции хорошо/плохо в политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №1. – С. 94 – 100.

137. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

138. Шабанова А. А. Репрезентация концепта “власть” / “power” в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2011. – 159 с.

139. Шаманская М. А. К вопросу об объективации гендерной оппозиции «сила – слабость» в немецкой лингвокультуре // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №7 – 2. – С. 85 – 87.

140. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 210 с.

141. Шаповалова Т. А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2013б. – 23 с.

142. Шаповалова Т. А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2013а. – 198 с.

143. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

144. Шеховцева Т. М. Вербализация «концепта» сила в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 189 с.

145. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. – 2016. – №2(44). С. 165 – 170.

146. Ярославцева Я. А. (Блохина Я.А.), Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. – 2015. – №3(53). – С. 182 – 191.

147. Bauman Z. Culture as Praxis. London: Sage Publications, 1999. – 140 p.

148. Bindi F. European Union Foreign Policy: A Historical Overview // The Foreign Policy of the European Union: Assessing Europe's Role in the World. – Washington DC: Brookings Institution Press, 2010. – 366 p.

149. Brokensha S. Noticing *Us* and *Them* constructions: the Pedagogical Implications of a Critical Discourse Analysis of referring in Political Discourse // Per Linguam. – 2011. – No. 27(1). – P. 56 – 73.

150. Caliendo G., Magistro E. The Human Face of the European Union: A Critical Study // CADAAD. – 2009. – Vol. 3(2). – P.176 – 202.
151. Cap P. Legitimization in Political Discourse: A Cross Disciplinary Perspective on the Modern US War Rhetoric . – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 174 p.
152. Charaudeau P. Langage et discours. – Paris: Hachette, 1983. – 176 p.
153. Davies M. Oppositions in News Discourse: the ideological construction of “us” and “them” in the British press. Doctoral thesis. – University of Huddersfield, 2008. – 706 p.
154. Dijk T. A. van. Ideology: a Multidisciplinary Approach. – London: Sage Publications, 1998. – 365 p.
155. Dowty D. R. Thematic Proto-Roles and argument selection // Language. – 1991. – Vol. 6. – No. 3. – P. 547 – 619.
156. Dubrovskaya T., Sowińska A. Construction of Categories ‘Strength’ and ‘Weakness’ in Russian and Polish Foreign Policy Discourse // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – Vol. 22. – No. 2. – P. 292 – 312.
157. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
158. Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.
159. Fairclough N. L., Wodak R. Critical discourse analysis // T. A. van Dijk (ed.), Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction, Vol. 2. Discourse as Social Interaction London: Sage, 1997. – P. 258 – 284.
160. Fillmore C. J. The Case for Case. In E. Bach and R. T. Harms (eds.), Universals in linguistic theory. – NY.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1 – 88.
161. Fong S. Semantic Opposition and WORDNET // Journal of Logic: Language and Information. – 2004. – No. 13. – P. 159–171.
162. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. – London: Routledge, 1999. – 176 p.
163. Gjergo E. S., Delija S. Antonyms and Linguistic Nature of Opposition // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. – 2014. – Vol. 3. – No. 4. – P. 493 – 497.

164. Jeffries L. *Opposition in Discourse: the Construction of Oppositional Meaning*. – London: Bloomsbury Academic, 2014. – 150 p.
165. Leeuwen T. van. *Discourse and Practice. New tools for critical discourse analysis*. – NY.: Oxford University Press, 2008. – 172 p.
166. Leeuwen T. van. *Legitimation in Discourse and Communication // Discourse and Communication*. – 2007. – No. 1. – P. 91 – 112.
167. Mettinger A. *Aspects of Semantic Opposition in English*. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 205 p.
168. Mix E. D. *The European Union: Foreign and Security Policy // CRS Report For Congress*, 2013. – 25 p.
169. Rasmussen S. B. *Discourse Analysis of EU Public Diplomacy: Messages and Practices // Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’*. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20090700_cdsp_discussion_paper_115_Rasmussen.pdf (дата обращения 15.05.2018)
170. Reyes A. *Strategies of Legitimization in Political Discourse: From Words to Actions // Discourse & Society*. – 2011. – No. 22. – P. 781 – 807.
171. Sowińska A., Dubrovskaya T. *Discursive construction and transformation of ‘us’ and ‘them’ categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish vs Russian view // Discourse and Communication*. – 2012a. – Vol. 6(4). – P. 345 – 371.
172. Sowińska A., Dubrovskaya T. *Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers*. In: Skrzypczak W, Fojt T and Wacewicz S (eds) *Exploring Language through Contrast*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012b. – P. 268 – 287.
173. Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of Text and Discourse Analysis*. – London: Sage, 2000. – 278 p.
174. Wirth-Coliba V. *The Diverse and the Dynamic World of ‘Us’ and ‘Them’ in Political Discourse // CADAAD*. – 2016. – Vol. 8(1). – P.23 – 37.

175. Wodak R. *Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Handbook of Pragmatics*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1994. – P. 30 – 42.

176. Wodak R. *European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse historical approach // Journal of Language and Politics*. – 2015. – Vol. 14:1. – P. 87 – 109.

177. Zielonka J. *The EU as an International Actor: Unique or Ordinary? // European Foreign Affairs Review*. – 2011. – Vol.16:3. – P. 281 – 301.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/ (дата обращения 20.07.2018)
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энцикл., 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://taremark.narod.ru/les/> (дата обращения 15.06.2018)
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 976 с.
4. Энциклопедия Кругосвет / Кон И. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html (дата обращения 23.04.2018)
5. Энциклопедия постмодернизма / Бинарная оппозиция / Под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasialand.ru/txt/post/38.htm> (дата обращения 23.04.2018)
6. American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yourdictionary.com/dictionary-definitions/> (дата обращения 16.07.2018)
7. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 16.07.2018)
8. Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english (дата обращения 18.08.2018)

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ МАТЕРИАЛОВ

Захарова, 07.09.2016 – Интервью официального представителя МИД России телеканалу «Россия 24», 7 августа 2016 года. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/319953-zaharova-obvinenie-rossii-v-hakerstve--pokazatel> (дата обращения 31.07.2018)

Захарова, 07.04.2017 – Заявление МИД России в связи с вооруженной акцией США в Сирии 7 апреля 2017, 7 апреля 2017 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2717798 (дата обращения 31.07.2018)

Захарова, 06.07.2017 – Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 6 июля 2017 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2808723 (дата обращения 31.07.2018)

Захарова, 14.07.2017 – Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 14 июля 2017 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2815668 (дата обращения 31.07.2018)

Лавров, 21.01.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2013 году, 21 января 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 01.02.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова и ответы на вопросы участников 50-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 1 февраля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/78502 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 03.03.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 25-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 3 марта 2014 года.

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72642 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 05.03.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х.М.Гарсиа-Маргальо, Мадрид.

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72194 (дата обращения 24.07.2018)

Лавров, 08.03.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Таджикистана С. М. Асловым, Москва, 8 марта 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/71506 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 21.03.2014 – Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ по итогам участия во внеочередном заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 21 марта 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/69410 (дата обращения 20.05.2018)

Лавров, 03.04.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Генеральным секретарем ОДКБ Н. Н. Бордюжей по итогам заседания СМИД ОДКБ, Москва, 3 апреля 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/67454 (дата обращения 22.07.2018)

Лавров, 11.04.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций международной специализации, Москва, 11 апреля 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-
/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/65998 (дата обращения 22.07.2018)

Лавров, 17.04.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам встречи представителей ЕС, России, США и Украины, Женева, 17 апреля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/64910 (дата обращения 22.07.2018)

Лавров, 21.04.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и сотрудничества Республики Мозамбик О. Балоем, Москва, 21 апреля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/64278 (дата обращения 21.07.2018)

Лавров, 24.04.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на открытии Глобального университетского форума, Москва, МГИМО (У), 24 апреля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/63718 (дата обращения 16.08.2018)

Лавров, 25.04.2014 – Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С. В. Лаврова в ходе Первого форума молодых дипломатов стран СНГ, Москва, 25 апреля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/63438 (дата обращения 21.07.2018)

Лавров, 29.04.2014 – Вступительное слово Министра иностранных дел России С. В. Лаврова перед началом переговоров с Министром иностранных дел Кубы Б. Родригесом, Гавана, 29 апреля 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cu/-/asset_publisher/ZCoR8WfDPJng/content/id/62854 (дата обращения 21.07.2018)

Лавров, 01.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Чили Э. Муньосом, Сантьяго, 30 апреля 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/62306 (дата обращения 21.07.2018)

Лавров, 06.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Комитета министров Совета Европы, Вена.

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/61730 (дата обращения 22.07.2018)

Лавров, 23.05.2014 – Ответы Министра иностранных дел С. В. Лаврова на вопросы СМИ «на полях» Санкт-Петербургского международного экономического форума, 23 мая 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/59026 (дата обращения 21.07.2018)

Лавров, 27.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Турции А. Давутоглу по итогам IV заседания российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования, Москва, 27 мая 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/

/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/58594(дата обращения 22.07.2018)

Лавров, 28.05.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на протокольном мероприятии по случаю Православной Пасхи, Москва,

28 мая 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/58346 (дата обращения 20.07.2018)

Лавров, 29.05.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Венесуэлы Э. Хауа, Москва,

29 мая 2014 года. Режим доступа:

http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-

/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/58242 (дата обращения 20.07.2018)

Лавров, 02.06.2014 – Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел и сотрудничества Мавритании А. У. Тегеди, Москва. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/mr/-/asset_publisher/8vtaszgV9JZb/content/id/57414 (дата обращения 20.07.2018)

Лавров, 04.06.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам, Москва, 4 июня 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57150 (дата обращения 20.07.2018)

Лавров, 09.06.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Финляндской Республики Э. Туомиойей, Турку 9 июня 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56710 (дата обращения 20.07.2018)

Лавров, 10.06.2014 – Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Польши Р.Сикорским и Министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, Санкт-Петербург, 10 июня 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56662 (дата обращения: 24.07.2018)

Лавров, 28.06.2014 – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова программе «Вести в субботу с Сергеем Брилевым», Москва, 28 июня 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/video/-/asset_publisher/i6t41cq3VWP6/content/id/3334637 (дата обращения: 24.07.2018)

Лавров, 31.07.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на заседании СМЖД ШОС, Душанбе, 31 июля 2014 года. Режим доступа:

[http://www.mid.ru/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-](http://www.mid.ru/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/)

/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/675915 (дата обращения 15.08.2018)

Лавров, 27.09.2014 – Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 сентября 2014 года. Режим доступа: [http://www.mid.ru/general_assembly/-](http://www.mid.ru/general_assembly/)
/asset_publisher/lrzZMhfoyrUj/content/id/668972 (дата обращения 22.07.18)

Лавров, 28.10.2014 – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова телеканалу “Life News” и газете «Известия», Москва, 27 октября 2014 года. Режим доступа: [http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-](http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/)
/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/742828 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 06.11.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на Всемирной тематической конференции «Первая мировая война и судьбы российских соотечественников», Москва, 6 ноября 2014 года. Режим доступа: [http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-](http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/)
/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/791981 (дата обращения 23.07.2018)

Лавров, 18.11.2014 – Вступительное слово Министра иностранных дел С. В. Лаврова на совместном заседании коллегий МИД России и МИД Республики Беларусь, Минск, 18 ноября 2014 года. Режим доступа: [http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-](http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/)
/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/790794 (дата обращения 25.07.2018)

Лавров, 19.11.2014 – Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 19 ноября 2014 года. Режим доступа: [http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-](http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/)
/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/790722 (дата обращения 19.07.2018)

Лавров, 22.11.2014 – Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 22 ноября 2014 года. Режим доступа:

- http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/790194 (дата обращения 20.07.18)
- Лавров, 09.12.2014* – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова МИА «Россия сегодня», Москва, 9 декабря 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/817710 (дата обращения 20.07.2018)
- Лавров, 15.12.2014* – Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы информационного агентства «Интерфакс», Москва, 15 декабря 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/844334 (дата обращения: 17.07.2018)
- Лавров, 22.12.2014* – Заявление для СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам совместного заседания Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны и Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ, Москва, 22 декабря 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/857695 (дата обращения 21.08.2018)
- Лавров, 25.12.2014(1)* – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1», Москва, 25 декабря 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/869738 (дата обращения 14.07.2018)
- Лавров, 25.12.2014(2)* – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова газете «Коммерсант», опубликованное 25 декабря 2014 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/867086 (дата обращения 25.07.2018)
- Лавров, 09.12.2015* – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова итальянским СМИ, Москва, 9 декабря 2015 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/1968020 (дата обращения 25.07.2018)

Лавров, 01.12.2016 – Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова итальянской газете «Коррьере делла Сера», Москва, 1 декабря 2016 года.

Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2541168 (дата обращения 25.07.2018)

Лавров, 29.12.2016 – Ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы информагентства «Россия Сегодня», Москва, 29 декабря 2016 года.

Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2582919 (дата обращения 25.07.2018)

Рябков, 03.07.2017 – Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябкова газете «Известия», 3 июля 2017 года. Режим

доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/2805925 (дата обращения 28.07.2018)

Kerry, 01.02.2014 – Remarks at Munich Security Conference, Munich, Germany, February 2, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221134.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 17.02.2014 – Remarks With Indonesian Foreign Minister Raden Mohammad Marty Muliana Natalegawa, Jakarta, Indonesia, February 17, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221711.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 26.02.2014 – Remarks at the U.S.-Georgia Strategic Partnership Commission Plenary Session, Washington, DC, February 26, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/02/222580.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 01.03.2014 – Situation in Ukraine, Washington, DC, March 1, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222720.htm> (дата обращения 15.08.2018)

Kerry, 02.03.2014(1) – Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation, Boston, MA, March 3, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222783.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 02.03.2014(2) – Interview With David Gregory of NBC's Meet the Press, Boston, MA, March 3, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222721.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 02.03.2014(3) – Interview With George Stephanopoulos of ABC's This Week, Boston, MA, March 3, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222722.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 04.03.2014 – Remarks at a Solo Press Availability, Kyiv, Ukraine, March 3, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222882.htm> (дата обращения 26.07.2018)

Kerry, 18.03.2014 – Interview With Derek McGinty of Gannett, WUSA9 News, Washington, DC, March 18, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/223669.htm> (дата обращения 21.08.2018)

Kerry, 28.05.2014 – Interview With Chris Cuomo of CNN New Day, Washington, DC, May 28, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/05/226587.htm> (дата обращения 21.08.2018)

Kerry, 29.05.2014 – Interview With Gwen Ifill of PBS NewsHour, Washington, DC, May 29, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/05/226890.htm> (дата обращения 21.08.2018)

Kerry, 01.04.2014 – Press Availability at NATO, Brussels, Belgium, April 1, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224282.htm> (дата обращения 26.07.2018)

Kerry, 02.04.2014 – Remarks at the U.S.-EU Energy Council Meeting, Brussels, Belgium, April 2, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224287.htm> (дата обращения 26.07.2018)

Kerry, 08.04.2014 – National Security and Foreign Policy Priorities in the FY 2015 International Affairs Budget, U.S. Capitol, Washington, DC, April 8, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224523.htm> (дата обращения 26.07.2018)

Kerry, 17.04.2014 – Remarks With EU High Representative Catherine Ashton After Their Meeting, Geneva, Switzerland, April 17, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224947.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Kerry, 24.04.2014 – Remarks on Ukraine, Washington, DC, April 24, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225166.htm> (дата обращения 27.07.2018)

Kerry, 28.04.2014 – Interview With Vincent Makori of Voice of America's Africa 54, Washington, DC, April 28, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225357.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Kerry, 29.04.2014 – Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free" Conference, Washington, DC, April 29, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225380.htm> (дата обращения 27.07.2018)

Kerry, 21.05.2014 – Remarks With Mexican Foreign Secretary Jose Antonio Meade, Mexico City, Mexico, May 21, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/05/226414.htm> (дата обращения 20.08.2018)

Kerry, 30.06.2014 – Interview With Wang Guan of CCTV, Washington, DC, June 30, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/06/228904.htm> (дата обращения 20.08.2018)

Kerry, 29.07.2014 – Remarks With Ukrainian Foreign Minister Pavlo Klimkin After Their Meeting, Washington, DC, July 29, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/07/229905.htm> (дата обращения 20.08.2018)

Kerry, 22.10.2014 – Press Availability With German Foreign Minister Frank-Walter Steinmeier, Berlin, Germany, October 22, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/10/233241.htm> (дата обращения 23.07.2018)

Kerry, 31.10.2014 – Interview With Al Hunt of Bloomberg News on the Charlie Rose Show, Washington, DC, October 31, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/10/233618.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Kerry, 05.11.2014 – Press Availability in Paris, France, November 5, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/11/233779.htm> (дата обращения 26.07.18)

Kerry, 02.12.2014 – Solo Press Availability at NATO Headquarters, Brussels, Belgium, December 2, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/12/234613.htm> (дата обращения 25.07.2018)

Nauert, 27.06.2017 – Department Press Briefing, Washington, DC, June 27, 2017. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/06/272215.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Nauert, 06.07.2017 – Department Press Briefing, Washington, DC, July 6, 2017. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2017/07/272393.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Sullivan, 20.06.2017(1) – Remarks at a Solo Press Availability, Cancun, Mexico, June 20, 2017. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/06/272073.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Sullivan, 20.06.2017(2) – Remarks at the Plenary Session of the Organization of American States General Assembly, Cancun, Mexico, June 20, 2017. Available at: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/06/272063.htm> (дата обращения 24.07.2018)

Приложение А

ИКР (Информационная карта РИД)

Регистрационный
номер НИОКТРРегистрационный
номер РИД

Дата регистрации РИД

Нет данных	AAAA-Г17- 617111540005-5	15/11/2017
------------	-----------------------------	------------

Наименование РИД

База данных «Корпус текстов российского и американского внешнеполитического дискурса (на русском и английском языках)»
--

Предполагаемый вид РИД

04. База данных

Предполагаемое закрепление прав

Заказчик и Исполнитель совместно

Ключевые слова

Внежнополитический дискурс, международные отношения, язык, жанр, российский, американский

Реферат

<p>Корпус текстов российского и американского внешнеполитического дискурса включает выступления представителей российского МИД и Госдепартамента США, датированные 2014-2017 гг. Объем корпуса составляет около 154 тысяч словоупотреблений. Источником текстов являются официальные сайты МИД РФ и Госдепартамента США. Гиперссылки приведены перед соответствующими текстами. Корпус включает три раздела: выступления представителей российского МИД (30 текстов), переводы выступлений с русского на английский (6 текстов), выступления представителей Госдепартамента США (20 текстов). Тексты относятся к разным жанрам внешнеполитического дискурса (выступление, заявление, комментарий, интервью и др.). Корпус может быть использован в ходе исследования роли языка в концептуализации международных отношений, при изучении особенностей речевой коммуникации в сфере международных отношений, при обучении переводу, для составления словарей языка в сфере международных отношений.</p>
--

Авторы

№	СНИЛС	ФИО	Вклад в работу
1	008-813-494 54	Дубровская Татьяна Викторовна	Разработка базы данных
2	151-991-880 98	Блохина Яна Алексеевна	Разработка базы данных

Сведения о заказчике работы

Наименование организации	Сокращённое наименование организации	ОКОГУ	ОКОПФ	ОГРН
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет"	ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", Пензенский государственный университет, ФГБОУ ВО "ПГУ"	1322500 - Министерство образования и науки Российской Федерации	75103 - Федеральные государственные бюджетные учреждения	1025801440620

Сведения об исполнителе работы

Наименование организации	Сокращённое наименование организации	ОКОГУ	ОКОПФ	ОГРН
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет"	ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", Пензенский государственный университет, ФГБОУ ВО "ПГУ"	1322500 - Министерство образования и науки Российской Федерации	75103 - Федеральные государственные бюджетные учреждения	1025801440620

Руководитель организации
Руководитель работы

Фамилия, инициалы	Должность	Подпись
Гуляков А. Д.	Ректор	
Дубровская Т. В.	Заведующая кафедрой "Английский язык"	

РИД подтвержден Заказчиком

Место для печати

